
R 172/131
кн. 1

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
№ 1
КУЛЬТУРА
И
ПИСЬМЕННОСТЬ
ВОСТОКА
ВСЕСОЮЗ ЦЕНТР. К-Т
НОВОГО ТЮРКСК АЛФ.
ПЕТР
АФАНАСЬЕВ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА

СБОРНИК
Всесоюзного Центрального Комитета
Нового Тюркского Алфавита

КНИГА 1-ая

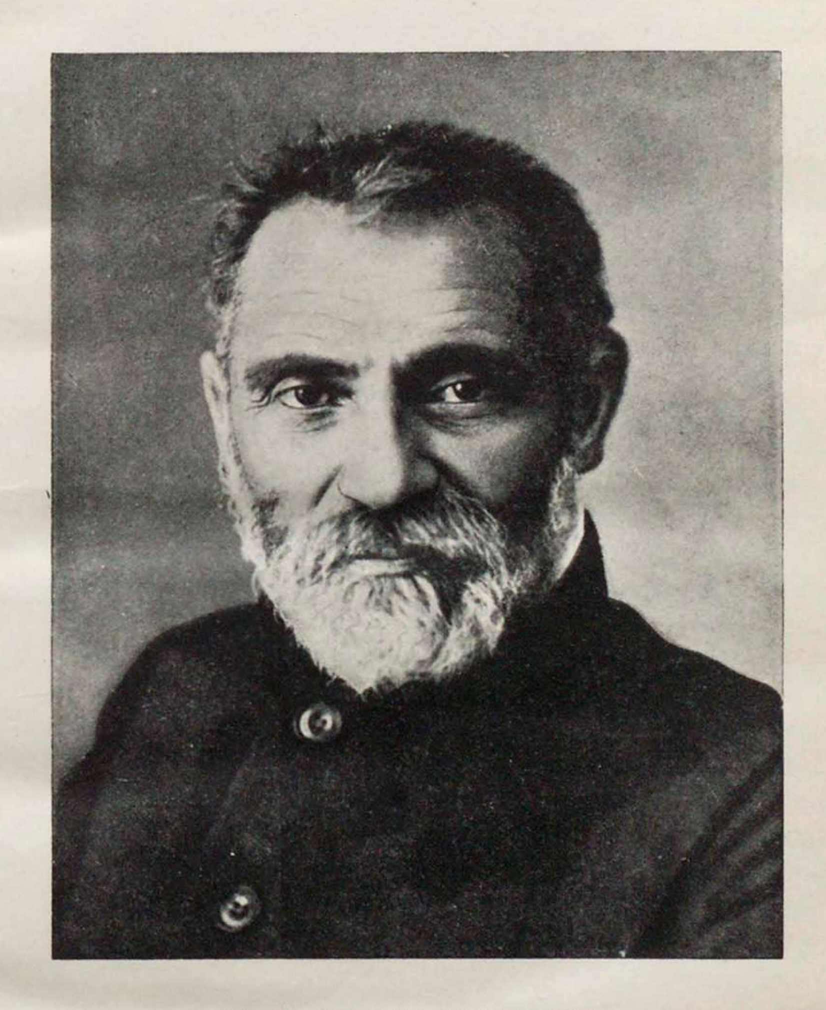

МОСКВА — 1928

Главлит № А-5834. МОСКВА Тираж 3000.

Кн. фабрика Центриздата Народов СССР. Москва, Шлюзовая набережная, 6.

С. А. АГАМАЛЫ-ОГЛЫ

Председатель Всесоюзного Центрального Комитета
Нового Тюркского Алфавита

М

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. один. соедин. №№ вып. 1928	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	
		кн. 1			1	Д	4644 / 2	

НОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА

В переживаемый нами период борьбы труда с капиталом, в период развертывающейся мировой пролетарской революции, наблюдается под'ем широкой активности трудящихся масс, происходит «пробуждение» отсталых колониальных и полуколониальных народов. Это происходит во всех уголках земного шара; массы вступают в борьбу с отживающим капитализмом. В происходящей гигантской борьбе классов СССР является центром мирового пролетариата, является центром и для угнетенных, порабощенных капитализмом, народов. Переустройство всего народного хозяйства на социалистических началах и культурная революция — вот две основные силы, ведущие к социализму. СССР дает в этом вопросе пример как для передовых стран (успеха нашего социалистического строительства), так и для отсталых народов (успеха нашего национального, советского строительства). В настоящее время движение вперед к социализму среди бывших «инородцев» России охватывает широкие массы трудящихся, идет рост народного хозяйства, усиливается борьба с эксплоататорской верхушкой, как нэпмановской, так и с оставшимися элементами вне экономической эксплоатации. Увеличивается тяга к грамоте и знанию среди широких народных масс. Преодолеваются большие трудности — наследие старого. Культурная отсталость, огромная неграмотность, пережитки старой, чуть-ли не до-капиталистической, идеологии требуют самой интенсивной работы среди национальностей СССР.

Одним из кардинальнейших вопросов культурной революции на Востоке, значение которого чрезвычайно велико и за пределами нашего Союза, — это вопрос о создании шрифта, письменности, облегчающей быстрое усвоение грамоты массами. Этот вопрос стоит перед народами, так называемой, «мусульманской культуры». Вопрос замены арабского алфавита другим является вопросом преодоления старой, идеологической надстройки, отжившей, тормозящей движение вперед к культуре. Мертвый хватает живого! Никто не станет отрицать значение в свое время арабской культуры. В эпоху расцвета ислама арабы сыграли огромную и положительную роль в жизни целого ряда народов Востока. Своего рода восточный «интернационализм», созданный арабами их культурой, их алфавитом, несомненно имел большое значение. Глупо было бы это отрицать. Но, по мере того, как задерживалось экономическое и культурное развитие Востока, по мере того, как рос европейский капитализм

и порабощал народы Востока, арабская, исламская культура, созданный ею алфавит, все более и более становились тормозом, балластом, орудием эксплоатации и средством держать массы в поголовной неграмотности и невежестве, воспитывая их на мертвой и бесполезной схоластике. Арабский алфавит сделался «аристократическим», доступным только немногим; грамота сделалась привиллегией верхушки народа. Арабская культура стала религиозно-схоластической, застывшей в рамках докапиталистического общества. Однако, арабский алфавит продолжал существовать, и лишь после Октябрьской революции стал во всю широту вопрос о культурном под'еме среди отсталых национальностей. Эти национальности, нередко призванные к жизни Октябрем, в результате проведения лозунга советской власти о самоопределении народов, развивают широкую деятельность. Они впервые изучаются наукой не как об'екты эксплоатации или академического интереса, а изучаются советской наукой в целях дальнейшего роста и прогресса их трудящихся масс. Актуальные проблемы их жизни делаются проблемами первоочередными и для советской науки.

Проблема проведения ново-тюркского алфавита является одной из таких проблем. Все больше и больше общественное мнение в нацреспубликах и областях тюркских народностей, мнение партийных и советских деятелей этих народностей утверждается в необходимости перехода к новому алфавиту, как средству скорейшего вовлечения трудящихся масс в социалистическое строительство, в строительство новой культуры. Это течение охватило целый ряд республик и областей; создались Комитеты по проведению нового алфавита и, наконец, по их инициативе организован Всесоюзный Комитет, задачей коего является помощь местам в этом трудном и сложном деле введения нового алфавита. Ниже читатель найдет специальные статьи, посвященные деятельности и задачам Всесоюзного Комитета по проведению ново-тюркского алфавита. Деятельность всех Комитетов базируется на широком привлечении внимания советской общественности к новому делу, на самодеятельности широких масс самих трудящихся тюркских народностей; построена на принципе добровольности. Успехи движения за новый алфавит доказывают жизненность и своевременность его введения. Дальнейшее завоевание масс, трудовой интеллигенции, должно подготовить почву для массового охвата школы и ликбезов, проведения в них нового алфавита полностью. Массовая ликвидация неграмотности рабочих, крестьянских и батрацких масс и введение в школах обучения детей на новом алфавите — вот задача ближайших лет.

Все более и более развертывающаяся деятельность Всесоюзного Комитета по проведению нового алфавита, расширяющаяся работа на местах, требуют освещения вопросов новой письменности на страницах печати, требуют обмена опыта работы в различных республиках, требуют систематической проработки целого ряда вопросов, связанных с введением новой письменности, как-то: вопросы унификации нового алфавита, орфографии, шрифта, и проч. Является необходимость в особом печатном

органе, освещающем вопросы новой письменности, помогающем местам в разрешении ряда сложнейших проблем. Всесоюзный Комитет решил выпускать периодические сборники, посвященные вопросам нового алфавита, дабы притти на помощь назревшей нужде мест в руководящем материале. В сборнике предполагается освещение вопросов научного и научно-методического характера, связанных с введением новой письменности.

Как уже выше отмечалось, достижения советской науки, впервые приступившей к изучению вопросов алфавита и графики для тюркских народностей, значительны. Европейская буржуазная наука не знает подобных вопросов, она ими не интересовалась. Надо полагать, что работа наших советских лингвистов в этом вопросе будет продолжаться также интенсивно и работа их займет подобающее место на страницах наших сборников и окажет немаловажную услугу практическим работникам по проведению нового алфавита на местах.

Далее, представляется необходимым освещение положения на местах. Как идет работа, каковы достижения и недочеты? Мы имеем крайне пеструю картину на местах, от далеко ушедшего вперед Азербайджана, Северного Кавказа до создающих почти заново письменность вообще «татар-кряшен». От большой работы, проделанной общественными, советскими организациями до только что приступающей и находящейся в первоначальной стадии (республики Средней Азии). Опыт работы на местах, живой обмен накопившимся материалом даст также не мало пользы для практических работников мест. Надо надеяться, что в этой области не будет иметься недостатка в материалах и места снабдят в этом отношении сборник.

Наконец, третью часть сборника предполагается посвятить образцам художественной литературы тюркских народностей, которая будет печататься ново-тюркским шрифтом на родном языке. Эта часть найдет живой отклик среди молодых литераторов и писателей тюркских народностей, выросших и развивших свой талант в период гражданских войн и пролетарской революции, на лучших образцах произведений которых будет обучаться подрастающая молодежь.

Выпуская настоящий сборник, редакция надеется, что при самом активном участии политических, научных и культурных сил как центра, так и мест, будет с успехом продолжать начатое дело.

К ДЕЛУ И К ДЕЛУ!

Говорить о значении нового тюркского алфавита, построенного на латинской системе, взамен арабского, для культурного под'ема и успеха на пути хозяйственного и культурного развития отсталых народов арабской письменности нашего Союза, да и вне Союза, после определения тов. Ленина, признавшего это движение „революцией на Востоке", после Тюркологического с'езда, (созванного в Баку в марте 1926 г.), признавшего прогрессивность и необходимость латинизации арабской письменности, даже реформированной арабской, выдвинутой в Татреспублике, в Казакстане и др., после проделанного обширного опыта с латинизацией в Закавказье, в областях Северо-Кавказского Края, и в некоторых других республиках—Башкирии, Киргизии, отчасти в Заказани, в Крыму,—теперь уже не имеет ровно никакого практического смысла. Нужно считать, что латинисты на теоретическом и отчасти на практическом фронте одержали блестящую победу над косными арабистами; теперь не время уже спорить о преимуществах и недостатках латинского и арабского алфавитов, а время умелого и скорого проведения этой идеи в жизнь во всем нашем Союзе у народов арабской письменности. Эта вторая задача оказалась гораздо сложнее и труднее первой—преодоления арабистов, которые, кстати сказать, сами помогли нам технически неудавшимся реформированием старого алфавита.

Затруднения прежде всего встречаются из-за отсутствия материальных средств. Действительно, новое дело и должно принести новую нагрузку на существующий бюджет, а в данном случае средства, отпускаемые на культурно-просветительные и учебные цели, в ближайшие годы будут поглощаемы обслуживанием при помощи арабского алфавита, пока новый алфавит не займет окончательно господствующее положение. Правда и теперь можно и должно все средства на ликвидацию неграмотности и на занятия в школах первых групп I-ой ступени обратить на обучение по новому алфавиту и затем, планомерно увеличивая бюджет нового алфавита за счет старого, в течение определенного времени соответственно тем или другим условиям республики все школы, печать и государственное делопроизводство перевести на новый алфавит [1]), сохранив

[1]) Такой план выработан, например, в Азербайджане; предусмотрено закончить латинизацию к 1930 году, а в Туркмении к 1931 году.

арабский, как предмет, и то в высших школах, избавив детвору и отроков от притупляющей арабской дребедени. Но это переходное время все таки потребует большой нагрузки на бюджеты республик, непосильной для отдельных республик.

Однако материальные затруднения преодолеваются и будут несомненно преодолены при поддержке Союзного Правительства, ибо в этом революционном деле в области культуры не заключены лишь обособленные интересы отдельных народов, а интересы всего Союза, потому что в системе советских Союзов нет таких интересов, которые, касаясь одних, были-бы безразличны для других, как в материальной, так и в духовной области. Как не должно быть ни одного неграмотного у народов Сов. Союза, так и не должно быть среди них ни одного отсталого народа, который иначе явится балластом в общем развитии социалистического развития. В таком единстве интересов и заключается непреоборимая мощь Советск. Союза.

Беда во всяком случае в том, что наши товарищи в некоторых республиках за исканием идеального, раз навсегда беспорочного, алфавита, практически сильно отстали в деле латинизации от других республик, а некоторые застряли в области теоретических рассуждений. Например, много времени, мыслей и чувств отдано вопросу об унификации алфавитов, самостоятельно возникших в каждой республике и при том, если можно так сказать, по способу интуиции индивидуального творчества, без использования уже существовавших ранее в наличии, как напр. в Азербайджане, Северном-Кавказе алфавитов, материалов и опытов из широкой практики других республик, что практикуется вообще при технических и научных изысканиях, и без всякого учета создавшегося положения: одни республики далеко ушли в своей практике, прочно укрепив положение латинизации в ущерб арабизму, имея сотни тысяч грамотных по новому алфавиту, литературу и газетные издания и тысячами подписчиков преимущественно из трудового населения, а другие только приступают к латинизации. В таком случае реальная унификация могла и должна была-бы итти по линии исправления явных несуразностей, обнаруженных практикой у республик, уже осуществляющих задачу латинизации,—с одной стороны, а с другой—по линии дополнения к действующим алфавитам недостающих для того или иного языка букв, чтобы избегнуть большего ущерба существующим алфавитам. Унификация была-бы реальна тогда, когда все унифицирующиеся республики имели-бы в той или другой степени практические завоевания в деле латинизации, ни в коем случае не позволяющие возврата к старому, т.-е. была-бы создана такая обстановка, которая неизбежно и логически требовала-бы дальнейшего развития латинизации. Только в этом случае постановка вопроса об унификации алфавитов была-бы реальной и легко разрешимой. Иначе нет никакой гарантии в том,

что и после унификации, достигнутой с большим трудом, не явится группа в республиках, находящихся в первоначальной (почти теоретической) стадии развития латинизации, предлагающая свою еще более, якобы, совершенную форму унификации или новую конструкцию алфавита, как это случилось в Казакстане. Ведь куда же это нас поведет?—К полному поражению.

Нельзя забывать той истины, что теория без практики пустой звук, что „связь между теорией и практикой должна быть полная“, как учит марксизм.

Кроме того, для латинистов не унификация является актуальным, первоочередным, жизненно необходимым, а вышибание старого алфавита новым на латинской системе. Ведь и без унификации можно жить на современном уровне и прогрессировать, как это наблюдается в Европе, что, конечно, нисколько не исключает взаимного культурного влияния.

Идея унификации весьма и весьма полезная вещь, даже идеальная, как идея равенства и братства, но как и последняя, требующая для своего осуществления не измышлений умных людей, а реальных условий, определенной обстановки жизни, необходимых предпосылок. Для унификации же тюрко-татарских новых алфавитов необходимо, чтобы они были широко испытаны на практике, и чтобы новая идея нашла в жизни свое оправдание и утверждение, тогда и только тогда идея унификации пройдет через авторитетные органы, постановления которых будут носить обязательный характер, а не характер пожелания, при чем унификация произойдет раньше и легче между языками, близкими по звуковой общности.

Алфавиты же некоторых республик не вышли еще из стадии любительских пожеланий, неизвестных широкой массе, на практике не заслужили единого признания данной республики, имея подчас против себя и контр-проекты. Такие алфавиты не представляют благодарной почвы для унификации, тем более, когда они являются измышлениями группы или отдельных авторов, которые к тому же мало бывают склонны на уступки, твердо веря, что именно их проекты являются наиболее выдержанными. Другое дело алфавиты, как Азербайджанский, который является результатом коллективного творчества, имеет свою историю,—признан партией и правительством, стал государственным, существовал и развивался на практике еще до этого признания.

Только республики, признавшие, т.-е. декретировавшие новые алфавиты, могут поставить дело унификации на практически жизненные, реальные основы, потому что здесь уже выступают государственные органы, а не любители и добровольческие общества, постановления которых могут быть и весьма гениальными, но не правомочными. Чтобы дело унификации сделать всеобщим, именно сторонники унификации в начинающих дело латинизации республи-

ках, для облегчения собственной же задачи, должны по логике вещей взять за основу для своего алфавита уже признанные и испытанные на практике и заслужившие громадный авторитет в широких массах населения алфавиты, а не сочинять свое и начинать работу с выработкой алфавита заново, с тем, чтобы немедленно перейти к делу, к проверке пригодности алфавита на практике.

Такой переход, переход именно от слова к делу, тем более необходим для начинающих республик, что более или менее удовлетворительная форма унифицированного алфавита уже дана первым Пленумом Всесоюз. Центр. Комитета нового тюркского алфавита. Между тем, есть товарищи, которые все еще ищут в алфавитной области истину последнего слова, забыв, что в истории вообще „последнего слова“ нет, а есть конкретные истины. Бывший русский алфавит с буквами „ять“, „фита“, „ижица“ и проч. был последним словом в сравнении с церковно-славянской письменностью, потому что лучше, шире и глубже обслуживал интересы жизни и культуры той эпохи; нынешний русский алфавит без этих букв в отношении к предыдущему также есть последнее слово потому, что культурные и жизненные интересы современной эпохи еще шире и лучше обслуживаются, и не исключено время, когда жизнь укажет на новые изменения русск. алфавита. Таков всеобщий закон диалектики,— против него ничего не поделаешь.

Нужно определенно сказать, что латинисты, не умеющие конкретно подходить к делу, не умеющие делать практических соглашений, путающиеся в теории, ищущие истину сейчас на все грядущие века, а не в данных условиях и исторической обстановке, незаметно для себя ведут к срыву этой „революции на Востоке“,—дело латинизации арабской письменности. Надо напомнить этим товарищам, что каков бы ни был алфавит, построенный на латинской системе, он есть истина перед арабским, есть „последнее слово“, а следующее последнее слово скажет и укажет практика, скажет история. А сейчас истиной является переход от слова к делу!

Другое обстоятельство, задерживающее развитие латинизации,— это плохо понятая и ошибочно применяемая идея „осторожности“ которая в известном случае является скорее методом срыва, чем методом тактики и подхода к делу. Например, Казакские латинисты, из „осторожности“ все еще не перешли из области теории в область практики.

Удивительная осторожность без дела! А ведь осторожность это есть предусмотрительность, определенный подход именно к известному делу, к практике, поэтому нет осторожности там, где нет дела и нет дела без осторожности. В каждом деле нужно, конечно, соблюдать известное правило осторожности, но когда она переходит меру,— становится могилой для этого дела. Ведь осторожность не есть ничего неделание! Позвольте спросить, перед чем и кем осторожность в данном деле, в деле латинизации алфавита?—Перед населением?

Но чем можно определить отношение населения, именно трудового населения, неграмотного населения, к этому делу, как только не практикой, не ознакомлением на практике самого населения с новым алфавитом? Ссылка на духовенство, на фанатизм, невежство и проч. не выдерживает ровно никакой критики. Наоборот, теоретически нужно допустить, что великая Октябрьская революция совершила огромный перелом в сознании именно трудового населения, на ком и надо нам базироваться в своей работе, и что широкие массы безусловно поддерживают и поддержат в дальнейшем идею революционизирования письменностей. Однако, подлинное отношение населения к новому делу обнаружится только на практике, и практика укажет на верные способы и тактику для победы на фронте нового революционного алфавита.

Надо поскорее к делу и к делу!...

Ю. НАЗИРОВ

ПРОВЕДЕНИЕ НОВОГО ТЮРКСКОГО АЛФАВИТА В СССР И БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Состоявшийся в гор. Баку (март 1926 года) Первый Всесоюзный Тюркологический С'езд, собравшись в количестве 111 человек—представителей научных и общественных организаций всех тюрко-татарских республик и автономных областей Союза и 20 человек-представителей научного мира — академиков и профессоров —тюркологов, — выслушав доклады латинистов (сторонников замены арабского алфавита новым, сконструированным на латинском начертании звуков) и арабистов (сторонников сохранения старого арабского алфавита и реформированного арабского алфавита), ожесточенные прения между ними и всесторонне ознакомившись с существом этого вопроса, принял внесенную от имени республик Азербайджана, тюркского населения Армении и Грузии, Узбекстана, Туркменистана, Киргизии, Дагестана, Якутии и автономных областей Северо-Кавказского Края резолюцию следующего содержания:

1. Констатируя преимущество и техническое превосходство нового тюркского (латинского) алфавита над арабским и реформированным арабским алфавитом, а также огромное, культурно-историческое и прогрессивное значение нового алфавита сравнительно с арабским, С'езд считает введение нового алфавита и метод его проведения в отдельных тюрко-татарских республиках и областях делом каждой республики и каждого народа.

2. В связи с этим, С'езд констатирует факт огромного положительного значения, заключающегося в введении азербайджанской — областями и республиками СССР (Якутией, Киргизстаном, Ингушетией, Карачаево-Черкесской, Балкарской, Осетией и Чечней), и широком движении за введение нового алфавита на латинской основе в Башкирии, Туркменистане, в Узбекстане и Адыгейско-Черкесской области.

Отмечая и горячо приветствуя положительную работу, проделанную означенными областями и республиками в области введения нового тюркского алфавита, С'езд рекомендует всем тюрко-татарским и другим народам изучить опыт и метод Азербайджана и др. областей и республик Союза СССР для возможного проведения у себя этой реформы."

За вынесенную резолюцию голосовало 111 членов С'езда против 7-ми и воздержалось 9.

Это был большой, непоправимый удар для арабистов, возлагавших на этот С'езд совершенно противоположные надежды.

На следующий же день после закрытия с'езда, по инициативе членов с'езда — латинистов было созвано особое частное совещание представителей республик, принявших реформу алфавита, которое нашло необходимым организацию союзного центра для руководства этим движением, в масштабе всего Союза, а также выработку единой системы алфавита для всех республик с применением ее к существующим диалектам народностей, принимающих этот алфавит.

Временно, до организации Союзного Комитета, указанные выше задачи совещание возложило на уже организационно окрепший к тому времени Азербайджанский Комитет, во главе которого стоял и стоит ныне тов. АГАМАЛЫ ОГЛЫ. Азербайджанскому Комитету было предложено принять на себя общее руководство по проведению нового алфавита в республиках, принципиально ставших на точку зрения необходимости перехода с арабской на латинскую письменность, с сосредоточением всей издательской деятельности в этом направлении в гор. Баку, и поручено изыскать материальные средства для практического осуществления решений этого Совещания.

Однако, с первых же шагов своей работы Азербайджанский Комитет наткнулся на ряд препятствий. Не признанный официально правительственными органами Союза, союзным центром движения за новый алфавит, Азербайджанский Комитет не сумел отстоять представленную им в Союзные органы смету, охватывающую проведение в жизнь намеченных в Совещании мероприятий. Сметная заявка его полностью была отвергнута и Азербайджанский Комитет, будучи лишен материальных средств, не мог выполнить возложенной на него Совещанием задачи.

Несмотря на это, в Азербайджанский Комитет начали поступать от республик, приступивших к работе по переходу на новый алфавит, требования на снабжение их необходимыми типографскими шрифтами, учебниками и т. п. Запросы руководящих указаний, отчетные доклады и, таким образом, Азербайджанский Комитет фактически стал руководящим центром, но без необходимой к этому материальной базы.

Оказываемая республикам Азербайджанским Комитетом посильная помощь за счет его собственных средств безусловно не могла удовлетворить нужд, стихийно возникавших почти во всех республиках Союза, Комитетов и Обществ Нового Тюркского Алфавита, и вопрос об организации официально оформленного союзного центра всего движения за новый алфавит до того назрел, что дальнейшая отсрочка была уже немыслима. Все республики свои требования адресовали непосредственно т. АГАМАЛЫ ОГЛЫ, как инициатору этого дела, возлагая на него ответственность за успех проведения реформы.

Все эти обстоятельства вынудили т. АГАМАЛЫ ОГЛЫ взять на себя инициативу организации Всесоюзного Центрального Комитета

Нового Тюркского Алфавита (ВЦК НТА.). Тов. АГАМАЛЫ ОГЛЫ, воспользовавшись пребыванием в Москве представителей почти всех тюрко-татарских республик Союза на Сессии ЦИК'а СССР 13-го февраля с/г., созвал Совещание деятелей отдельных тюрко-татарских республик, присутствовавших на этой Сессии, которое в своих решениях вновь подтвердило уже состоявшееся по сему вопросу постановление Совещания, имевшего место в г. Баку после Тюркологического С'езда о своевременности и необходимости организации Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита с местом пребывания его в г. Баку и с организацией Представительства в г. Москве, для связи Комитета с общесоюзными органами по всем организационно-финансовым вопросам.

Для оформления и реализации этого решения была избрана Оргкомиссия в составе: Председателя т. АГАМАЛЫ ОГЛЫ и членов: Ю. НАЗИРОВА, Ф. ХОДЖАЕВА, Б. КУЛЬБЕШЕРОВА, М. АЙТАКОВА, С. АСФЕНДИАРОВА и С. М. ДИМАНШТЕЙНА.

Комиссия эта немедля приступила к работе и разрешила основные организационные вопросы.

Общий численный состав Комитета был определен в 39 человек с представительством в нем нижеследующих республик Союза:

Азербайджанской СССР	4 чел.
Тюркского населения Грузинской СССР	1 „
„ „ Армянск. ССР	1 „
Нахичеванск. АССР	1 „
Узбекской ССР	4 „
Туркменской ССР	2 „
Башкирской АССР	2 „
Таджикской АССР	1 „
Дагестанской АССР	2 „
Казакской АССР	3 „
Крымской АССР	1 „
Киргизской АССР	1 „
Татарской АССР	2 „
Кара-Калпакской АО	1 „
Сев.-Кавк. Края	3 „
От союзных организаций	10 „

Одновременно были запрошены соответствующие республики о выделении персональных кандидатур. К началу мая м-ца были получены от всех республик списки выбраных ими кандидатов. Комиссия, выполнив возложенные на нее функции, одновременно подготовила к 1 июня 1927 г. созыв первого Пленума ВЦК НТА.

Заседание Пленума открылось 3-го июня в гор. Баку и закончилось 6-го июня с/г.

Заслушав доклад Временного Президиума Комитета, Пленум одобрил его деятельность и констатировал в его деятельности нижеследующие достижения:

1. Проведены через соответствующие центральные учреждения необходимые постановления об организации Всесоюзного Центр. Комитета Нового Тюркского Алфавита.

2. Оформлен состав ВЦК НТА, согласно обращения временного Президиума по республикам и созван настоящий учредительный пленум Комитета.

3. Приняты успешные меры к добыванию необходимых материальных средств для работы Комитета.

4. Проведено осведомление советской общественности через прессу, как центральную, так и местную, об организации деятельности ВЦК НТА и т. д.

Составление плана работ Комитета было поручено избранному на Пленуме Президиуму. Последний в скором же времени разработал план деятельности Комитета до 1 октября 1927 г., построив его на опыте мест, выявившемся из обмена мнений при докладе Пленуму республиканскими Комитетами о их деятельности за минувший период.

В кратких чертах план деятельности Комитета в период июль—октябрь 1927 г. предусматривал следующие мероприятия:

1. Изучение и отношение к НТА различных социальных групп, (в особенности учительства), советских, общественных и др. организаций, ибо только при этих условиях будет возможна правильная ориентировка специфических особенностей каждого района, для чего обследовать инструкторским аппаратом Комитета республики и области в нижеследующем порядке:

Казакстан, Татарстан, Узбекстан, Дагестан, Крым, Туркменистан, Башкирия, Киргизия, Сев. Кавказ и Закавказье.

До 1-го октября с/г. обследование произвести в порядке указанной очередности.

2. Систематически развивать, усиливать и углублять агитацию и пропаганду за НТА.

3. Приступить к изданию сборника, в котором, помимо агитации и популяризации идеи нового алфавита, должны освещаться теоретическая и методическая стороны вопроса о деятельности ВЦК и местных Комитетов.

4. Приступить к организации и комплектованию курсов агитаторов и инструкторов повышенного типа. Занятия на курсах начать с 10-го июля.

5. Наладить и развить работу Научного Совета по изучению и подготовке материалов дли окончательного разрешения вопроса об унификации и системе письменности; особенное внимание уделить сотрудничеству Научного Совета с соответствующими научными силами и научно-исследовательскими учреждениями.

6. Имея в виду, что из-за отсутствия необходимых шрифтов тормозится вся издательско-агитационная работа всех местных комитетов, приступить немедленно к изготовлению и снабжению мест типографскими шрифтами.

7. Ускорить издание агитационно-популярной литературы и букварей. Обратить внимание также на издание агитплакатов стенных и разрезных алфавитов.

8. Вся деятельность ВЦК НТА должна зиждиться на тесном контакте с местными Комитетами и организациями, преследующими аналогичные цели, почему необходимо тесно связаться с ними через институт инструкторов. Одновременно начать обследование силами инструкторов существующих организаций „Обществ Друзей“ („Содействия“) и т. д. с тем, чтобы помочь им организационно окрепнуть и в контакте с местными Комитетами учреждать новые Общества, ячейки друзей НТА. Необходимо выработать типовой устав означенных обществ и ячеек, взяв в основу уставы Закавказских организаций и „Яналиф“.

10. а) Считать необходимым обслужить нацменьшинства, не входящие в автономные образования РСФСР. В целях обслуживания упомянутых национальных меньшинств, образовать секцию при ВЦК, согласовав порядок и форму ее работы с НКПросом РСФСР.

б) Обратить усиленное внимание на использование об‘единяемой в землячества национальной молодежи Москвы и Ленинграда, для чего составить специальный план работы в этих городах, с тем расчетом, чтобы развернуть работу с сентября с/г. под непосредственным руководством ВЦК. Разработку плана работы в Москве и Ленинграде поручить Исполбюро.

Особенное внимание Пленум уделил вопросу унификации алфавита. Пленумом была выделена специальная комиссия под председательством тов. СЕЙФИ, которая после ряда обсуждений и изучения всех существующих проектов нового тюркского алфавита, дала свое заключение Пленуму, а последний, в свою очередь, детально обсудив и ознакомившись с решениями этой комиссии, принял. (См. статью проф. Поливанова в настоящем номере сборника по этому вопросу).

Кроме всего этого был рассмотрен особо вопрос о системе начертания звуков, свойственных отдельным наречиям, как-то: татарскому, башкирскому, туркменскому и др. и рекомендовано этим народностям то или иное их изображение.

В виду возникновения разногласий по вопросу о применении в алфавите заглавных букв, Пленум счел необходимым оставить этот вопрос открытым до следующего Пленума, поручив Научному Совету детально изучить, разработать этот вопрос и внести на его окончательное рассмотрение второго Пленума.

В отношении порядка проведения в жизнь принятого унифицированного алфавита Пленум постановил: „Принятые решения по унификации обязаны немедленно проводить в жизнь те народности, которые еще не осуществили практически латинизацию в письме; что же касается республик, давно уже проведших латинизацию (Азербайджан), то проведение этой реформы осуществляется ими в порядке постепенности по их усмотрению“.

Пленум избрал Президиум Комитета в составе 11 человек, куда вошли следующие товарищи: 1. Агамалы Оглы 2. Назиров Ю., 3. Кульбешеров Б., 4. Тюрякулов Н., 5. Диманштейн С. Н., 6. Ходжаев Ф., 7. Сейфи Ф., 8. Коркмасов Д., 9. Алиев Ос., 10. Асфендиаров С., 11. Алиев Ом.*) и трех человек Ревизионной Комиссии: т. т. Р. Ахундова, Г. Кушаева и Махмуд Надима.**)

Президиум из своего состава выделил Исполбюро, в составе пяти человек, а именно: Зам. Пред. К-та т. Кульбешерова, двух секретарей Президиума — Ю. Назирова и С. Асфендиарова и членов Президиума Диманштейна и Рыскулова.

С первых же дней организации ВЦК НТА работа его была сосредоточена на дальнейшем организационном укреплении аппарата Комитета и, главным образом, в направлении организации основных его оперативных ячеек — инструктажа, редакционной части и Научного Совета. Несмотря на всевозможные препятствия в выполнении этих основных оперативных задач, намеченный Президиумом план работ удалось выполнить если не на все 100%, то по крайней мере на 99-95%.

Инструкторский аппарат Комитета еще не пополнен: из 6-ти штатных должностей заполнены лишь три. Это обстоятельство, однако, является скорее результатом той осмотрительности и осторожности, которые проявлены в этом весьма серьезном вопросе, поскольку инструктаж является его основным, связующим звеном с ЦК отдельных республик. С другой стороны, не малую роль в этом отношении сыграл и факт отсутствия подходящих к тому работников, отвечающих тем требованиям, кои пред'являются к ним Комитетом.

В целях планомерного и рационального обслуживания и изучения районов, все охватываемые деятельностью ВЦК НТА районы разбиваются на секторы и распределяются между инструкторами с тем, чтобы каждый из них в течение года обслуживал только один из секторов.

На первый год работы установлены следующие секторы:

1. Северный Кавказ и Закавказье,

2. Поволжье (Татарстан и Башкирия),

3. РСФСР (тюркские нацменьшинства, не входящие в автономию) и Крым.

4 и 5. Средняя Азия — Узбекстан, Туркменистан, Казакстан, Киргизия и другие.

6. Ленинград и Москва.

Каждый из инструкторов совершает по своему сектору не менее двух поездок, продолжительность и маршрут которых устанавливает в каждом отдельном случае.

---

*) В последствии постановлением Президиума от 28 21-27 г. за № 2 п. 4 для пользы работы введен в члены Президиума и Исполбюро тов. Рыскулов.

**) Тов. Р. Ахундов по болезни выбыл из состава Рев. Комиссии, на его место кооптирован тов. Гатуев. Основание: тот же протокол п. 13.

Каждый из инструкторов, прикрепленный к одному из секторов, обязан представить в ВЦК НТА до своей поездки план своей работы и письменный отчет по обследованию своего сектора.

Основными задачами научного совета, долженствующими играть большую роль в деле рациональной постановки нового дела, является:

1. Проработка вопросов научного и программно методического характера и содействия научно-методической работе местных Комитетов, установление общих научных принципов по проведению НТА в тюркских языках СССР, б) руководство программно-методической работой ВЦК НТА, организация планомерной информации в научно-методической и программно-методической работе ВЦК НТА.

Организация курсов при ВЦК НТА по подготовке инструкторов агитаторов имела целью создать кадр активных работников идеи латинизации алфавита из работников, командируемых для этой цели от ЦК НТА в республиках. Курсы были рассчитаны на 50 слушателей по нижеследующей разверстке:

1. Киргизская АССР	4	места
2. Туркменская ССР	4	„
3. Узбекская „	5	„
4. Таджикская АО	3	„
5. Казакская АССР	6	„
6. Кара-Калпакская АО	2	„
7. Башкирская АССР	3	„
8. Татарская АССР	5	„
9. Дагестанская АССР	4	„
10. Крымская АССР	3	„
11. Сев.-Кавк. Край	6	„
12. Тюркское население РСФСР, не входящее в автономию	5	„

Открытие занятий на курсах было назначено на 10-е июля с/г. и срок работы их был определен месячный. Но из республик к указанному сроку прибыло лишь 11 человек. Поэтому начало занятий на курсах было отложено, сначала до 15-го июля, к каковому сроку прибыло лишь 13 человек и, наконец, на 18-е июля, к которому число курсантов достигло 23-х человек. Таким образом, фактические занятия на курсах начались с половинным их комплектом, который лишь к 1-му августа достиг 33-х человек.

По отдельным республикам прибывшие курсанты распределялись следующим образом:

1. Грузинский Комитет	1	чел.
2. Киргизская АССР	5	„
3. Туркменская ССР	4	„
4. Узбекская ССР	5	„
5. Казакская АССР	6	„
6. Кара-Калпакск. АО	1	„
7. Башкирская АССР	3	„

8. Татарская АССР . . . . 2 „
9. Дагестанская АССР . . . . 2 „
10. Крымская АССР . . . . 4 „

Итого: 33 человека.

Не прибыли на занятия курсанты из Таджикской АССР и от нацменьшинств РСФСР. Сев.-Кавк. Краевой Комитет просил освободить его от посылки своих работников, в виду достаточной налаженности у него агитационной работы и отсутствия нужды в таковых работниках.

Необходимо отметить, что как к комплектованию курсов, так и к подбору курсантов ЦК НТА в республиках подошли недостаточно серьезно. Характеристика присланного на курсы состава такова: из прибывших 33-х курсантов педагогов оказалось 24 чел.; по образованию курсанты делились так: со средним образованием 22 ч., с низшим—11, знакомых с НТА оказалось 21; мало знакомых—9 и незнакомых —4; работающих по НТА оказалось лишь 10, остальные 23 никогда по проведению НТА не работали; вообще знакомых с литературой об НТА прибыло 16, не знакомых—17.

По партийности: членов ВКП(б) — 11, ВЛКСМ — 10, беспартийных—12.

По окончании курсов курсанты были оставлены еще на несколько дней для испытания об‘ема приобретенных ими знаний.

Для подкрепления общей подготовки инструкторов, постоянным настольным руководством, согласно постанавления Исполбюро, издается конспективное изложение читанных на курсах лекций. Этим систематизированным, прокорректированным и изложенным популярным языком конспектом-сборником будут снабжены все курсанты, окончившие курсы, для того, чтобы они имели под рукой, для более глубокого изучения, материалы по промблеме НТА. Этими же конспектами будут снабжены инструктора ВЦК НТА, а также инструктора ЦК республик.

Опыт проведенных нами курсов выявляет, что в предстоящей работе ВЦК НТА вопрос о курсах подлежит разрешению в иной плоскости, чем мы имеем это теперь. Прежде всего срок работы курсов должен быть установлен более продолжительный и не менее 5 — 6 месяцев; приниматься должны курсанты с более серьезной подготовкой и во всяком случае не ниже среднего образования.

По издательству удалось достигнуть следующих результатов, а именно: сдано уже месяц тому назад и выйдет в ближайшие дни: стенографический отчет 1-го Пленума ВЦК НТА, на крымско-татарском языке выпускается книга для чтения АЙВАЗОВА, букварь ДЖЕМАЛЕТДИНОВА. На башкирском языке: букварь для детей букварь для взрослых, 1-я книга для чтения, „Пионер — Марат“, „Теляимя Етдем“ „История нового тюркского алфавита“ на арабском алфавите.

Готовы и будут сданы на днях к печати: конспект лекций, читанных на центральных инструкторских курсах, „Кунак“ „Имла дорос язув“, „Олкендер асан алифба китабы“.

Дело издательства вообще как в работе ВЦК НТА, так и в работе республиканских Комитетов должно занимать основное место, почему необходимо направить все силы к усилению этого дела и в дальнейшей своей работе учесть до мельчайших подробностей все те ошибки, которые имели место в этом году, дабы не допустить их вновь в работе нашей на 1927/28 год. Этого мы можем успешно достичь при условии дружной помощи ВЦК НТА местам и обратно. Последнего безусловно необходимо достичь, и это должно быть основной задачей республиканских Комитетов.

Отсутствие шрифта нового тюркского алфавита в типографиях значительного большинства тюрко-татарских республик является одним из основных, задерживающих успешность проведения в жизнь реформы алфавита, факторов.

Все издательские начинания во многих республиках упираются в недостаток, а иногда и полное отсутствие, шрифта, что делает и прочие мероприятия менее эффективными. Поэтому, в своей текущей работе ВЦК НТА, вопросу о снабжении тюрко-татарских республик и областей шрифтами уделил особое внимание.

Прежде всего ВЦК НТА в интересах обеспечения быстроты снабжения республик необходимым ассортиментом шрифтов, а также учитывая необходимость снабжения всех республик шрифтами уже унифицированного алфавита, централизовал в своих руках дело заготовки и снабжения шрифтами всех республик.

По решению Президиума ВЦК НТА все дело заготовки шрифта было сосредоточено в Центральном Издательстве Народов СССР, с которым и был заключен генеральный договор. По смете на мероприятия по заготовке шрифтов было забронировано 52.300 р., которые были разбиты по сметам отдельных республик и областей в суммах, определяющих стоимость назначенного для данной республики количества шрифта.

Всего предполагалось заготовить в течение 1926/27 г. 37.700 кгр. шрифта, каковой предназначался для следующих республик:

1. Башкирской	5.000	кгр.
2. Киргизской	3.000	„
3. Татарской	3.000	„
4. Туркменской	9.750	„
5. Казакской	2.750	„
6. Сев.-Кавк. Край	5.250	„
7. Таджикской	1.000	„
8. Кара-Калпакской	500	„

9. Крымской	1.000	„
10. Узбекской	2.500	„
11. Дагестанской	1.250	„
12. Грузинской	1.200	„
13. Армянской	1.500	„
Итого:	37.700	клгр.

Однако, Центральному Издательству не удалось по его производственным возможностям выполнить полную программу отливки шрифтов. К настоящему моменту, в полном соответствии с условиями заключенного с Центральным Издательством договора, последний изготовил 13.633,58 клгр., из коих 7.133,58 кгр. уже отправлены к месту назначения, 6500 клгр. приготовляются к отправке. На днях Центральное Издательство предполагает сдать еще 8.000 кгр. Таким образом, план централизованного снабжения республик шрифтами оказывается выполненным лишь в пределах 21.633,58 кгр. или 60% программы.

Достигнутые в этом отношении результаты необходимо признать максимальными, если учесть, что Центральное Издательство фактически получило для работы унифицированный алфавит лишь в начале июля месяца.

Из указанного количества заготовленного шрифта отдельные республики получили:

1. Башкирская	1.564	кгр.
2. Киргизская	3.383,4	„
3. Крымская	1.222	„
4. Казакская	380,98	„
5. Дагестанская	1.450,4	„
6. Узбекская	332,8	„

Таким образом, к началу учебного года эти шесть республик располагают полным ассортиментом шрифтов и могут широко развить как агитационную, так и издательскую работу.

Подлежащие приемке в недалеком будущем 8.000 кгр. шрифта предназначены на снабжение, главным образом, Туркменистана, который получит, примерно, 75% этой партии, остальные 25% будут переданы дополнительно указанным выше шести республикам на пополнение полученного ими ассортимента.

Татарская республика и Сев.-Кавказский Край, согласно выраженного ими желания, заготовляют шрифт своим попечением и получили причитающиеся им ассигнования деньгами. За счет этих кредитов Татаристан и Сев. Кавказ заготовили: первый—примерно 3.000 кгр. и второй—около 3.500 кгр.

Таким образом, всего в минувшем 1926/27 б. г. удалось заготовить шрифта, вместе с местными заготовками, 28.133,58 кгр. или около 75% плана, что при ограниченном времени работы является крупным достижением, во всяком случае, обеспечивающим издательское дело на местах на новом алфавите.

На с'езде наркомпросов республик, состоявшемся в Москве, был поставлен доклад ВЦК НТА по вопросу о реформе алфавита, где особо мотивированных возражений против проведения НТА не было, и представители громадного большинства заинтересованных республик нашли это мероприятие своевременным и необходимым.

Кроме указанного выше с'езда, 28 октября с/г. Наркомпросом РСФСР был созван Всероссийский С'езд работников просвещения среди тюркских национальных меньшинств РСФСР. На этом с'езде участвовали представители народностей: хаккайцев, башкир, туркмен, кряшен, татар, ногайцев, нагайбаков и ойрат.

ВЦК НТА на этом с'езде поставил свой доклад. В результате все эти народности единогласно констатировали преимущество и техническое превосходство нового тюркского (латинского) алфавита над арабским и реформированным арабским алфавитом, а также огромное культурно-историческое и прогрессивное значение нового алфавита.

Итак, в отношении популяризации идеи НТА достижения ВЦК НТА можно считать весьма удовлетворительными.

ВЦК НТА за короткое время своего существования при весьма чувствительном недостатке инструкторского аппарата сумел все же имеющимися силами обследовать положение вопроса проведения НТА в Туркменской СССР, Узбекской СССР, Казакской АССР, Киргизской АССР, Сев.-Кавк. Крае, Азербайджанской ССР, Крымской АССР, Татарской АССР и тюркских нацменьшинств РСФСР, не входящих в автономные образования, а именно: часть Поволжья, Сибири и Урала. На эту работу, кроме наличных инструкторских сил, комитет бросил и специально выделенных членов Президиума, которые использовали свои отпуска на этой работе.

Эти обследования дали громадные результаты как в смысле инструктирования мест, как и в смысле форсирования организационных мероприятий на местах, что в работе Комитета должно быть особенно отмечено, как часть той огромной работы, которая проделана на местах.

В настоящей работе мы коснемся освещения состояния работ лишь двух Комитетов: Азербайджанского и Северо-Кавказского.

Вопрос проведения в жизнь нового тюркского алфавита в Азербайджане стал во весь свой рост в 1922 г., в котором и был организован Азербайджанский К-т Нов. Тюрк. алфавита во главе с председателем его т. АГАМАЛЫ ОГЛЫ. Комитет этот выработал проект алфавита на латинской основе и выпустил его в виде листовок, добившись одновременно обращения АзЦИК'а ко всем советским и общественным организациям об ознакомлении служащих с новым тюркским алфавитом. Текст этого обращения весьма интересен с исторической точки зрения и мы приводим его в настоящей работе, поскольку ознакомление с опытами проведения НТА в жизнь в Азербайджане принесет не мало пользы для наших читателей, особенно проводников идеи тюркского алфавита на местах.

За эти 5 лет Азербайджанским К-том издан ряд агитационных дискуссионных брошюр по вопросом НТА и методов его внедрения в массы.

Брошюры эти следующие:

1. „Куда ведет наш путь?“—тов. Агамалы Оглы;

2. „Почему арабский алфавит не годится для тюркского языка?“—тов. Ф. Ага Заде;

3. „Неотложные культурные нужды тюрко-татарских народностей“—тов. Агамалы Оглы;

4. „В защиту нового тюркского алфавита“—его же;

5. „История возникновения и проникновения в жизнь идеи НТА в СССР“—тов. Ага Заде.

Во всех этих брошюрах прямо или косвенно освещаются преимущества и положительные стороны нового алфавита перед арабским и даются ответы на некоторые возражения противников нового алфавита.

Достижения в области проведения НТА в Азербайджанской ССР за эти 5 лет весьма ощутительны. Доказательством этому служит внушителная цифра грамотности населения на новом алфавите, дошедшая за истекшие 5 лет до 15% населения Азербайджана. Эти достижения нужно считать весьма серьезными, если к этому еще учесть ряд серьезных препятствий, встреченных на пути своей работы Азербайджанским ЦК НТА, являющихся результатом неподготовленности его к такой широкой массовой работе, выразившейся в отсутствии книг, шрифта, наборщиков, приспособленных для этой цели типографий и, наконец, достаточно необходимых материальных средств. К этому еще нужно прибавить время, затраченное работниками Комитета на борьбу с противниками этого начинания.

Центральным местом деятельности Азербайджанского Комитета занимает вопрос ликвидации неграмотности населения на НТА, почему было бы небезинтересно привести ряд цифр роста грамотности населения на НТА по годам с дня организации Азер. К-та.

1922 г.—	800 человек	1925 г.—	17.196 человек
1923 г.—	3.912 „	1926 г.—	62.148 „
1924 г.—	5.876 „	1927 г.—	169.844 „
		Итого:	259.776 человек.

Официально новый алфавит введен в школы Азербайджанским НКПросом лишь в 1925/26 г., когда введено с первых групп школ 1-ой ступени обучение исключительно на новом алфавите. По отдельным областям своей оперативной деятельности НКПрос Азербайджана провел следующие мероприятия:

А. ПО ГЛАВПРОФОБРУ:

1. Во всех профтехникумах с 1926/27 г. введен новый алфавит, как предмет.

2. При приеме в техникумы и ВУЗ'ы в 1926/27 уч. г. всем поступающим было предоставлено право сдавать испытание по тюркскому языку на новом или старом алфавите.

3. В предстоящем 1927/28 уч. г. все лица, подлежащие приему в техникумы и ВУЗ'ы, обязаны сдавать испытания по тюркскому языку исключительно на новом алфавите.

4. В Ш-й ступени Азгосконсерватории с 1926/27 уч. года для всех учащихся, не прошедших в средней школе тюркского языка, введено преподавание такового исключительно на новом алфавите.

5. Преподавание тюркского языка во всех ВУЗ'ах с 1926/27 уч. года ведется на новом алфавите.

6. С 1925/26 уч. г. на 1-ом курсе Тюркского отделения рабфака преподавание всех предметов ведется на новом алфавите.

Таким образом в текущем учебном году на новом алфавите велось преподавание на 1-м и 2-м курсах рабфака, а с 1927/28 уч. г. по новому алфавиту будут вестись занятия на всех трех курсах рабфака. В остальных отделениях рабфака, обслуживающих нацменьшинства, тюркский язык также ведется на новом алфавите.

7. Во всех подведомственных ГПФ учебных заведениях с 1926/27 уч. г. стенгазеты выпускаются на новом алфавите.

Б. ПО ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТУ:

С 1924/25 уч. года до издания декрета о введении нового алфавита по настоящее время Главполитпросветом проведены в жизнь следующие мероприятия:

1. С 1924/25 г. было организовано 993 группы ликнеграмотности с преподаванием на новом алфавите. Через курсы было пропущено 18.632 человека.

2. С 1925/26 уч. г. во всех типах школ ликнеграмотности занятия велись исключительно по новому алфавиту, организовано было 963 азбучн. и 280 малограмотных групп. Пропущено было через эти курсы 19.889 человек.

3. В 1926/27 уч. г. было организовано 553 азбучных и 130 малограмотных групп. Через азбучные группы пропущено 13.782 чел. Через малограмотные группы пропущено 2.978 человек.

В. ПО ГЛАВСОЦВОСУ:

1. С 1925/26 уч. года занятия в первых группах школ 1-й ступени ведутся на новом алфавите.

2. В остальных группах школ новый алфавит введен как предмет.

3. В 1926/27 уч. г. по новому алфавиту велись занятия в 1-й и 2-й группах школ 1-й ступени, а с предстоящего 1927/28 уч. г. по новому алфавиту будут вестись занятия и в III-й группе школ I-й ступени. Таким образом, в 1929/30 уч. г. из массовых школ АзССР состоится первый выпуск окончивших пятилетку на новом алфавите, после чего преподавание по новому алфавиту охватит первую группу школ II-й ступени всех типов.

4. С предстоящего 1927/28 уч. г. в IV и V группах первой ступени на новый алфавит переводятся занятия по математике.

5. В школах II-й ступени (общеобразовательных) и Техникумах педагогических и профессиональных новый алфавит введен в учебный план, как особый предмет.

6. При всех этих школах имеются кружки нового алфавита, которые очень способствуют распространению алфавита как путем проведения различных бесед с населением, так и через стенгазеты, издаваемые на новом алфавите.

7. С 1927/28 уч. г. во всех группах школ II-й ступени в педагогических и профессиональных техникумах преподавание математики будет вестись на новом алфавите.

8. В отношении подготовки и переподготовки учителей за отчетный период были проведены следующие мероприятия:

а) летом 1925 г. для учителей первых групп I-ой ступени были организованы специальные курсы по изучению нового алфавита; через курсы пропущены были все учителя, ведущие занятия в первых группах, благодаря чему с 1925/26 уч. г. удалось первые группы перевести на новый алфавит.

б) В последующие годы специальных курсов по новому алфавиту не было организовано, но все занятия на летних учительских курсах по переподготовке учителей I-ой ступени велись и ведутся по новому алфавиту.

В первые годы работы введение нового алфавита встречало некоторые затруднения, но в данный момент повсеместно в Азербайджане новый алфавит завоевал себе прочное положение. Это об'ясняется главным образом тем, что население на практике убедилось в преимуществе нового алфавита перед арабским в отношении быстрого и легкого усвоения детьми грамоты.

Общая успеваемость детей, в связи с введением нового алфавита, значительно повысилась.

В учебных заведениях всех типов и ступеней, обслуживающих национальные меньшинства, преподавание государственного тюркского языка ведется по новому алфавиту.

Что касается делопроизводства, то таковое во всех учреждениях, за незначительным исключением как в центре, так и на местах, с 1926 г. ведется на новом алфавите.

Весьма велики достижения Азербайджана в области издательства на новом алфавите, о чем красноречиво говорят ниже приводимые цифры:

В ГОДЫ ПРОПАГАНДЫ:

ИЗДАНО

Комитетом НТА—53 названия — 454.000 экземпляров.
Главполитпросветом — 59.000 „

ПОСЛЕ ДЕКРЕТИРОВАНИЯ:

Наименование изд—ва.	Выпущено колич. названий.	Тираж.	
Бывш. изд—во «Бак-рабочий»	63	37.000	экз.
Азгосиздат	116	508.250	„
Военное Издательство		19.000	„

Всего издано: . . . . 1.438.225 *) экземпляров.

Несколько слов о боевом глашатае идеи нового тюркского алфавита — газете «Ени—Йол».

Первый номер этой газеты выпущен 22-го сентября 1922 г. целиком на новом алфавите, когда не было ни одного грамотного на этом алфавите.

Сначала газета „Ени—Йол" была еженедельной, но с 1924 г., когда количество грамотных увеличилось и достигло 5.876 чел., она стала ежедневной. Кривая тиража газеты за все это время идет вверх, что показывает нижеприводимая табличка:

ЧИТАТЕЛИ:

Год.	Тираж	Рабочие.	Батраки.	Интеллиг.	Прочие.
1922 г.	1.200	300	120	200	580
1923 г.	1.500	400	200	250	650
1924 г.	1.800	600	450	225	525
1925 г.	4.500	2.165	1.657	450	210
1926 г.	6.000	2.070	2.070	450	310
1927 г.	6.000	2.080	2.080	450	300

Из этой таблички видно, что за последние 2 года в тираже газеты „Ени—Йол" перемены не наблюдается. Это об'ясняется тем, что не все журналы и газеты, находящиеся в АзССР, уделяют достаточно много места на своих страницах новому алфавиту.

Но тем не менее есть надежда, что в ближайшие месяцы фактически газ. „Ени—Йол" увеличится, ибо практика прошлых лет доказала, что после начала учебного года подписка на газеты увеличивается.

Проведенная таблица тем еще для нас интересна, что она ярко говорит, кто является сторонниками и проводниками НТА и насколько идея эта проникла в рабочие и батрацкие массы.

---

*) Кроме этого, не получены сведения от АзГИЗ'а о находящихся в печати книгах, тираж коих будет около 100.000 экземпляров.

В заключение можно сказать, что недалек тот момент, когда Азербайджанский Комитет скажет Наркомпросу: „я блестяще выполнил и завершил важнейшие этапы той задачи, которая была на меня возложена рабоче-крестьянской массой, а теперь возьмитесь вы и продолжайте".

Чрезвычайное разнообразие графики при единой основе арабского начертания букв, родственных по существу племен горцев Сев.-Кавк. Края, привело к необходимости выработки единой системы письменности, которая бы к тому же способствовала приобщению отсталого населения к европейской культуре.

Как арабская письменность, тесно связанная в идеологическом отношении с религией и исламом, так и русский шрифт, отожествляемый с царизмом и его гнетом, не могли удовлетворить запросы широкой общественности и они были из'яты из употребления начиная с 1924 г., с каковою времени одно племя за другим стало переходить на латинскую графику.

Отсутствие достаточно культурных сил у горцев, отсутствие шрифтов, литературы и стесненное финансовое положение — были и отчасти есть основными причинам и того, что не всем горским племенам удалось латинизировать свои письмена в достаточной мере.

Тем не менее, латинизация письменности в зависимости от наличия культурных сил той или иной из горских автономных областей начала проводиться в жизнь:

В Северной Осетии	с —	августа	1924 г.
„ Ингушетии	с —		1924 г.
„ Чечне	с —		1925 г.
„ Карачае	с —		1924 г.
„ Кабарде-Балкарии	с —		1924 г.
„ Черкесии	с —		1925 г.

и позже всех с 1927 г. — в Адыгее.

Краевой Комитет НТА фактически начал работу с 1926 г. еще задолго до Тюркологического с'езда в гор. Баку. Работа Комитета заключалась главным образом в подготовке той работы, которая развернулась сейчас после отпуска на дело латинизации письменности средств, в упорядочении национальных алфавитов на латинской основе, а также в содействии переходу на новые (латинские) алфавиты как изданий литературы на горских языках, так и частичному переводу делопроизводства на родной язык на новой основе.

Юридическое же оформление Сев.-Кавк. К-та НТА и его областных и окружных филиалов произошло лишь весной с/г. в мае м-це.

Но благодаря тому, что средства, как у Краевого, так и Областн. К-тов НТА не было, то К-ты вели только теоретическую работу и лишь после 10-го мая, когда ВЦК НТА были отпущены средства на развитие оперативной работы в Крае, Краевым К-том НТА были

предприняты спешные шаги к развертыванию работы, в первую очередь и главным образом по линии ликвидации неграмотности горского населения по новой графике, переподготовки учителей-националов и издании национальной литературы на НТА.

Областные и Окружные К-ты НТА, организованные по отдельным автономным областям Сев.-К. Края, начали работать с начала 1926/27 г. Официально как самостоятельные организации они не выступали, так как не имели своего юридического оформления.

Поэтому по областям и округам фактически работали только представители этих К-тов, так называемые, „Уполномоченные Сев.-Кавк. Краевого К-та НТА", с октября же месяца 1927 г. К-ты эти получили свое юридическое оформление и штат по 2 чел., что позволило им развить свою официальную работу.

Сжатие штатов областных К-тов и сосредоточение всей руководящей работы по НТА в Краевом К-те НТА экономило средства, давая возможность усилить ассигнования на более неотложные нужды,—на подготовку учителей-националов, ликвидацию неграмотности среди горского населения по новой графике, издание литературы на национальных языках по новому алфавиту и т. д.

Таким образом, Сев.-Кавк. Краевой К-т НТА с первых же дней своей деятельности явился организующим центром по проведению реформы алфавита. С первых же дней своей работы Сев.-Кавк. Кр. К-ту пришлось столкнуться с фактами, что применявшиеся в отдельных автономных областях Края алфавиты отличались крайним разнообразием, что явилось результатом отсутствия единого руководства проведением этой реформы с одной стороны и с другой—кустарного, не научного подхода к разрешению столь важного с общественной и политической точек зрения вопроса. Отсюда недостаточно правильное использование для национальних алфавитов основ системы латинского алфавита.

Однако, несмотря на отсуствие плана и научной работы в деле латинизации письмен народов Края, алфавиты успешно прививались.

В настоящее время с принятием Пленумом ВЦК НТА унифицированного алфавита, острота этого вопроса смягчается и успешность проведения реформы имеет более прочную базу.

Первыми проводниками в жизнь идей этой реформы явились, являются и сейчас, национальные газеты. Начиная с 1925 года газеты „Раст-Дзинат" (Осетия), „Сердало" (Ингушетия), впоследствии „Серло" (Чеченская), „Кара—халк" (Кабардинская), „Таулу-Джашалу" (Карачаевская) и „Адыге-Саукья" (Адыгейская) взяли твердый курс на латинизацию письменности. Так например, в 1925 г. газ. „Раст-Дзинат" печатается исключително на латинском алфавите, а остальные выпускаются параллельно и на арабском и частично на латинском алфавите.

По местным условиям работы, успех латинизации Сев.-Кавк. Края всецело зависит от работы указанных газет. Последние, выходя, за отсутствием средств, в неделю раз, а то и реже, не могли справиться с такой обширной работой, несмотря даже на то, что эти газеты

одновременно служили и учебниками по родному языку. Поэтому, работа по латинизации письменностей, а в особенности ликвидация неграмотности среди горского населения по новой графике, затягивается и потребует на это весьма значительных материальных затрат.

Вплоть до середины 1926 г. ни в одной из автономных областей не проводилось никакой работы по ликвидации неграмотности на новом алфавите (латинском).

С 1926 г. в некоторых областях сеть ликпунктов Политпросвета работает уже на новом алфавите. В школах I-й и реже II-й ступени родной язык проходится на новом алфавите.

Далеко неполная национализация горской школы также была одной из больших причин, тормозивших дело латинизации письменности горцев, а национализация тормозилась из-за отсутствия учебников на родном языке по новой латинской основе.

Что касается отношения горского населения к замене старых алфавитов новыми, то оно определялось в зависимости от культурного развития и наличия культурных силу тех или иных народностей и выявлялось различно. Так например, новый чеченский алфавит на латинской основе дальше учреждения ОНО не распространялся вплоть до недавнего времени, т.-е. до момента усиления издательской деятельности на чеченском языке. Точно также дело обстояло в Ингушетии и хуже всего в Адыгее, где латинский алфавит проводится в жизнь только с настоящего года.

Первоначальное отношение населения к алфавиту было не вполне доброжелательное, т. к. громадное его значение не было еще достаточно раз'яснено не только темным горским массам, но отчасти и более культурным слоям населения. Многие, в особенности среди мусульманского духовенства, считали это мероприятие направленным против религии. Однако, резкой оппозиции, повидимому, нигде не было.

В настоящее время, с развитием агитационной и издательской работы, мы уже встречаем вполне доброжелательное отношение и полное содействие широкой общественности. Значительно тому содействовала деятельность Сев.-Кавк. Краевого К-та и Центриздата в лице Крайнациздата.

Со времени развертывания издательской деятельности Центроиздата, закладывается более или менее прочный фундамент в дело латинизации горской письменности Сев.-Кавк. Края.

Первоначально Центриздат, в силу отдаленности своей от обслуживаемых им горских народностей Сев.-Кав. Края, не мог поставить на ноги дело внедрения в горские массы нового алфавита вследствие отсутствия прочной связи с местными организациями. В результате большая часть изданных Центриздатом книг была напечатана на старых алфавитах (на арабском и русском).

Но все возрастающая потребность в литературе на национальных языках и в особенности в литературе именно на латинской основе,

а также замедленный темп латинизации письмен горских народностей, заставили Центроиздат открыть свое отделение на северном Кавказе, практическая работа которого началась с мая м-ца 1926 г. С этого момента Крайнациздатом был взят жесткий курс на переход на новую графику; усиленно издавались учебники и учебные пособия, всякого рода литература, давались пособия чрезвычайно бедным национальным типографиям на дооборудование, заказывались и приобретались шрифты, типографские машины и проч.

Благодаря этим усилиям, по данным Крайнациздата, на 1-е января 1927 года было издано на новом латинском алфавите для нужд отдельных племен Края:

1. Учебной литературы	24	названия,	13 1/2	печ. листов.
2. Художественной литературы	10	„	26 1/2	„ „
3. Сел.-хоз. литературы.	2	„	4 1/2	„ „
4. Научно-популяр.	10	„	18 1/2	„ „
5. Общ.-политич.	13	„	40 1/2	„ „
6. Санитарной	3	„	3 1/2	„ „
7. Военной	2	„	4	„ „
8. Пионерско-комсомольск. . . .	8	„	10 1/2	„ „
Всего:	72	назв.,	239 1/2	печ. листов.

Однако, литература на адыгейском языке продолжала издаваться исключительно на арабской основе в виду отсутствия разработанного для данного наречия алфавита на новой основе.

В области снабжения автономных образований шрифтами нового алфавита, ЦК НТА Сев.-Кавк. Края также имеет существенный успех.

За все время своей работы Крайнациздат закупил для типографий горских автономных областей шрифтов: 2109,526 клгр. на сумму 5170 р. 45 к.

Кроме того, часть шрифтов сейчас рассылается областям, а часть находится в заказе.

Для выполнения издательского плана на новом алфавите на 1927/28 б. г. для заготовки национальным школам необходимого количества учебной и иной литературы необходимо приспособить национальные типографии к этой работе.

На ряду с этим, перед Сев.-Кавк. Краевым К-том НТА стоит вопрос о необходимости подготовки наборщиков из местных национальностей; указанные меры для латинизации горских письменностей имеют исключительно важное значение, так как при наличии наборщиков-горцев стоимость изданий понижается почти на половину, принимая во внимание повышение нормы выработки для наборщиков-националов.

Тяжелая корректура набора русского наборщика, отсутствие националов-наборщиков замедляют общий темп издательской работы на национальных языках вообще.

В данное время в национальных типографиях горских областей Сев.-Кавк. Края имеется наборщиков - националов 11 человек, учеников 24.

Создание кадра националов-наборщиков и учеников должно стать одной из первоочередных задач Сев.-Кав. Кр. К-та НТА.

В области ликвидации азбучной неграмотности по латинскому алфавиту удалось достигнуть весьма значительных результатов.

По данным за 1925/26 уч. год ликпунктов по нацобластям имелось 746, кои охватили 26.530 учащихся.

Все обучавшиеся грамоте на ликпунктах изучали родной язык по новому алфавиту.

Опорно-инструкторских ликпунктов на госбюджетах имелось 18. Школ малограмотных в 1926/27 уч. г. на госбюджете имелось 6, на местном бюджете—21, всего—27.

Ликпунктами в 1926/27 уч. году было охвачено 23.231 чел. В 1926/27 уч. г. во всех автономных областях школ первой ступени имелось 601, с количеством учащихся в 38.678 человек.

Школ повышенного типа в том же 1926/27 учебн. году имелось:
семилеток — 15, с количеством учащихся 4158 человек,
девятилеток— 7, „ „ „ 2474 „

Всего в 1926/27 уч. г. сеть Соцвоса характеризуется следующими цифрами: 662 учреждения с 47.407 учащимися.

Во всех указанных выше школах и учреждениях обучено по новому алфавиту свыше 100.000 человек.

Сообразно указанным данным и нуждам отдельных горских народностей Сев.-Кавк. Края по плану работ С. К. К. НТА на 1926/27 уч. год было предусмотено открыть следующие курсы (по подготовке учителей в школах первой ступени на новом алфавите срок. на 1 месяц): Карачаево-балкарские курсы на 100 человек,

Чечено-ингушские	„	— 150	„
Кабардино-черкесские	„	— 100	„
Осетинские	„	— 100	„
Адыгейско-шапсугские	„	— 150	„

Таким образом, курсы, предусмотренные Сев.-Кавк. Краевым К-том НТА по плану на 1926/27 г., проведены полностью.

Национальные учителя, в большинстве совсем не имеющие достаточной подготовки, вернее вообще и никакой подготовки по НТА, подготовлены. Таким образом, в деле латинизации горских письменностей положено правильное начало.

Однако, в виду того, что почти 80—85% всего тюркского населения Сев.-Кавк. Края совершенно неграмотно и сеть ликпунктов, имеющаяся в горских нац. областях Сев.-Кавк. Края, далеко недостаточна, чтобы пропустить хотя бы 10% всего безграмотного населения, необходимо в дальнейшем уделить особое внимание в работе

Сев.-Кавк. ЦК НТА, открытию ликпунктов, подготовке ликвидаторов, избачей и изданию как периодической, так и непериодической литературы на новом алфавите (а в особенности учебной литературы на языках горских народностей Края).

Особое внимание в работе НТА должно быть уделено ликвидации технической безграмотности по новому алфавиту среди горского населения Края. Для этой цели Краевым Комитетом НТА в своей смете на 1927/28 уч. год предусмотрено 8 курсов на 850 человек, продолжительностью 42 дня. Организация этих курсов тем более необходима, что в нацианальных областях и округах Сев.-Кавк. Края нет достаточного количества кадра работников, с помощью которых успешно проводилась бы латинизация письмен.

Из указанной краткой обрисовки положения дела реформы алфавита на латинской основе видно, что в Сев.-Кавк. Крае имеется прочная база и обеспечивающая в течение ближайшего же времени большие успехи делу внедрения в массы нового алфавита.

Настоящий краткий обзор положения дела по проведению нового тюркского алфавита в СССР и его успехов, как мы имеем возможность констатировать по работе Азербайджана и Северо-Кавказского края, одним из первых воспринявших эту идею и решительной практической работой претворивших ее в жизнь, приводят нас к выводам, которые могут явиться верными вехами в работе других тюрко-татарских республик.

Во всяком случае, опыт этих двух государственных образований достаточно ярко вырисовывает нам, что идея перехода тюркских народностей на новый латинизированный алфавит вполне воспринята широкой массой трудящихся, имеет неоспоримое и легко оцененное массами преимущество перед идеей защиты старого арабского алфавита, что консервативная часть тюрко-татарской интеллигенции оказалась изолированной и без поддержки массы, которая почти целиком стоит за эту реформу.

Все эти обстоятельства заставляют нас вступить уже во второй период нашей работы и перейти от нескончаемых дискуссий к формированию практической работы.

Для нас должно быть совершенно ясно, что теперь только практической работой мы можем удержать стоящую за нами массу за собой, ибо претворение в жизнь всех наших обещаний ожидается с трепещущим сердцем и жаждой знаний.

ЦИРКУЛЯРНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ ВСЕМ НАРКОМАТАМ, ЦЕНТРАЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ, ПРЕДПРИЯТИЯМ И ВСЕМ ОБЩЕСТВЕННЫМ И ДРУГИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ А. С. С. Р.

Об ознакомлении служащих с новым тюркским алфавитом.

По представлению Комитетом „Ени — тюрк — Алиф — Басы“ предлагается принять меры к тому, чтобы служащие вашего ведомства ознакомились с новым тюркским алфавитом.

Все бумаги (прошения, заявления, отношения и др.), могущие поступить от разных учреждений и предприятий, а также граждан республики, написанные по новому алфавиту, также принимать к исполнению. О сделанных по сему распоряжениях поставить меня в известность.

Председатель АзЦИК'а АГАМАЛЫ ОГЛЫ.

(Опубл. в газ. „Бакинский рабочий“ № 161 от 21/VII-22 г.).

Приказ Азербайджанского Центрального Исполнительного Комитета.

Всем Наркоматам, предприятиям и учреждениям А. С. С. Р. под личную ответственность лиц, возглавляющих учреждения, предлагается в месячный срок все надписи на штемпелях и бланках переделать на новый тюркский алфавит, а равно и изложение тюркского текста начать вести по новому тюркскому алфавиту.

Председатель АзЦИК'а АГАМАЛЫ ОГЛЫ.
Секретарь АзЦИК'а ХАНБУДАГОВ.

(Опубл. в газ. „Бакинский рабочий“ № 140 от 26 июня 1923 года).

ДЕКРЕТ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СНК

от 20-го октября 1923 года.

О признании нового тюркского алфавита государственным.

Заимствованный тюркским народом у арабов алфавит далеко не соответствует законам тюркского языка, по своей форме создавая массовые затруднения к легкому, быстрому усвоению, в значительной степени является причиной низкой степени грамотности населения. Окончательная победа рабочих и крестьян вообще на фронтах находится в прямой зависимости и от степени просвещения; удобно усваиваемый алфавит, доступный легкому распространению, является лучшим для этого орудием. Почему рабоче-крестьянская власть Азербайджана озабочена ликвидацией неграмотности в ближайший срок, констатируя необходимость замены существующего алфавита новым— латинским, что предоставит трудящимся слоям Азербайджана полнейшую возможность окончательной победы на фронте просвещения.

АзЦИК и Совнарком постановляют:

1. Наравне с существующим арабским алфавитом признать новый тюркский алфавит государственным и обязательным.

2. Вменить в обязанность всем учреждениям, предприятиям и организациям, расположенным на территории А.С.С.Р., производить прием всякого рода заявлений, письменных документов также на новом, наравне со старым, алфавите, при чем ответы учреждений и предприятий должны быть изложены наравне со старым—на новом алфавите.

3. Вменить в обязанность всем национализированным Наркоматам и центральным учреждениям вести переписку на новом алфавите параллельно со старым.

4. Настоящий декрет ввести в действие со дня опубликования.

Пред. АзЦИК'а АГАМАЛЫ ОГЛЫ.
Предсовнаркома МУСАБЕКОВ.
Секретарь АзЦИК'а ХАНБУДАГОВ.

(Опубликовано в газ. „Бакинский Рабочий" № 246 от 31/Х-23 г.)
(С. У. 1923 г. № 44/442).

370—3

ОСМАН АЛИЕВ

НАШИ БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

Идея нового тюркского алфавита из области теоретической и дискуссионной постепенно все больше приобретает практический характер. Если до Всесоюзного Тюркологического С'езда сторонникам нового алфавита приходилось дискуссировать в узких кругах о целесообразности революционной реформы письменности тюркских народностей на основе нового (латинского) алфавита, то с момента и после Тюркологического С'езда эта проблема стала требованием самой жизни. И мы являемся свидетелями того исторического революционного перелома в растущей пролетарской национальной культуре тюркских народностей Союза, когда революционная часть интеллигенции тюркских народов твердо стала на защиту идеи нового алфавита и начала претворять практически в жизнь его, т.-е. вырабатывая новые алфавиты на латинской основе.

Наоборот, все то, что есть консервативного, узко-шовинистического, панисламистского, идеалистического в среде нашей интеллигенции, вместе с представителями мусульманского духовенства, как и нужно было ожидать, — оказалось против нового алфавита. Да это и вполне естественно, ибо почти на протяжении всей истории тюркских народностей они всегда цеплялись за арабскую культуру и арабскую письменность.

В основном, к данному моменту, не только круг пролетарской интеллигенции тюркских народностей, но и подлинная трудящаяся масса — члены общественных организаций в национальных республиках и областях СССР высказываются за идею нового алфавита; об этом свидетельствует тот массовый переход в ближайшие пять лет на новый алфавит и создание специальных Комитетов НТА, работающих под руководством Всесоюзного Комитета Нового Тюркского Алфавита.

Но, однако, было бы не марксистским и ошибочным, если бы мы стали создавать себе иллюзию о том, что все у нас благополучно, врага побили, что старая арабщина потеряла всякую почву среди масс. В подтверждение этого положения мы можем указать на чрезвычайно трудную и сложную обстановку для нашей работы в Татарии, и как правильно указывал тов. Агамалы Оглы,—«в этой цитадели исламизма», в Казакстане, где арабисты лицемерно лживо выступают перед советскими организациями с апелляцией от имени масс за старый алфавит, и в Узбекистане,

где хотя некоторые авторитетнейшие товарищи торжественно заявляют, что «благополучно», а в действительности далеко не так.

У современных арабистов хватает смелости говорить и отстаивать свою точку зрения от имени масс, и нужно сказать, что они ведут среди масс работу, агитируя за старый алфавит. Основной аргумент арабистов— это использование темноты — с одной стороны, и действие на религиозные чувства населения, заявляя, что новый алфавит является алфавитом «кафиров» — (неверных), а более «умные» представители арабистов кричат, что идея нового алфавита навязана большевиками с целью руссифицировать тюркские народности или же, как говорит тов. Агамалы Оглы в своей брошюре [1], возражая Казанским арабистам, которые, оказывается, сделали открытие, что... «причина латинизации кроется не в запросах жизни, не в росте производительных сил ее, требующих более современных орудий производства, и не в росте сознания народов, а в порочных людях, вызвавших это «блудливое» движение».

В общем арабисты прибегают ко всяким приемам для того, чтобы обмануть трудящиеся массы.

Лживость и шарлатанство таких заявлений отвергаются самой жизнью; каждое мероприятие и начинание в стране диктатуры пролетариата, выдвигаемое со стороны отдельных представителей пролетариата и крестьянства, и поддержанное трудящимися массами, исходит из жизненной потребности того класса и слоя населения, для защиты интересов которых призвано рабоче-крестьянское государство. Поэтому мы уверенно заявляем, что ни один бедняк, ни один узбекский или киргизский декханин (крестьянин) никогда не поверят идеологам национальной буржуазии и торгового капитализма, ибо они сотни лет обманывали темную массу.

Я не буду подробно останавливаться на преимуществах нового алфавита, доказанных наукой, потому что об этом достаточно говорили, писали, и, наконец, на практике мы убедились, что именно новый алфавит во всех отношениях удобнее и легче и им можно скорее ликвидировать неграмотность населения. Об этом говорят и блестящий 4-х летний опыт работы в Азербайджане и 2-х летний опыт в Киргизии, где не говоря об учащейся молодежи, декхане (крестьяне) сами добровольно везде и всюду начинают ликвидировать свою неграмотность на новом алфавите.

После этих предварительных замечаний, перехожу к основной теме моей статьи, а именно—нашим ближайшим задачам. Здесь нужно определенно и открыто заявить, что несмотря на довольно большую проделанную агитационно-пропагандистскую работу, опыт и достижения в этом деле (Азербайджан, народы Северного Кавказа и отчасти Киргизия), у нас есть и недочеты и ошибки.

Успешность нашей борьбы с арабистами будет заключаться не только в установлении единого ново-тюркского алфавита и создании Ко-

---

[1]) Агамалы Оглы. „В защиту нового тюркского алфавита". Баку. 1927 г.

митетов на местах, куда вовлечены известные круги латинистов тюркских народностей, а в умелой постановке широкой массовой работы и в намечении ясно очерченной линии в области углубления нашей идеи, не умалением роли и силы арабистов, а правильной оценкой сил врага на данной стадии борьбы, нахождением и установлением новых методов и приемов борьбы и, наконец, усвоением нашими латинистами общности нашей борьбы с арабистами, безразлично к какой нации они принадлежат. Когда по вышесказанным основным вопросам мы, латинисты, в частности ВЦК НТА, будем иметь ясно и четко намеченную линию, тогда без сомнения те недочеты и пробелы в нашей работе будут скоро устранены.

Если возьмем положение дела по проведению идеи нового алфавита на местах, хотя бы в Ср.-Аз. республиках, включая Казакстан, то что мы видим?

Прежде всего идея нового алфавита и работа по новому тюркскому алфавиту еще до настоящего времени, к великому сожалению, сосредоточена в городах, в Комитетах и все. Настоящая деловая агитационная массовая работа по латинизации среди широкой трудящейся массы почти отсутствует. В Казакстане вопрос стоит, я бы сказал, абстрактно, т.-е. идет спор относительно полезности или вредности нового алфавита и то на страницах печати, а живое общественное обсуждение в массах отсутствует. Некоторая часть общественного мнения Казакстана еще далека от мысли признания и целесообразности перехода на новый алфавит. Не говоря уже о низовой трудящейся массе Казакстана, руководители республики в лице ответственных коренных работников, проявляют пассивность и безразличие. С другой стороны, арабисты, почувствовав неустойчивое положение противника, широко ведут агитацию за старый алфавит и, нужно сказать, довольно большое количество казакской интеллигенции сочувствует и поддерживает арабистов.

Деятельность арабистов этим не ограничивается, они идут дальше, начинают втягивать в свою сторону наше низовое советское учительство. Был случай в гор. Акмолинске, — происходил губернский с'езд работников просвещения. На этом с'езде выступал один латинист с докладом относительно нового алфавита и провалился. Ни один учитель не поддержал его, наоборот, со стороны учительства было заявлено, что «мы за старый реформированный Байтурсуновский алфавит». Другое характерное явление в средне-азиатских республиках то, что даже среди организованной части населения (профсоюз, комсомол, кощи, партия и друг. общественные организации), настоящая кампания за новый алфавит не ведется. Короче говоря, привлечение мнения общественных организаций, которые руководят неорганизованной массой за идею нового алфавита, отсутствует. В то же время, в Казакстане арабисты усиленно завоевывают и мобилизуют передовое аульное советское учительство в свою сторону.

Отсюда вывод, что до тех пор, пока мы не создадим перелом в нашей работе в сторону перенесения центра тяжести всей нашей агитационно-пропагандистской учебно-воспитательной работы по новому алфавиту в толщу аульно-кишлачной массы, желанных результатов не достигнем. Наряду с перенесением центра тяжести нашей работы в массу, нам, латинистам, нужно уметь подходить к массе, выработать необходимый метод и приемы в полемике с арабистами. Что наши латинисты иной раз не умеют полемизировать с арабистами и отстаивать наши позиции деловито, с вескими аргументами, теоретически обосновывая, видно опять-таки из деятельности некоторых казакских латинистов. Вот как они отстаивают и защищают идею нового алфавита: казакские латинисты применяют методы чуть-ли не военного коммунизма, вроде того, что мы, коммунисты, предлагаем переходить на новый алфавит, а всех тех, которые сочувствуют арабскому алфавиту, называем контр-революционерами и «алаш-ординцами» (это контр-революционная организация, легализовавшаяся во время Керенского, при чем она состояла исключительно из казакской, шовинистически настроенной интеллигенции). Ясно, с такими методами мы, латинисты, далеко не уедем. Здесь те советы, которые всегда нам давал тов. Агамалы Оглы, что нужно быть очень осторожными и выступать, полемизировать с арабистами, хорошо подготовившись, с вескими аргументами, с тем, чтобы разбить на голову врага и выйти победителями.

Дальше, как мы выше указали, одной из очередных задач, стоящих перед II-м Пленумом ВЦК НТА,—является правильная оценка сил наших противников (арабистов). Что мы видим в этом отношении в Узбекистане? Руководящие товарищи в Узбекистане уверенно заявляют о том, что «масса за нами», т.-е. за идею нового алфавита, бояться нечего, срочности нет и т. д. По моему, такое явление невольно наводит на мысль, что здесь есть какое-то неблагополучие. Во-первых, понимающему хоть немного прошлое и настоящее узбекского народа, станет понятной утопичность и фантастичность так назыв. «благополучия», ибо если в Татарии арабистами является татарская националистическая интеллигенция,—в Узбекистане, наоборот, защитниками арабского алфавита является старое, реакционно настроенное, невежественное духовенство. Арабизм-исламизм еще очень крепко сидят в сознании узбекского народа; вдобавок к вышесказанному, латинисты в Узбекистане еще по-настоящему не прощупали низовую массу и поэтому у них является иллюзия относительного благополучия. А мы знаем, что узбекское духовенство, по словам некоторых товарищей из Узбекистана, имеет очень сильную позицию во всех округах, появляются на местах их агенты, которые ведут агитацию за старый алфавит среди населения. Не нужно забывать, что силы арабистов находятся в скрытом состоянии. Как только мы начнем широкую кампанию — эта сила выйдет наружу. А поэтому, в данный момент актуальнейшей задачей перед латинистами является широкая массовая работа. Видеть врага в глаза, не умаляя роли его, начать борьбу теперь же,

пока он не успел овладеть в этом вопросе массой — такова наша очередная задача.

Всем нам известно, что борьба за идею нового тюркского алфавита является борьбой общей, без различия наций, всех тюркских народностей и их советской общественности против старой арабщины. На практике мы замечаем несколько иное явление, когда отдельные товарищи-латинисты той или другой народности стараются закрыться в свою скорлупу, т.-е. проявляют узкое отстаивание интересов в смысле унификации нового алфавита, стремление протащить свою точку зрения по тем или иным важнейшим вопросом, отсутствие такой деловой связи, обмена опытом между Комитетом; короче говоря, существует какая-то территориальная ограниченность. Мы должны будем ясно представить себе, что реформа письменности тюркских народностей, населяющих территорию Союза, на основе латинского алфавита является средством разрешения одной из основных проблем советской власти, проблемы сближения и развития интернационального сознания трудящихся тюркских национальностей, уничтожения ранее существовавшей национальной розни и ограниченности и быстрого культурного роста еще отсталых масс трудящихся тюркских народов.

Значение завета Владимира Ильича о том, что идея реформы арабской письменности на латинской основе является революцией на Востоке, заключается именно в сближении, единении трудящихся восточных народностой и скорейшем под'еме их культуры и ее вовлечении в русло общепролетарской культуры. На пути к такой исторической общекультурной проблеме, являющейся одним из основных условий успешного социалистического строительства в нашей стране, будет встречаться масса препятствий, но мы их должны преодолевать, не только преодолевать, а итти вперед, не останавливаясь на этих мелочах, которые затрагивают интересы отдельных народностей.

В качестве недочета за истекший период нашей работы можно считать неналаженность необходимого контакта и связи между нашими Комитетами НТА — с одной стороны, и общественно-политическими организациями — с другой, по вопросу агитационно-пропагандистской работы за идею нового алфавита. Во всех средне-азиатских республиках — эта сторона дела поставлена очень слабо. Ведь в конечном счете успешность массовой работы, мобилизация общественного мнения вокруг нашего дела целиком и полностью зависит от этих организаций, ибо в самых глухих уголках аула и кишлака они имеют свои ячейки и пользуются большим авторитетом и влиянием на широкую неорганизованную массу. Пленум должен будет на этот участок нашего фронта обратить самое серьезное внимание.

Осуществление в жизнь вышеизложенных задач в значительной мере зависит от единства и активной поддержки со стороны руководителей данной республики, области или районов по отношению к новому алфавиту. Не отметить этого вопроса нельзя потому, что мы имеем в

некоторых местах такое явление, когда авторитетнейшие товарищи не только готовы итти навстречу нашим мероприятиям по латинизации, а наоборот, проявляют халатное отношение и пассивность (Казакстан). Правда, бывают случаи, когда наши латинисты, увлекшись самоуверенностью, переоценивая свои силы, не обращаются своевременно по тем или иным вопросам за соответствующей поддержкой к руководителям государственных организаций. В Узбекистане такой факт обнаружен, когда посланные ВЦК НТА средства на новый алфавит распределялись совершенно посторонними Наркоматами для своих целей; наши товарищи ограничивались тем, что сами ходили и варились в своем соку, не обращались даже к такому товарищу, как Фейзулла Ходжаев, который является членом Президиума ВЦК НТА. Мы глубоко убеждены в том, что ответственные работники и государственные деятели Тюркских республик и областей целиком и полностью стоят за идею нового алфавита. Но нужно установить тесные взаимоотношения и связи с ними, и по возможности привлекать их к нашей работе и через них проводить наши мероприятия.

На 2-м Пленуме ВЦК НТА нужно будет конкретно обсудить вопрос относительно издательской работы на новом алфавите на языках всех национальностей, которые перешли или переходят на новый алфавит, в сторону уточнения характера и первоочередности издаваемой литературы, исходя из общего направления нашей работы и выдвигаемых задач, а также метода перехода на новый алфавит делопроизводства в государственных аппаратах и органах Наркомпроса (имеются в виду школы соцвоса, профобра и учреждения Политпросвета).

Само собой разумеется, когда мы говорим о ближайших наших задачах по латинизации, мы не можем не коснуться вопроса о материальных средствах. Все наши планы и мероприятия полезны и жизненны только тогда, когда они подкреплены материальной базой. В этом отношении у нас не совсем благополучно. Во-первых, в тех республиках, кои перешли на новый алфавит, наши Комитеты НТА нищенствуют, Наркомпросы республик и областей не включают в свои бюджеты необходимые средства для проведения плановой работы по ново-тюркскому алфавиту, или же местные Комитеты НТА думают, что основной источник, откуда они будут черпать средства, является ВЦК НТА. Нужно сказать определенно, что до тех пор, пока места не добьются ассигнований тех средств, которые необходимы для проведения основных мероприятий (издательская работа, курсы по переподготовке учителей, издание периодических органов, операционные расходы и т. д.), будет хромать работа по латинизации. Что же касается ВЦК НТА, — он будет материально поддерживать местные Комитеты в особо важных исключительных случаях, когда интересы дела этого потребуют.

И, наконец, вопрос, который я считаю ударным и первоочередным, на который Пленум должен обратить особенное внимание — это подготовка кадра латинистов.

Если в Казакстане Байтурсуновы и другие, а в Татарии — Шараф и Алимджан Ибрагимовы, имеют в некоторых местах успех, а наши латинисты терпят поражение в полемике, то это об'ясняется тем, что мы слабы, недостаточно знаем наши основные аргументы в защиту нового алфавита, и не умеем научно-теоретически обосновать и доказать полезность и выгодность нового алфавита, как элемента производительных сил в материальном производстве и т. д. Конечно, такое явление больше всего наблюдается на местах, особенно в средне-азиатских республиках.

Мы находимся в стадии ожесточенной борьбы с довольно сильными арабистами (Татария и Казакстан), с которыми придется до поры до времени иметь дело, следовательно, создание кадра хорошо подготовленных латинистов необходимо особенно в низах, где приходится сталкиваться и иметь дело с представителями арабистов, в лице мулл, ишанов и т. д. Практически к разрешению этой задачи, как правильно выдвигает тов. Агамалы Оглы, нужно подходить с двух сторон: 1) немедленное создание долгосрочных курсов не только в центре, но и во всех республиках и областях, для подготовки хорошей квалификации латинистов, 2) использование всех культурно-просветительных учебных заведений и курсов, подведомственных Наркомпросам.

Вот приблизительно наши ближайшие задачи, о которых на II Пленуме придется поговорить и вынести решение.

Вместе с трудовыми слоями населения тюркских национальностей и пролетарско-советской интеллигенцией, мы, латинисты, окончательно и до основания разрушим влияние арабистов среди масс, а те, ослепленные гнилой арабщиной, которые и в настоящее время мечтают о панисламизме и пантюркизме, будут отброшены массой в мусорный ящик и останется от них одно только жалкое воспоминание, и будет с каждым годом крепнуть новая пролетарская культура на Востоке.

Проф. Н. ЯКОВЛЕВ

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА ПОСТРОЕНИЯ АЛФАВИТА

(*Опыт практического приложения лингвистической теории* [1])

В настоящей статье я намерен опубликовать результаты проработки вопросов национальной письменности, произведенной Институтом по изучению этнических и национальных культур народов Востока (быв. Комитетом по изучению языков и этнических культур восточных народов СССР) в течение четырех последних лет в связи с выдвинувшимися потребностями культурного строительства бесписьменных народов СССР. Последние нашли свое отражение, как в ряде запросов и отдельных заданий по поводу того или иного алфавита от местных национальных автономий, так и на нескольких конференциях и с'ездах (2-ая конференция по просвещению горцев Северного Кавказа в 1925 г., I-й Тюркологический С'езд в 1926 г., I-й Пленум Комитета Нового Тюркского алфавита 1927 г. и т. д.), на которых на ряду с практическими культурными работниками восточных автономных образований участвовали и теоретики-лингвисты. Непосредственный контакт тех и других в вопросах проработки проблем массовой письменности на бесписьменных или малописьменных языках, осуществленный впервые Комитетом, ныне Институтом народов Востока, чрезвычайно благоприятно отразился на развитии нового направления в лингвистической науке, которое можно обозначить термином: „прикладная лингвистика" или „теория прикладной лингвистики".

Для того, чтобы лучше уяснить себе разницу между воззрениями представителей старых лингвистических направлений на вопросы практической массовой письменности и новой точкой зрения на этот счет, — точкой зрения представителей новых направлений в науке о языке, необходимо предварительно сказать несколько слов об отношении так называемых гуманитарных наук к прикладным вопросам культурного строительства вообще. Мы не ошибемся, если

---

[1] В данной статье я пользуюсь: русским алфавитом для написания примеров русской орфографии, кабардинским с параллельными написаниями научной яфетидологической транскрипцией—для кабардинского и научной яфетидологической транскрипцией—для кяхского, абхазского, туркменского и казахского языков; в последних даны также отдельные параллельные написания арабским шрифтом. Приношу свою благодарность Н. Тюрякулову и С. Асфендиарову, взявшим на себя труд просмотреть статью в части тюрко-татарской письменности.

признаем, что до революции в России представители гуманитарных дисциплин, изучавших человеческую культуру, были принципиально далеки от разрешения каких бы то ни было задач практического характера в области культурного строительства. В частности, вопросы грамотности, алфавита, орфографии, искусственных языков или изменения форм литературного языка,—вопросы, имеющие казалось бы непосредственное отношение к науке о языке,—эти вопросы всячески замалчивались и принципиально отвергались представителями так называемого „чистого“ языкознания, как вопросы „практического“, „педагогического“, а потому „ненаучного“ характера. Вопрос, например, о коренной переработке окончательно устаревшей школьной грамматики в духе требований так называемой «общей лингвистики» не был тогда поставлен достаточно решительно и последовательно. Представители „чистой“ лингвистики молчаливо допускали, чтобы рядом с ними в школе преподавалась схоластическая средневековая, часто противоречившая здравому смыслу, догматика, известная под именем школьной грамматики. Столь же мало интересовал ученых и вопрос научного построения алфавита для массовой письменности. Правда, занимаясь, например, вопросом о возникновении старо-славянской литературы лингвисты-славяноведы не упускали случая дать очень лестную характеристику алфавиту, созданному Кириллом и Мефодием, как построенному соответственно звуковому составу старо-болгарского языка, однако, в чем именно заключалось это соответствие практического алфавита и фонетики языка лингвисты точнее не поясняли. Самая постановка вопроса о научно обоснованном, с точки зрения теоретического языкознания — совершенном практическом алфавите была, повидимому, еще совершенно чужда представителям тогдашней лингвистики. Со стороны последних можно было заметить два взгляда на данный вопрос: одни, занимаясь древними периодами истории языка, привыкли считать всякий алфавит как продукт интуитивного творчества отдельного практика изобретателя, заранее данным для научного исследования. Поэтому с их точки зрения строить, изобретать алфавиты исторически было не делом ученых. Для них дело науки начиналось только тогда, когда алфавит, хотя бы самый несовершенный, уже оказывался созданным, когда этим алфавитом уже были написаны памятники языка, только тогда, рассматривая формы исчезнувшего языка в кривом зеркале такого несовершенного алфавита, ученый начинал строить свои догадки по истории данного языка. Ясно, что при таком подходе у лингвиста слагалось твердое убеждение, что создавать алфавиты не есть дело науки и что наука в этом отношении ничем помочь не может. Другой подход к этому вопросу существовал у диалектологов, т.-е. специалистов по изучению живых языков и наречий. Последние, стремясь как можно точнее изучить на слух, а частью также с помощью особых фонетических аппаратов, все богатство звуковых оттенков, какое несет в себе индивидуальное живое произношение,

в первую очередь интересовались вопросом о том, чтобы создать возможно более богатую и точную систему научной транскрипции. Всякая научная транскрипция имеет целью уловить и зафиксировать на бумаге возможно большее количество доступных для человеческого слуха звуковых оттенков, которые слышатся исследователю в данном языке. В зависимости от тонкости его слуха это количество звуковых оттенков может быть то большим, то меньшим, но оно всегда больше того числа звуков, которые различает в своей речи каждый неискушенный в фонетических исследованиях, говорящий. Другими словами исследователь-фонетик стремится отразить в своей транскрипции максимум звуковых различий, какой только может уловить человеческое ухо, между тем как ухо рядового говорящего улавливает лишь необходимый ему для нормального понимания речи минимум звуковых отличий. В этом и заключается коренная разница между особенностями научной транскрипции и характером практического письма. Поэтому представители вышеуказанного направления в лингвистике естественно склонны преувеличивать значение индивидуальных звуковых тонкостей, отсюда системы научных транскрипций содержат обыкновенно бо́льшее число знаков, чем это необходимо для дела практической письменности. Поэтому, когда ученые фонетики и диалектологи брались за вопрос о построении практического алфавита, уже в силу своих научных привычек они были склонны решать его в пользу научной фонетической транскрипции. Если необходимо построить научно обоснованный алфавит для массового употребления, рассуждали они, то не может существовать никакого другого научно обоснованного алфавита, кроме фонетической транскрипции. Последняя разрабатывается самими учеными, разрабатывается для чисто научных целей, следовательно научно она достаточно обоснована. Все звуки данного языка она отражает с необходимой точностью и полнотой, следовательно она и будет наилучшим практическим алфавитом. Легко понять, что представители этого направления часто предлагают разработанные ими фонетические транскрипции, со множеством иногда очень сложных случайно выбранных ими значков, в качестве проектов практических алфавитов, в полной уверенности, что это и есть научное разрешение вопроса о практическом письме. Яркий пример этого рода представляет собою так называемый аналитический абхазский алфавит, который вызвал такие трудности при попытке его применения в Абхазии.

Как же, однако, следует ставить проблему выработки научно обоснованного алфавита для практического массового применения и можно ли, вообще, ставить вопрос о том, что такой алфавит должен разрабатываться на основе достижений теоретической лингвистики? Можно ли, например, заранее рассчитать и на основании изучения фонетики данного языка решить, что его практический алфавит должен насчитывать такое-то определенное количество букв, не большее, но и не меньшее?

Вопрос поставленный нами выше носит настоящий прикладной характер. Его отношение к теоретической лингвистике должно быть таким же, как отношение теоретической механики к задачам прикладной механики. Когда инженер составляет проект и расчет какого либо механического сооружения, он может составить его только основываясь на законах и формулах, которые предоставляет в его распоряжение теоретическая механика. Поэтому его проект может быть назван, в полном смысле этого слова, научно обоснованным. В этом случае, как и во всяком другом примере научно обоснованного строительства, мы, составляя проект и расчет, еще до фактического приведения его в исполнение, заранее знаем размеры, прочность и т. д. проектируемого сооружения. Поэтому научно обоснованное строительство есть в тоже время осмысленное, расчетливое и планомерное строительство. В этом и заключается его отличие от всякого другого творчества, по своим результатам хотя бы и удачного, но бессознательного, интуитивного, а потому всегда случайного.

Мы можем ясно представить себе теперь, что задача построить научно обоснованный алфавит, есть прежде всего задача точного расчета количества его букв и предвидения заранее всех трудностей и удобств его применения для данного языка. Только тогда можно говорить о научно обоснованном построении алфавита, когда теоретическая лингвистика сумеет дать необходимые элементы и даже формулы для решения этого вопроса так же, как теоретическая механика дает их для постройки инженерных сооружений. Не может быть и речи о научном создании практических алфавитов там, где к этому подходят еще с точки зрения личных вкусов, где колеблются в числе букв, где строят алфавит без отношения к орфографии и орфографию думают построить вне связи с алфавитом. Теперь, когда мы ясно представляем себе, что такое научное обоснование проблемы практического алфавита, мы можем отдать себе полный отчет в интересующем нас вопросе. Теперь мы можем понять, почему лингвистика в эпоху, предшествовавшую Революции, была так далека даже от постановки этой проблемы. Самый лозунг, что государственное строительство должно базироваться на достижениях науки, на научно проработанных расчетах и планах,—этот лозунг оказался впервые выдвинутым лишь в Советском Союзе. В Союзе впервые установился непосредственный контакт между науками о культуре и практикой культурного строительства. В результате должны были возникнуть и возникают новые отрасли гуманитарных наук, которые с полным правом могут быть названы прикладными гуманитарными науками. К числу последних и относится начатая, разработкой в Москве прикладная лингвистика.

Однако, разработка проблем прикладной лингвистики, как оказалось, одновременно не могла не повести также к пересмотру соответствующей теории, к созданию новых направлений в теорети-

ческой лингвистике. Яркий пример этого представляют собой работы Института Народов Востока в лице его, хотя и молодых, но уже выдающихся лингвистов. Разрабатываемый в данной статье вопрос является одним из результатов производившейся мною в вышеуказанном Институте разработки проблем прикладной лингвистики и связанной с ними теоретической фонетики. Указанная проблема впервые была решена мною в марте 1926 г. и доложена на Первом Всесоюзном Тюркологическом С'езде в Баку в 1926 г. Соответствующая статья была передана мною для опубликования в бюллетень С'езда № 4. Однако, до сих пор, как эта работа, так и другие работы по прикладной лингвистике, накопленные в Институте Народов Востока, к сожалению, остаются необнародованными. Публикуя в настоящее время выведенную мною формулу математического построения наиболее экономного (в отношении числа букв) алфавита, я глубоко убежден, что она должна принести существенную пользу в деле создания новых и реформирования старых алфавитов тем, что впервые внесет элемент сознательного расчета в то дело, в котором до сих пор изобретатели алфавитов должны были руководствоваться: в лучшем случае — бессознательной интуицией, чутьем, или в худшем — личными вкусами симпатиями и антипатиями.

Как я уже сказал, решение вопроса о научном построении практического алфавита требует прежде всего известного пересмотра положений теоретической фонетики. Всякому теоретическому исследователю фонетики известен тот факт, что в каждом данном живом диалекте ученый может вскрывать по существу неограниченное количество звуковых отличий. Это количество будет возрастать с увеличением тонкости слуха исследователя и с усовершенствованием аппаратов, служащих для записывания человеческой речи. Большую роль в обогащении фонетических наблюдений играет также использование иностранного слуха, который в некоторых отношениях оказывается восприимчивее к улавливанию звуковых оттенков в данном языке, чем слух коренных националов. Так целый ряд новых фактов в фонетике русского языка был открыт благодаря наблюдениям иностранных ученых. Таким образом, в сущности нет никакого предела количеству звуков в языке, если исследователь подходит к этому вопросу только с точки зрения физико-акустической, т.-е. если он воспринимает звуки вне всякого отношения к социальной языковой их функции, вне отношения звуков к значимым элементам языка. Огромная заслуга фонетиков Бодуэновской школы заключается в том, что они впервые установили, для каждого данного языка, что в сознании говорящих на нем существует не все бесчисленное множество наблюдаемых исследователями звуковых оттенков, но лишь строго ограниченное их число. Эти звуковые оттенки, сознаваемые говорящими, были названы Бодуэном де Куртенэ „психофонэтиче-

скими альтернантами“ или „карелятивами“[1] и вслед за ним Л. В. Щербой—„фонемами“[2]. Указанные исследователи, однако, не объяснили лингвистической сущности данного явления, его социальной основы, сводя дело к психологическому акту, к явлениям индивидуального сознания каждого отдельного говорящего. Между тем уже такой ранний исследователь языков Кавказа, как П. К. Услар, которому в ходе его научной работы постоянно приходилось сталкиваться с вопросом о составлении практических алфавитов для горских языков Кавказа, устанавливает впервые правильную точку зрения на данное явление. Именно, он отмечает, что в каждом данном языке, при всем кажущемся звуковом его многообразии, всегда существует лишь строго ограниченное количество таких звуков, которые служат для различения слов этого языка.[3] Это замечание Услара, нигде, однако, им подробно не развитое и не обоснованное, стало мне известным уже тогда, когда я путем самостоятельных исследований фонетик кавказских языков пришел, по существу, к аналогичному выводу, который вкратце изложил в своих „Таблицах фонетики кабардинского языка“ (Москва, 1923). Я вполне присоединяюсь к выводам проф. Л. В. Щербы, что в каждом языке существует строго ограниченное количество звуков—„фонем“, однако, в отличие от последнего я даю этому факту чисто лингвистическое толкование. Именно,—фонемы выделяются, по моему мнению, не потому, что они сознаются каждым отдельным говорящим, но они потому и сознаются говорящими, что в языке, как в социально выработанной грамматической системе, эти звуки выполняют особую грамматическую функцию. Грубо говоря, можно сказать вслед за Усларом, что фонемы—это те звуки, с помощью которых происходит различение слов в языке. Точнее говоря, мы должны признать фонемами те звуковые отличия, которые выделяются в речи, как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка. При таком толковании мы должны ясно представить себе, что фонемы—это социально выделяемые в языке звуки и таких звуков в каждом языке существует различное, но всегда строго ограниченное количество. Эти-то звуки-фонемы во все времена и у всех народов, применявших звуковую систему письма, и клались в основу буквенного обозначения. Изобретатели их алфавитов интуитивно определяли количество фонем данного языка и каждую фонему обозначали особым знаком—буквой. В этом и заключалось до-научное решение проблемы практического алфавита.

---

[1] Baudouin de Courtenay—„Versuch einer Theorie Phonetischer Alternationen“, Strassbrug, 1895, стр. 23.

[2] Л. В. Щерба—„Русские гласные в количественном и качественном отношении“. СПБ, 1912.

[3] См. П. К. Услар—„Абхазский язык“, Тифлис, 1887. В изданных здесь черновых заметках автора см. замечание о черкесских гласных (стр. 61).

Теперь нам становится совершенно понятным и мы можем даже научно обосновать тот факт, что всякий практический алфавит содержит в себе лишь строго ограниченное, всегда сравнительно небольшое количество букв, которое у разных изобретателей алфавита для одного и того же языка испытывает лишь незначительные колебания. Мы можем также научно обосновать и то явление, что в научных фонетических транскрипциях для данного языка число знаков всегда больше и у различных исследователей оно подвергается большим колебаниям, чем число букв в практическом алфавите. Это происходит потому, что в научной фонетической транскрипции исследователь выражает с помощью особых значков-букв не только фонемы, т.-е. звуки, выделяемые в отношении к значению, но и варианты фонем, т.-е. звуковые оттенки, появляющиеся под влиянием смены соседних звуков. Таким образом, одна и та же фонема может включать в себя еще целый ряд звуковых оттенков, так называемых вариантов, различение которых необходимо для ученого фонетика, но совершенно излишне для практического письма, и, с другой стороны, в практическом письме необходимо и достаточно выражать с помощью особых букв или иным способом все существующие в данном языке фонемы. Например, в русском языке существуют, с одной стороны, звуки: „н", „л", твердые и соответствующие мягкие звуки „нь", „ль", с другой стороны имеются также „к", „г" твердые и „кь", „гь" мягкие, например в словах: „кон" (в игре),—„конь", „мел",—„мель", „рука",—„руки", „нога",—„ноги". Если исследовать эти звуки с точки зрения физико-акустической, то может оказаться, что акустическая разница между „н", „л", „к" твердыми и „нь", „ль", „кь", мягкими в вышеприведенных примерах во всех трех парах одинакова или почти одинакова. Это и дало бы возможность ученому, стоящему при исследовании звуков речи на чисто физической точке зрения, утверждать, что в русском языке существуют твердые звуки: „л", „н", „к", „г" и соответствующие им мягкие звуки „ль", „нь", „кь", „гь", разница между которыми одинаково об'ясняется повышением тона ртового резонатора. Между тем, если исследовать этот вопрос с точки зрения социально-лингвистической, то окажется, что социальная, грамматическая роль „твердости" и „мягкости" вышеперечисленных согласных в русском языке неодинакова. В то время как разница между твердыми и мягкими „н" и „л" использована в русском языке в связи с различением смысла слов (см. вышеприведенные примеры), различие между твердыми и мягкими „к" и „г" для такой цели никогда не применяется. В литературном русском языке нет таких двух слов, в которых различие смысла слов было бы основано на разнице между твердыми и мягкими „к" или „г"[1]. Твердые и мягкие „н", и „л" встречаются в русском языке в положении

[1] Так, по крайней мере, по московскому литературному произношению; единственное исключение «ткёт» (ср. ниже).

перед гласными „а“, „у“, перед согласными и в концах слов; звуки же „к“ и „г“ в этих положениях могут быть только твердыми. Отсюда, рассматривая вышеприведенные звуки с точки зрения их социальной, грамматической функции в русском языке, мы заключаем, что твердые „н“ „л“ и мягкие „нь“, „ль“ представляют собою в системе звуков русского языка разные парно-различаемые твердые и мягкие фонемы, в то время как твердое „к“ и мягкое „кь“, с одной стороны, и твердое „г“ и мягкое „гь“, с другой, являются едиными фонемами и „твердость“ и „мягкость“ их в этом случае представляют собою только оттенки („варианты“) в пределах одних и тех же фонем. А „твердость“ и „мягкость“ „н“, „л“, являются основным признаком различения самостоятельных разных фонем русского языка. Но количество и способы выделения фонем в каждом языке могут быть существенно разными. В английском языке, например тоже существует различие между твердыми „l“ и мягким „l,“ акустически приблизительно соответствующее русскому, но используется оно здесь уже только для образования вариантов одной и той же фонемы в зависимости от соседних гласных.

На основании наблюдений над звуковым составом всех существующих человеческих языков вообще мы можем, таким образом, притти к следующим выводам. В каждом языке грамматически (социально), существуют звуковые отличия („звуки“) двух категорий. Одна категория связана с различением значений („смыслом“) слов. Этот род звуков называется в грамматической науке „фонемами“; проще можно было бы назвать их самостоятельными звуками языка. Для образования фонем, почти каждый язык использует какой-нибудь звуковой признак, с помощью которого образуется целый ряд взаимно противопоставленных парных фонем, как гласных, так и согласных. Таков, например, в русском языке признак „твердости“—„мягкости“ согласных, таков же во многих тюркских языках признак „твердости“—„мягкости“ гласных, наконец, в кавказских языках встречается образование парных согласных фонем с помощью признаков „лабиализации“ (т.-е. положения губ) „пассивной“—„активной“; выдыхания „надгортанного“—„подгортанного“, и с помощью той же „твердости“—„мягкости“ (см. ниже).

Другой род звуковых отличий появляется в каждом языке исключительно в зависимости от смены соседних звуков в речи, т.-е. исключительно в определенных сочетаниях (соединениях) фонем друг с другом. Этот род звуковых отличий называется в науке „комбинаторными“ (т.-е. появляющимися в комбинациях звуков) вариантами фонем или проще—звуковыми оттенками фонем.

Система практического письма должна графически отражать все фонемы данного языка—и только. Таково основное положение для создания практически применимых алфавитов.

Проще всего можно было бы этого достигнуть, вводя для каждой фонемы отдельную букву, т.-е. построив алфавит по следующей формуле:

$$А = С + Г,$$

где А—общее число знаков алфавита; С—число самостоятельных согласных звуков (фонем) в языке; Г—число самостоятельных гласных звуков (фонем) в языке.

Однако многие языки допускают дальнейшее упрощение алфавита, путем уменьшения количества букв в нем. Проблемы экономии букв в алфавите в общем виде могут быть выражены математической формулой и решаться по отношению к любому языку, состав фонем и законы сочетания звуков которого известны. Эту формулу я и назвал: формулой построения наиболее экономного (в отношении числа букв) алфавита. Количество букв в алфавите может быть уменьшено на следующую величину:

$$(С' - Г'),$$

где С'—число парно-различаемых согласных звуков (фонем или вариантов), находящихся в данном языке в сочетаниях с соответствующими парно-различаемыми гласными, а Г'—число парно-различаемых гласных (вариантов или фонем) в сочетаниях с вышеуказанными парно-различаемыми согласными. Таким образом, указанная величина построена так, что, если под С' мы подставим имеющееся в языке количество парных согласных фонем, то под Г' мы должны подставить количество появляющихся в связи с этим парных вариантов гласных фонем. Если же нам придется под Г' подставить число наличных в данном языке парных гласных фонем, то под С' мы подставляем количество появляющихся в связи с ними парных вариантов согласных фонем.

Указанную часть формулы лучше всего пояснить сначала на примере русского алфавита и русской фонетики, так как это сделает ее более понятной для представителей возможно более широкого числа педагогов-националов. Затем мы перейдем к примерам вычисления числа знаков алфавита для некоторых тюркских, кавказских и финских языков.

В русском языке имеется парное различение мягких и твердых взаимно противопоставленных по этому признаку согласных фонем. Таких пар в русском языке насчитывается 12: мь—м, нь—н, ль—л, рь—р, фь—ф, вь—в, сь—с, зь—з, пь—п, бь—б, ть—т, дь—д. Сюда же можно было бы причислить еще 3 пары: кь—к, гь—г, хь—х, но представленные в них мягкие средне-твердонебные имеют только единичное применение перед задними гласными и потому не могут считаться настоящими фонемами (ср. напр. „ткьот“ и т. п.). Впрочем, последнее добавление не отразится, как это мы увидим ниже, на результатах вычисления по нашей формуле.

С вышеперечисленными твердыми и мягкими парными согласными фонемами могут сочетаться в русском языке 4 гласных фонемы в соответственных парных вариантах: ьа—а, ьо—о, ьу—у, ьи—ы. В отличие от общепринятой традиционной грамматики последнюю пару мы должны принять за варианты единой гласной фонемы, в в чем убеждает нас их взаимная смена под влиянием твердости или мягкости соседней исходной согласной предшествующего слова (ср. например: "конь идет", „кон ыдет", „искал", „изыскал" и т. п.)[1]). Что касается гласной фонемы „е", то она не входит в наше вычисление, так как перед нею твердые и мягкие парные согласные фонемы не различаются, совпадая в мягких вариантах (ср. напр. смягчение согласного корня перед окончаниями предложного падежа ед. числа и дательного падежа женского рода ед. числа в русском).

В число вышеуказанных парных согласных фонем не входят „ж", „ш", „ц", как постоянно твердые, и „ч", „щ", „й", как постоянно мягкие фонемы[2]). С другой стороны, нами не принимаются в расчет и буквы „я", „ю", „е", как буквы, не выражающие звуковых отличий гласных, но применяемые для обозначения мягкости предшествующего согласного перед гласными фонемами „а", „у", „о", а в начале слов или после гласной—принимающие значение слогов: „йа", „йу", „йо".

Таким образом, если произведем теперь вычисление количества букв достаточное для русского алфавита по нашей формуле, то нам придется подставить в нее следующие величины:

С—количество согласных фонем, считая в том числе отдельно твердые и мягкие фонемы: = 33.

Г—количество гласных фонем, считая в том числе: „а" и „я", „у" и „ю"; „о" и „ё"; „э" и „е", „ы" и „и" за единые фонемы: = 5.

С′—количество твердых и мягких пар согласных фонем: = 12 (перечисление см. выше).

---

[1]) Смена «ы» и «и» в зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного в вышеуказанных примерах совершенно аналогична смене «э» узкого („среднего") и «э» широкого в тождественных случаях, напр.: «конь этот»—«кон этот» и т. под. Доказательством того, что «ы» представляет собою лишь вариант фонемы «и»—является также: невозможность произношения «ы» в начале речи и дифтонгичность «ы» в конце речи, где этот гласный в своем исходе приближается к звуку «и». Последний факт был открыт иностранными учеными. Наконец на том, что звуки «и» и «ы» представляют собою в русском варианты одной и той же фонемы, основана также возможность их рифмования в стихах. Как раз этот факт служит ярким доказательством правильности теории фонем, а отнюдь не представляет собою «неточной» рифмы, как думает С. Бернштейн («О методологическом значении фонетического изучения рифм», Пушкинский сб. пам. Венгерова, СПБ, 1922).

[2]) Тот факт, что в орфографии приняты написания: «а», «у», «и» для изображения гласных после: «ч», «щ», «ж», «ш», как не имеющих парного противопоставления по твердости и мягкости—преставляет собою безусловно рациональный графический принцип: удержания в графике из двояких возможных начертаний—одного простейшего. Этот принцип следовало бы распространить и на случаи: «цы», т. е. писать во всех случаях «ци».

Г'—количество сочетающихся с этими согласными фонемами парных вариантов гласных $= 4$ (перечислены выше стр. 50).

Один, прибавляемый к алфавиту, знак для обозначения мягкости согласных в положении не перед смежной гласной (т.-е. — перед согласными или в исходе слов) $= 1$.

Подставив указанные величины в выведенную нами формулу:

$$А = (С + Г) - (\pm С' \mp Г')^{1)} + 1$$

или, раскрыв скобки:

$$А = С + Г \mp С' \pm Г'^{1)}) + 1$$

получим:

$$А = 33 + 5 - 12 + 4 + 1 = 38 - 7 = 31^{2)}$$

Т.-е. формула показывает нам, что вместо 38 букв, которые понадобились бы для русского алфавита в том случае, если бы вздумали обозначать в нем каждую самостоятельную фонему, в том числе и мягкие согласные фонемы, особыми буквами, мы можем значительно сократить указанное число букв. Для этого достаточно вместо введения в алфавит 12 новых букв для мягких согласных обозначать те же мягкие согласные фонемы через добавочные буквы для смежно соединяемых с ними (последующих) 4-х гласных фонем, а там, где согласный не стоит перед гласной, обозначать его мягкость через добавочную букву „ь".

При последовательном проведении этой системы количество букв в русском алфавите могло бы быть сведено к 31 и даже к 30, если мы примем во внимание, что гласная: „о" после мягкости сейчас не изображается с помощью особой буквы „ё", но—через букву: „е". Однако, в исторически-сложившейся системе письма для русского языка указанный расчет несколько спутан тем обстоятельством, что введены, по существу, лишние знаки: во-первых: „ъ" или „'" для изображения звука: „й" после твердых согласных и, во-вторых, особая буква „е" для обозначения слога „йе". Последняя непоследовательность проистекает оттого, что буквам: „я", „ю", „е" присвоены в русском алфавите совершенно излишние для современного языка и письма слоговые значения: „йа" „йу" „йе". Современный русский алфавит настоятельно требует исправления указанного недостатка, которое сразу уменьшило бы количество букв, с одной стороны, и помогло бы установить более стройную систему правописания, с другой. Этого можно достичь, во-первых,—заменой в русском алфавите буквы „й" — более простой и оставшейся сейчас без применения буквой „і", т.-е. писать: „іа" вм. „я", „іехал", „іуный" вм. „ехал", „юный", „етот" вм. „этот", „діак" вм. „дьяк", „іолка" вм. „елка", „подіом" вм. „под'ем", „подіехал" вм. „под'ехал", „адіункт" вм. „ад'юнкт", „раі" вм. „рай", „боі" вм. „бой" и т. д. Во-вторых,

---

1) Находящаяся во вторых скобках величина должна быть положительной, чтобы применение формулы могло дать сокращение числа букв.

2) Если включить в число парно различаемых фонем еще три: «кь—к, гь—г, хь—х», то мы будем иметь: $А = 36 + 5 - 15 + 4 + 1 = 31$, т. е. тот же результат.

как можно было видеть из примеров, эта система позволит выбросить одну из двух букв „э“ или „е“, предпочительнее первую, как более сложную по своему начертанию, придав второй звуковое значение первой в зачине слов и теперешнее звуковое значение второй в сочетаниях с предшествующими мягкими согласными.

Таким образом, выведенная нами формула вполне оправдывается на примере исторически-сложившегося русского алфавита и русской системы письма. Мало-того, применение нашей формулы позволяет нам сознательно и расчетливо выправить непоследовательности русской орфографии и свести число букв в алфавите к минимальному количеству, сократив его до 30.

Вопросы построения наиболее экономной и наиболее удобной системы письма, совершенно аналогичные вопросам русской графики, мы встретим в алфавитах и орфографиях, выработанных для языков восточных угро-финнов. Здесь мы находим, в общем, две конкуирующие друг с другом системы. Одна, принятая в настоящее время в мордовском алфавите, выражает мягкость согласных тем же способом, что и русский алфавит, т.-е. с помощью особых гласных букв „я“, „ю“, „е“ и особого мягкого знака: „ь“. Другая система, принятая в языках коми, вотском, выражает мягкие согласные фонемы через графически видоизмененные особые буквы для согласных. Таким образом, сочетание: „мягкое н“ + „а“ „мягкое л“ + „а“ пишутся в русском и мордовском следующим способом; „ня“, „ля“, а „мягкое н“ и „мягкое л“ в концах слов или перед согласными пишутся через: „нь“, „ль“. По системе коми то же сочетание с гласным „а“ будет изображаться через „ңа“, „ђа“ и в концах слов „ң“, „ђ“. Для полноты картины графически возможных начертаний приведем здесь еще одно, практикуемое в марийской письменности и необходимое нам в дальнейшем для анализа некоторых кавказских график. Эта система обозначает вышеприведенные сочетания, а также мягкие согласные в положении не перед гласными всюду с помощью особого добавочного знака, так что мягкие согласные фонемы оказываются везде выраженными через сочетание двух букв. Эту систему мы с полным правом могли бы назвать системой „двойных букв“, т.-е. сочетание „мягкое н“ + „а“, „мягкое л“ + „а“ пришлось бы писать через: „нья“, „лья“ и те же согласные не перед гласной, как: „нь“, „ль“. Последний способ восполнения недостающих букв в алфавите должен быть признан, конечно, наименее выгодным, так как он влечет за собою наибольшую трату пространства и времени а, следовательно, и бумаги, и типографских расходов.

Возвращаясь теперь к вопросу о применимости моей формулы к угро-финским языкам я должен указать, что здесь она всюду может быть применена, как и в случае русского алфавита, для решения вопроса о наиболее выгодной системе графического изображения мягких согласных фонем. Если количество всех фонем, счи-

тая в том числе и мягкие согласные фонемы, в данном угро-финском языке превышает норму удобного школьного заучивания алфавита, и применение моей формулы может дать значительную экономию числа букв, а случаи употребления добавочного „ь“ окажутся сравнительно редкими, то в этом случае можно безбоязненно ставить вопрос о переходе системы письма на данном языке к способу выражения мягких согласных через особые дополнительные буквы для гласных, как это имеет место в русской графике. Мне известно, что этот вопрос неоднократно поднимался, между прочим, в связи с вопросом о переходе на латинский алфавит, в среде учительства Коми (зырян). Поэтому было бы интересно узнать результаты вычисления количества букв в алфавите, в первую очередь, для этого языка.

Особенно большое значение имеет вопрос о сокращении числа букв в алфавитах для горских, так называемых яфетических языков Кавказа. Количество фонем в этих языках достигает рекордных с нашей точки зрения цифр. Так в кабардинском мы имеем 52 фонемы, в некоторых наречиях кяхского языка это число доходит до 64, наконец, в бзыбском наречии абхазского языка мы имеем 70 фонем. Ясно, что сами местные работники иногда приходят в ужас перед необходимостью преподавать в школах алфавиты в 50—60 букв и все помыслы их бывают направлены на возможные сокращения алфавита, в особенности, в связи с проводимой здесь латинизацией. С другой стороны, в звуковых системах этих языков чрезвычайно малое количество гласных (в кабардинском 6, в кяхском 3, в абхазском 3) благоприятствует получению с помощью нашей формулы наилучших, в смысле сокращения количества букв, результатов. Для того, чтобы уяснить себе встречающиеся здесь проблемы системы письма, я позволю себе привести примеры применения моей формулы к вышеуказанным 3 языкам, начиная с кабардинского.

В кабардинском, как и в нижне-черкесском (кяхском), языке имеются 2 группы таких парно-противопоставленных согласных фонем. Во-первых, фонемы взаимно различаемые по признаку „надгортанности—подгортанности“ экспирации (т. е. источника выдыхания воздуха); таких пар в кабардинском 10: fh—f; lh—ļ; ch—ş; ph—p; th—t; khu—ku; qh—q; qhu—qu; ç—c; kh—k. Разница в произношении этих пар согласных видна из следующих примеров: lhy „мужчина“—ļy „кровь“; thy „копай (что)“—ty „дари (что)“ и т. д. Во-вторых, в кабардинском имеются фонемы, взаимно противопоставленные по признаку „пассивной“ лабиализации—активно-выступающей округлой лабиализации (т. е. выдвижения губ вперед); таких пар в кабардинском 8: x̌u—x̌; xu—x; ђu—ђ; gu—g; khu—kh; ku—k; qu—q; qhu—qh; разница в произношении этих фонем видна из следующих примеров: px̌exu „береза (белое дерево)“,—px̌ex „пила (букв. берущая дерево?)“; chexeu „быстро“,—chexueu „гоня под“; ƀegu „болезнь, вызывающая у детей гной-

ники на теле (золотуха?)“,—ƀeg „паук“; ɧuaple „медь“, —ɧaple „заставляй, пускай смотреть“; ɧaɧu „суши“, — ɧaɧ „заставляй, пускай плакать“ и т. д. Любой из упоминавшихся нами способов восполнения недостающих в алфавите букв может буть применен и в кабардинском, вопрос только в том, какой из них выгоднее с точки зрения практической письменности. Если изобразить, например, сочетание глухой подгортанной согласной фонемы с гласной „е“, как: te „дари“, то глухую надгортанную в том же сочетании можно изобразить, как[1]) „t̲“—t̲e „копай“, т. е. соответственно первому способу написания, когда для парных согласных фонем введены особые буквы (таков способ написания арабскими буквами, ср.: ت и ط, и в современной кяхской графике) или мы можем изобразить надгортанную через „th“—the „копай“, где „h“—отдельный знак надгортанности согласного и надгортанная согласная фонема изображена, таким образом, двойной буквой (таков способ, принятый современным практическим кабардинским письмом Борукаева и других), или, наконец, можно написать „tᴇ“„—копай“, где надгортанность согласной выражена с помощью особой буквы для гласной[2]). Последний способ и принят мною в предлагаемом проекте практического письма, как наиболее выгодный для кабардинского языка. Выгодность его в смысле экономии числа букв в алфавите может быть легко вычислена по выведенной мною формуле.

Из всего сказанного ясно, что экономия букв в алфавите, в частности, возможна в том случае, если в данном языке есть многочисленная группа парно различаемых согласных фонем и сравнительно немного гласных фонем, варианты которых могут сочетаться с вышеуказанными парными согласными. В этом случае, вместо того, чтобы вводить значительное количество отдельных букв для согласных, можно изображать те же согласные фонемы, введя меньшее число дополнительных букв для соответствующих парных оттенков гласных, другими словами—можно звуковые особенности согласных выразить на письме через дополнительные буквы для гласных. При этом придется ввести еще один особый дополнительный знак для графического различения парных согласных, находящихся не в сочетании с гласными (напр., в концах слов, перед согласными и т. д.).

Наша формула, как мы уже указывали выше, принимает следующий вид для тех языков, которые могут применить эту „слоговую“ систему письма (как русский, черкесские на Кавказе):

$$А = (С + Г) - (\pm С' \mp Г') + I,$$

где единицей обозначен дополнительный знак. Очевидно эта формула дает выгодный в смысле уменьшения числа букв в алфавите результат лишь в том случае, если второй член ее представляет от-

---

[1]) Научная яфетидологическая транскрипция.

[2]) Как в моем проекте практического алфавита для кабардинской письменности (См. „Материалы для кабардинского словаря“ вып. 1, М. 1927, Введение).

рицательную величину, т.-е., если число гласных вариантов, для которых вводятся особые буквы, значительно меньше числа сочетаемых с ними парных согласных фонем.

Как раз такое условие мы и находим в кабардинском. Здесь имеется всего 6 гласных фонем: „е“, „у“, „а“, и „ѐ“, „ỳ“, „à“. Последние 3 фонемы физиологически разлагаются на „крепкий приступ“ — ʔ и соответственную гласную фонему первой тройки. В виду того, что фонемы: ѐ (напр.: ѐ „кисть руки; рука“); ỳ (напр.: ỳђ „держи“), à (напр. žуjà „сказанный“) в сочетаниях с предшествующими „надгортанными-подгортанными“ парными согласными фонемами встречаются очень редко и лишь в морфологически ограниченном ряде случаев [1]), для обозначения надгортанных согласных можно воспользоваться теми же буквами, которые будут служить и для выражения указанных трех гласных фонем. Тогда число Г′ в нашей формуле можно принять равным нулю. Результат вычисления для кабардинского языка тогда будет следующий:

$$A = (46 + 6) - (10 - 0) + 1 = 43,$$

если за основу экономии знаков возьмем число „надгортанных-подгортанных“ парных согласных, и:

$$A = (46 + 6) - (8 - 3)\ ^{2)} + 1 = 48,$$

если экономию букв произведем за счет „лабиализованных-нелабиализованных“ парных согласных. Отсюда ясно, что первый способ построения алфавита дает для кабардинского наилучшие результаты. Он и положен в основу опубликованного проекта.

По этому способу для обозначения надгортанных согласных фонем применяются особые буквы для изображения следующих за этими согласными гласных: ᴇ вм. е, ᴈ вм. ə, ᴀ вм. а, которые для легкости усвоения графики все представляют собою однообразные парные отличия (прописная и введенная в строку соответственная заглавная буква—капитель). Те же буквы : ᴇ, ᴈ, ᴀ служат и для обозначения трех гласных фонем: ʔе, ʔə, ʔа(ئا ، ئو ، ئە). Если согласная попадает в положение не перед гласной (в исходе слов или перед согласными), что в кабардинском, вообще, случается относительно редко, то в этом случае после соответственной согласной буквы пишется особый знак „надгортанности“: „у“. Таким образом, число „двойных букв“ в системе письма сведено к минимуму, так как все активно лабиализованные фонемы изображаются особыми тоже одинарными буквами, единообразно (с помощью связно написанного с буквой кружочка) видоизмененными из начертаний соответственных букв для пассивно-лабиализованных: вм. «gu»—«g̥», вм. «ku»—«k̥» и т. д.

---

[1]) А именно: когда представленные одной согласной фонемой местоименный префикс или глагольная приставка сочетаются с глагольным корнем, начинающемся с одной из трех гласных: ѐ, ỳ, à.

[2]) Только три буквы для гласных придется прибавить в алфавит потому, что „лабиализованные“ парные согласные фонемы не сочетаются в кабардинском с последующими тремя гласными фонемами: „ѐ, ỳ, à“ одного с ними слога.

Для тех же сравнительно очень редких случаев, когда надгортанная согласная встречается перед одной из трех гласных фонем: Е, Ǝ, ᴀ, знак „у“ служит знаком „раздельного“ произношения этой согласной от указанной гласной, напр. [1]); pyǝȷç (pһỳђș) „держишь“, ʔǝtyᴇneuç (žythènoș) „будем говорить, скажем“. В этих случаях предшествующая согласная обозначена, как надгортанная, В следующих же примерах fyǝȷç (fỳђș) „держите“, ʔǝsyeneuç (žysènoș) „скажу“, иное условное написание показывает, что предшествующая согласная произносится, как подгортанная.

Из других особенностей публикуемой системы письма отметим, что в виде исключения написания „q, q̥“ перед: „е, ә, а“ и в исходе без дополнительного знака обозначают надгортанные задне-мягконебные мгновенные, в то время как „q, q̥“ перед: „Е, Ǝ, ᴀ“ или с дополнительным знаком „у“ служат для выражения соответственных парных подгортанных задне-мягконебных мгновенных. Это отступление от графического выражения фонетического признака надгортанности мы сочли возможным допустить в системе практического письма потому, что ее задачей является не абсолютное, но лишь относительное выражение фонетических отличий фонем. Графическое соотношение написаний qy и q; q̥y и q̥ нами вполне сохранено, изменено лишь абсолютное фонетическое их значение. В практическом письме должен господствовать принцип простейшего графического изображения чаще встречаемых фонем и наоборот, более сложные начертания следует присваивать реже встречаемым звукам. Поэтому в парах: fy—f, ly—l, çy—ç, py—p, ty—t, ky—k, k̥y—k̥, cy—c, более сложное написание присвоено реже встречаемым в кабардинском надгортанным фонемам, в то время как в парах: qy—q, q̥y—q̥, очень частые в кабардинском задне-мягконебные надгортанные, наоборот, потребовали для себя простейшего графического изображения.

Этот принцип вовсе не представляет собою моего изобретения. Здесь я лишь пытаюсь теоретически (фонематически) осмыслить то, что практики кабардинской письменности начиная с Атажукина и кончая Шеретлоковым и др., давно начали применять на деле в кабардинской орфографии [2]).

Из отдельных звуков наличные в кабардинском долгие дифтонгообразные гласные: $\bar{o}^u$, $\bar{u}^u$, $\bar{e}^i$, $\bar{\imath}^i$ изображаются мною последовательно через двухбуквенные начертания: eu (o), əu (u), eı (ej), əı (i). Такой способ изображения принят потому, что в подлинно кабардинских словах эти звуки почти во всех случаях являются результатом слияния двух смежных фонем: краткой гласной и „̥“ или „у“ одного

---

[1]) В приводимых примерах в скобках даны параллельныя написания современным кабардинским алфавитом.

[2]) Ср. написания: „и“ после „ж, ш“, а также: „а, у“ после: „ч, щ“—в русской орфографии.

с ним слога (т.-е. перед согласной или в исходе), причем те же обе фонемы ясно произносятся раздельно, будучи, в ином фонетическом положении, отнесены к двум разным слогам (в положении перед гласной)[1]).

Но принятая мною система обозначения надгортанности согласных через особые буквы для трех основных кабардинских гласных требует, чтобы двухбуквенные начертания начинались именно с этих гласных. Таким образом, долгие гласные могут изображаться и так: ɛu (o), ɜu (u), ɛı (ej), ɜı (i), если им предшествует одна из надгортанных согласных. Так же изображаются тождественные долгие гласные, наличные в кабардинском в усвоенных словах. В этих гласных нельзя не видеть вновь возникшие в языке под влиянием иноязычных фонетических явлений, настоящие гласные фонемы. Так слова: st̠ōᵘl (русск. „стол“) пишутся: stɛul (sthol); ıəsūᵘd (русск. „суд“) „его суд“—ıəsəud (jysud); dēⁱrs „урок“ (араб. „урок“ درس)—deırs (dejrs); dīn (арабск. دين) „вера, религия“—dəın (din), т.-е. пишутся применительно к орфографии подлинно кабардинских слов.

Таким образом, применение нашей формулы позволяет, во-первых, сократить число букв употребительного сейчас кабардинского алфавита с 47-48 до 43 и, во-вторых, вместо принятой сейчас в кабардинском письме системы „двойных“ и даже „тройных“ букв для выражения надгортанных и лабиализованных согласных фонем ввести для них систему „одинарных“ букв всюду, где подобные согласные находятся в положении перед гласным. Введение в алфавит указанных изменений существенно облегчило бы дело распространения латинской грамоты среди кабардинцев.

Столь же существенное значение имеет вопрос о сокращении числа букв в алфавите и для кяхов или нижних черкес, говорящих на языке, близко родственном кабардинскому. Этот язык пользуется сейчас новым латинским алфавитом из 48 букв, в котором, однако, не сосчитаны фактически употребляемые сейчас двойные буквы для следующих 15 парных лабиализованных фонем: ǧ-ǧ, s̠-s̠, ʒ-ʒ, s-s, ƀ-ƀ, q̇-q̇, p̠-p̠, t̠-t̠, k̠-t̠, g-d̦, q-ϑ, q-q, ď-ď, ϑ-ϑ, ƺ-ƶ.

Вышеперечисленные лабиализованные фонемы изображаются сейчас в нижне-черкесском с помощью букв, изображающих соответственный парный не лабиализованный согласный, т.-е.: ǧ+u, s+u, ʒ+u и т. д. Таким образом, фактическое количество букв в современном латинском нижне-черкесском алфавите равно 63, в то время как язык насчитывает всего 60 фонем. Указанный недостаток приходится всецело отнести на долю несовершенной, нерасчетливой орфо-

---

[1]) Ср. напр.: pseu (pso) „живи“ (читай: (ꝑsōᵘ) и pseuən „житие“, feu (fo) „мед“: (читай fōᵘ) и feuəļe „сосуд для меда“; другие примеры см. Н. Яковлев. „Словарь примеров к таблицам фонетики кабардинского языка.“ М. 1923 г. стр. 97-99.

графии, которая существовала в кяхском письме до самого последнего времени. Только текущим летом во время моего пребывания в г. Краснодаре специальной комиссией Адыгейского ОНО, которая занялась установлением кяхского правописания и положила в основу своих работ мой проект кяхской орфографии, основанный на применении предлагаемой формулы, удалось установить приемлемую систему письма. Сущность ее сводится к следующему.

Кроме вышеперечисленных 15 пар лабиализованных-нелабиализованных согласных фонем, в нижне-черкесском языке имеется 10 следующих пар согласных фонем с надгортанным-подгортанным выдыханием: ꜧ̱-ꜧ, s̱$_{шо}$-s$_{шо}$, s̱$_{ш}$-s$_{ш}$, p̱-p, ṯ-ϑ, ḵ$_{o}$-q$_{o}$, ḵ-q, ṫ-ϑ̇, ṯ̦-ϑ̦, ṭ-ϑ̣.

Отсюда ясно, что, в то время как в кабардинском наилучшие результаты для системы письма дало использование надгортанных-подгортанных пар фонем, в кяхском языке, наоборот, мы можем достигнуть наилучших результатов, используя в качестве основы для сокращения числа букв лабиализованные—нелабиализованные пары. Вычисление дает следующие цифры:

$$A=57+3-(10-3)+1=54,$$

если мы используем для сокращения 10 пар „надгортанных—подгортанных“ согласных фонем, и:

$$A=57+3-(15-3)+1=49,$$

если мы используем для сокращения 15 „лабиализованных—нелабиализованных“ пар фонем. Исключая из последнего числа 2 малоупотребительных согласных фонемы q и ḵ, мы можем свести число знаков в алфавите до 47. Другими словами, мы можем достигнуть таких результатов в нижне-черкесском языке, если будем обозначать в нем лабиализованность согласных путем введения 3 новых букв: „u, o, ɑ“ для сочетающихся с ними гласных фонем „ə, e, a“ и 1 дополнительного знака: „губного знака“—„v“ который будет ставиться для обозначения лабиализованных согласных в положении не перед гласной (т.-е. перед согласными или в концах слов). Подобная система письма и проведена сейчас вышеупомянутой комиссией с некоторыми, правда, незначительными отклонениями.

Значительный интерес к вопросу о сокращении числа букв в алфавите проявляет сейчас абхазское учительство. Абхазский язык в его северном—бзыбском—наречии обладает 70 фонемами, в южном—абжуйском, которое с введением нового латинского алфавита положено сейчас в основу абхазской письменности, число фонем несколько меньше — 61. Такое звуковое богатство языка заставляет абхазскую школу серьезно ставить сейчас вопрос об упрощении и возможном сокращении числа букв принятого уже яфетидологического латинского алфавита, предложенного академиком Марром. Последний алфавит представляет собою ни что иное, как предложенную для массового практического употребления настоящую научную фонетическую транскрипцию, выработанную ее автором, крупнейшим иссле-

дователем абхазского языка, первоначально для целей чистого исследования. Уже одно это обстоятельство, следствием которого является целый ряд чисто графических недостатков указанного алфавита (например: обилие надстрочных и подстрочных знаков), позволяет заранее усумниться в практической его применимости (см. выше.) И, действительно, первый же опыт применения указанного алфавита в абхазских школах показал, что он является совершенно непосильным для детей и даже для взрослых хотя бы уже по одному большому количеству отдельных букв. В связи с этим сейчас и ставится на очередь вопрос о сокращении числа букв в абхазском алфавите.

Пользуясь выведенной нами формулой, мы можем наметить в абхазском языке 3 группы парных согласных фонем, за счет графического изображения которых может быть произведено указанное сокращение. „Лабиализованных—нелабиализованных“ парных фонем в абхазском 12: q̥̇-q̇, ħ̥-ħ, k̠̥-k̠, g̥-g, q̥-q, k̥-k; „надгортанных—подгортанных“ парных фонем — 14: ƫ̠-ϑ, p̠-φ, ƫ̇-ϑ̇, к̠-q; ṫ-ϑ̇, ţ-ϑ̦, ṭ(=ṯ)-ϑ̣(=ϑ̣), наконец, „мягких—твердых“ парные фонем—22: q̦̇-q̇, ğ̦-ğ, щ-ш, ʝ̦-ʝ, ķ̠-k̠, g̦-g, q̦-q, ķ-k, ţ-ṭ, ḑ-ḓ(=ḓ̠), ϑ̦-ϑ̣.

Основных гласных в абхазском языке так же как и в кяхском, всего 3: „ə, a, ā,“ как это установлено мною, в противоположность академику Марру, который насчитывает их значительно больше. Малое число гласных фонем, как мы уже указывали, благоприятствует в абхазском языке успешному применению нашей формулы. Последнее дает следующие результаты;

$$A = 58 + 3 - (6 - 3) + 1 = 59$$

при вычислении за счет 6 лабиализованных-нелабиализованных пар, и:

$$A = 58 + 3 - (9 - 3) + 1 = 56$$

при вычислении на основании 9 надгортанных—подгортанных пар; наконец:

$$A = 58 + 3 - (11 - 3) + 1 = 54$$

при экономии за счет 11 мягких—твердых пар.

При последнем способе, который дает экономию на 7 букв в алфавите, мы должны принять в абхазском 3 дополнительные буквы для гласных, обозначающие мягкость предшествующих им согласных, т.-е. на ряду с „ə, a, aa“—хотя бы. „i, я, яа“. Кроме того, особый дополнительный знак мягкости, напр: „ь“,—будет обозначать мягкость согласных фонем в положении не перед гласными. Особые буквы: „u, y“ при этой системе письма должны обозначать в абхазском алфавите только неслоговые (т. наз. „полугласные“) звуки.

Практическая применимость указанного сокращения в абхазском алфавите должна быть определена точнее в следующем отношении. Количество употребляемых при этой системе письма „двойных букв“ (т.-е. согласный + „ь“ („мягкий знак“) должно быть сравнительно не велико, так чтобы проистекающее отсюда осложнение письма и

затрата пространства с лихвой окупались бы удобством уменьшения числа знаков в алфавите.

Во всех перечисленных нами выше примерах сокращенных алфавитов, мы имеем одну особенность, которая в большей или меньшей степени умаляет практические выгоды произведенного сокращения. Такой особенностью является необходимость пользоваться в указанных системах письма способом двойных начертаний—„двойных букв“, правда, в более или менее ограниченной сфере применения. Эта необходимость является прямым следствием того, что вводя систему обозначения особенностей согласных фонем через буквы для следующих за ними гласных, мы неминуемо должны вводить один дополнительный знак для тех случаев, когда эти согласные находятся в положении не перед гласной и, следовательно, их особенности не могут быть выражены через буквы для гласных. В этих то случаях и приходится прибегать к столь неудобным двойным начертаниям, как „согласный+дополнительный знак“. Сравнительно более часты указанные случаи в абхазском, русском и угро-финских языках, менее часты—в кабардинском и кяхском, которые сохраняют следы моносиллабического открыто-слогового строя. Идеальным для применения нашей формулы за счет парно различаемых фонем был бы язык чистого открыто-слогового строя, не допускающий сочетаний согласных,—словом, язык, в котором за каждым согласным непременно должен был бы следовать гласный, т.-е. язык, аналогичный современному японскому или, отчасти, аварскому и древне-болгарскому. При применении к языку такого типа нашей формулы, оказалось бы ненужным прибавление в алфавит одного дополнительного знака, из формулы выпала бы: „+1“ и система двойных начертаний была бы совершенно избегнута. Мы не знаем пока примера такого применения нашей формулы к фактически существующему языку, однако, возможно, что такой случай найдет себе место в будущем при более широком расцвете культурного национального строительства на Востоке.

Тем не менее, применение тождественного способа сокращения числа букв в алфавите к одному из тюрко-татарских языков,—именно казакскому (быв. киргизскому), полностью сохранившему закон так называемого „сингармонизма“,—способа интуитивно изобретенного одним из местных культурных работников-казак, Байтурсуном, и примененного вслед за ним Н. Тюрякуловым в его проекте латинской графики, дает новое поле для совершенно безупречного употребления выведенной формулы. Яснее всего это можно видеть на конкретном примере одного из тюрко-татарских языков.

Во всех тюрко-татарских языках мы имеем наличность парных „мягких“ и „твердых“ гласных звуков и частью находим также парные мягкие и твердые согласные. Это вполне ясно видно хотя бы на следующих примерах из туркменского языка: eḷ „кисть руки“,—ał

„возьми“; aq „белый“,—eķ „сей!“. В этих примерах мы видим твердое и мягкое: „l“, твердое и одновременно задне-мягконебное: „q“ и мягкое, одновременно средне-твердонебное: „ķ“. Прежде всего мы должны решить вопрос, какие из указанных парно-различаемых твердых и мягких звуков следует считать фонемами и какие—вариантами фонем. Если мы примем, что твердая гласная: „a“ является здесь фонемой и только под ее влиянием появляется твердость последующих согласных, точно так же, как и в другом случае мягкость гласного: „e“ будет также признаком фонемы, а мягкость последующих согласных—сопутствующим ей признакам вариантов согласных фонем, то мы должны доказать, что, действительно, твердость и мягкость гласных используется здесь для различения значений указанных корней, а твердость и мягкость согласных служит лишь сопровождающим звуковым оттенком. Однако, одни предлагаемые примеры еще не дают нам материала ни для такого, ни для обратного заключения. Мы можем заключить лишь, что твердость гласных в этих примерах всегда сопровождается твердостью приведенных согласных и мягкость гласных звуков—мягкостью согласных, Рассматривая весь словарный материал в таких языках, как туркменский, казакский и некоторые другие, мы можем притти к выводу, что вышеприведенное заключение имеет для них силу общего звукового закона, не знающего исключений. Закон этот можно формулировать так: как гласные, так и парно различаемые по признаку твердости и мягкости согласные звуки в границах одного и того же слова могут быть в языке этого типа или только твердыми, или только мягкими, и, наоборот, в пределах одного и того же слова не может быть одновременно и твердых и мягких, как гласных, так и согласных, для которых существует в языке парное различение по твердости-мягкости. Таким образом, в этих языках, которые и являются языками с так называемым полным сингармонизмом, не может быть установлено ни отдельных твердых, ни отдельных мягких, как гласных, так и согласных фонем. Признак твердости точно так-же, как и признак мягкости, служит не для различения кратчайших звуковых моментов речи—фонем, но для различения целых слов, для выделения целых слов в речи, для выделения в ней границ этих слов. Это замечательное грамматическое свойство, которому в большей или меньшей степени отвечают казакский (киргизский) туркменский, кыргызский (быв. кара-киргизский), башкирский и др. языки, и позволяет применить к ним формулу сокращения числа букв в алфавите с наиболее совершенными результатами.

Так, для туркменского языка мы имеем следующие цифры: гласных фонем всего 9[1]): a—e, o—ö, ə—i, u—ü, ā, из них одна: ā

[1]) Здесь не сосчитаны остальные долгие гласные, как и в казакском, в расчете на то, что для обозначения их в графике может быть применена система двойных букв: ij = ī, uv = ū и т. д.

не входит в систему парных соответствий гласных, остальные гласные представляют 4 пары „твердых-мягких“ гласных. Общее количество согласных 22: b, p, d, t, r, z, s, ш, ḑ (ج), ɧ (چ), q̣ (ق), ķ (ك), ğ (غ), ꞡ (گ) l, m, n, ꞑ (ڭ), q̇ (خ), h (ه), y, w, из них парно-различаемых „твердых—мягких“ согласных 4: ķ—q̣, ꞡ—ğ.

Общий вид нашей формулы для тюрко-татарских языков с полным сингармонизмом должен значительно упроститься. Именно, величину C′ мы должны принять здесь равной нулю, если считать все согласные едиными, не знающими разделения на твердые и мягкие пары фонемами. Тогда формула примет следующий вид:

$$A = (C + Г) - (-0 + Г') + 1,$$

(т. к. вторая скобка должна представлять собою положительную величину), где единица обозначает дополнительный знак мягкости, вводимый для целого слова. Тогда для туркменского языка будем иметь следующий расчет:

$$A = 20 + 9 - 4 + 1 = 26$$

если признать, что твердое q̣ и мягкое ķ, равно как твердое ğ и мягкое ꞡ представляют собою лишь варианты единых согласных фонем, появляющиеся в зависимости от твердости или мягкости целого слова.

Если же допустить, что мягкие согласные: ķ, ꞡ, могут встречаться в твердых словах, а твердые согласные: q̣, ğ — в мягких словах, то формула примет следующий вид:

$$A = (C + Г) - (-C' + Г') + 1$$

или:

$$A = 20 + 9 - 4 + 2 + 1 = 28$$

Результаты вычисления по выведенной нами формуле для казахского языка являются еще более замечательными. Они дают возможность установить едва ли не самый „малобуквенный“ алфавит в мире.

Количество согласных в казахском: C = 19: b, p, d, t, r, z, s, ш, ḑ (=j, ج), q̣ (=q, ق), ķ (=k, ك), ğ (=h, غ), ꞡ (=g, گ), l, m, n, ꞑ, y, w (=v).

Количество гласных: Г = 9 [1] (См. сноску на стр. 61).

a—e, o—ö, u—ü, ə—i, ä, из них одна: ä не распадается на парные твердые и мягкие варианты и остается без соответственной пары в „твердых“ словах. Число парно-соответственных твердых и мягких гласных = 8, таким образом: Г′ = 4.

---

[1]) В современных проектах казакских алфавитов „ä“ принимается за парный „мягкий“ вариант „a“. Между тем, изменение гласного „a“ в суффиксах (см. примеры ниже) показывает, что его парным „мягким“ является гласный „e“, а гласный „ä“ представляет собою, по всей вероятности, усвоение из какой-то иноязычной фонетической системы, которое поэтому и не подчиняется закону „парности“ гласных. Впрочем, для целей практического письма безразлично, примем ли мы букву „e“ в значении „ä“ (как у меня в дальнейшем) или в значении звука „e“ (как у Байтурсуна и Тюрякулова). На число знаков в алфавите это не влияет.

Парно-различаемых твердых и мягких согласных—4: q̣(ق)—ķ (ک), ğ (غ)—g̡ (گ); C′=2. Исходя из указанных величин мы и можем вычислить количество букв для казакского алфавита Байтурсуна и Тюрякулова:

A = 17 + 9 — 4 + 2 + 1 = 25 [1])

Однако, казакский алфавит безусловно допускает и дальнейшее упрощение. Согласные „твердый“ q̣ и „мягкий“ ķ, равно как „твердый“ ğ и „мягкий:“ g̡ являются по существу не четырьмя самостоятельными фонемами, но лишь двумя фонемами, твердые и мягкие оттенки которых появляются лишь в зависимости от твердости или мягкости целого слова. Поэтому, поскольку этот закон не знает исключений, мы можем принять для казакского алфавита величину: „C′“ равной нулю и, произведя вычисление:

A = 17 + 9 — 4 + 0 + 1 = 23

получить кратчайший из известных нам алфавитов.

По этой системе казакские слова: eļ — „народ“ — ał — „возьми“; eķ „сей!“—aq̣ „белый“; azdar „малости“— izder „следы“; q̣orłəq̣ „унижение“,—äsķerļiķ „военная служба, солдатчина“ могут быть написаны латинским алфавитом Тюрякулова следующим образом: ′al—al; ‘aq—aq; azdar—′ъzdar (=izder); qorlъq—′esqarlъq (=äsķerliķ) и т. д.,—где „ ′ “ — дополнительный знак, обозначающий мягкость всего слова в целом.

Таким образом, на основании только что приведенных примеров из самых разнообразных языков, мы видим, что нам удалось действительно найти общую математическую формулу, с помощью которой вычисляется количество букв, на которое можно сократить алфавит любого языка, в силу своих фонетических особенностей (например, наличности значительных групп парно-различаемых согласных фонем при сравнительно небольшом числе гласных или наличности полного сингармонизма) допускающего такое сокращение. Это является лишним подтверждением той истины, что гуманитарные дисциплины, принципиально не отличаясь от естественно-исторических наук, допускают применение математических формул и способны послужить теоретической базой для создания специальных прикладных гуманитарных дисциплин.

Правда, со стороны некоторых мне случалось иногда слышать возражение: «позвольте, но, ведь, ваша формула требует предварительного знания фонетики языка, следовательно, это—не настоящая математика». Очевидно, подобные оппоненты имеют весьма слабое представление о том, что представляет собою математическая формула, выведенная для решения прикладных проблем. Если взять любую формулу этого рода, например формулу вычисления какого

[1]) „C“—принято здесь равным 17, при условии, что q и ķ, ğ и g̡ представляют собою лишь парные варианты двух фонем—q и g. „+2“ показывает, что тем не менее алфавит Байтурсуна вводит для них 2 по существу лишние буквы.

нибудь инженерного сооружения, то мы увидим, что в нее всегда приходится подставлять цифры, отражающие реальную природу фактов, в данном случае—свойства материалов постройки, как то: сопротивление материалов, их упругость и прочее. Словом, любая формула требует предварительного исчисления реальных величин, получаемых с помощью исследования соответственных конкретных об'ектов. В этом отношении выведенная мною формула нисколько не отличается от формул прикладных естественно-исторических наук. Правда, базируется она на результатах не историко-сравнительного изучения языков, но на относительно недавно возникшей теории фонем, как главе вновь возникающей лингвистической дисциплины—так называемой „статической" или „синхронической" лингвистики, которую правильнее было бы назвать „теорией грамматики" в научном смысле этого слова.

Н. ЮЗБАШЕВ

АРАБСКИЙ И НОВО-ТЮРКСКИЙ АЛФАВИТ

Пригодность арабского или нового тюркского алфавита на латинской основе для тюрко-татарских народностей можно установить только путем анализа обоих алфавитов, как в отдельности, так и сопоставляя их между собою.

После появления Ислама, арабская азбука укрепилась на Востоке и получила широчайшее распространение. Однако, она не могла конкурировать с латинской азбукой, параллельно распространившейся на западе. Латинская азбука давным давно опередила арабскую и в настоящее время она является единственной или почти единственной победительницей среди всех существующих азбук в мире. С этой азбукой связаны в прошлом и настоящем судьбы и расцвет современной культуры, породившей гигантскую технику Европы и Америки. Тут невольно нарождается мысль, почему арабская азбука и вместе с ней арабская культура не могли двинуться с места и что являлось их тормозом? Причиной этого отставания и главным тормозом на пути движения арабского алфавита являются следующие два принципа семитской азбуки, а именно:

1) в ней отсутствовал главный рычаг азбуки—гласные буквы;

2) наличие в ней некоторых таких букв, как например „ص“ для произношения не подходящих.

Латинская система изобразила необходимые гласные буквы и выбросила в сторону ненужные, неподходящие для произношения буквы. Этими изменениями она освободила себя от всяких загромождений, тяжести, неуклюжести и сделалась годной, жизненной и отвечающей потребности современной жизни. Хотя арабская система тоже подвергалась некоторым изменениям и дополнениям, но строго придерживалась указанных выше принципов. Вот основной недостаток арабской системы, благодаря которому она не двинулась дальше, замерла в своем первобытном состоянии и к данному времени потеряла все прогрессивное и культурное значение, сделалась негодной, нежизненной. Однако, небезынтересно будет тут же, хотя бы вкратце, осветить эти дополнения и изменения. Как известно, все семитские алфавиты имели 22 буквы, и арабский алфавит тоже, как один из семитских, первоначально состоял из 22-х букв, также суммированных

из 6-ти бессмысленных слов, а именно: а+б+дж+д; һ+в+з; һ+т+и к+л+м+н; с+а+ф+с; к+р+ш+т;

ابجد، هوز، حطی ، کلمن، سعفض، قرشت.

Так как это было недостаточно для произношения всех звуков арабской речи, то они дополнили свой алфавит недостающими буквами, взятыми из двух (тоже бессмысленных) слов, а именно: с+х+з; з+з+г.

ثخذ، ضظغ

Получается алфавит из 28 букв. Интересно заметить то обстоятельство, что эти новые буквы не имеют своих вполне самостоятельных изображений, отличаясь друг от друга только количеством точек, как например:

د—ذ؛ ح—خ؛ ث—ت؛ и т. д.

Арабы не ввели в алфавит совершенно новых изображений лишь потому, что в старину алфавит почитался как святым, почему он был „неприкосновенен". Эта святость и неприкосновенность соблюдаются и в дальнейших изменениях и дополнениях. Персы и тюрки, принявшие арабский алфавит, дополняли его своими новыми буквами тоже не вводя новых изображений, а воспользовались изображениями букв родственных звуков, только с другими комбинациями точек, а именно:

ڭ، گ؛ ژ، چ، پ.

Кроме этих дополнений, арабский алфавит видел еще три крупные реформы: первая из них была в первом веке гиджры—реформа куфического письма. Было принято прибавление точек над буквами и под буквами, от одного до трех. Вторая реформа—это введение надстрочных и подстрочных знаков—диакритические знаки حرکه, а именно: фатха, дамма, касра, трех родов танвины, джазм, шадда (ташдид), медд и хамза.

فتحه، ضمه، کسره، تنوینلر، جزم، شده، مد، همزه

ـَ ـُ ـِ ـً ـٌ ـٍ ـْ ـّ ـٓ ء

Эти реформы были сделаны для того, чтобы облегчить чтение арабской азбуки для иностранцев, главным образом облегчить чтение корана. Третья реформа состояла в изменении места расположения букв алфавита и была проведена из педагогических соображений, чтобы детям легко запоминать буквы, сходные в начертаниях.

Старое расположение:

ا ب ج د ه و ز ح ط ی ك ل م ن س ع ف ص ق ر ش ت ث خ ز
ض ظ غ

Новое расположение:

ا ب ت ث ج ح خ د ذ ر ز س ش ص ض ط ظ ع غ ف ق ك ل
م ن و ه ی

Этими реформами арабский алфавит стал отличаться от прочих семитских алфавитов и чем дальше, тем больше стал обособляться.—

Арабский алфавит в этом последнем виде, в котором дошел до наших дней, для тюрко-татарских народностей абсолютно не годится. Он имеет очень много неисправимых дефектов.

Во-первых, не все буквы арабского алфавита имеют определенную форму изображения (из 28 букв только 16 букв имеют вполне самостоятельную форму изображения), они отличаются друг от друга в произношении только с помощью диакретических точек, стоящих над ними и под ними, как например: ب — б; ت — т; ث — с; پ — п и т. д.

Эти точки в скорописи легко смешиваются, сливаются между собою или иной раз со временем стираются, не оставляя никакого следа и подбирать соответствующие звуки в таких случаях приходится по догадке.

Во-вторых, каждая буква имеет несколько форм изображения, в зависимости от ее местоположения: в начале, в средине, в конце слова или отдельно, как например буква „б" пишется в четырех формах: в начале بـ, в средине ـبـ, в конце ـب, и отдельно ب

Тоже буква „т": تـ, ـتـ, ـت, ت

Тоже буква „h" هـ, ـهـ, ـه, ه и т. д.

Многообразие форм одной и той же буквы в письме (а также в печати) с ее многочисленными точками, стоящими над буквами или под буквами, с ее надстрочными или подстрочными знаками— очень затрудняет их усвояемость, отнимает слишком много времени и энергии, а другой раз—детишки, несмотря на продолжительность обучения (3—4 года первой ступени), прямо не в силах преодолеть эту путаницу.

В третьих, для некоторых звуков имеется по несколько различных букв, передающих различные оттенки произношения. Это обстоятельство, хотя имеет практическое значение для арабского языка, но абсолютно никакого значения не имеет для тюркского языка, а тем более при употреблении тюркской письменности, как, например звук „с" в арабском алфавите имеет следующие разновидности: س, ث и ص, из которых только первый „س" точно передает соответствующий тюркский звук, а два других ث и ص совершенно не имеют эквивалента, то же происходит со звуком „з", виды в арабском следующие буквы: ذ, ز, ض, ظ, из которых только знак „ز" соответствует тюркскому языку.

Если для арабов все они уместны, то для тюрок абсолютно бессмысленны.—Исходя из вышеуказанного, следующие буквы ث, ح, ذ, ص, ض, ط, ظ, ع совершенно лишние для тюркского языка.

В четвертых, этот алфавит совершенно не имеет гласных букв, благодаря его конструкции (устройство) из бессмысленных слов, о чем выше было указано. Если такое положение подходяще в арабском языке, то оно совершенно не подходит народам, принявшим арабский алфавит вообще, тюрко-татарским в особенности, произно-

шение которых очень богато звуками. Хотя с течением времени некоторые согласные буквы этого же алфавита приобрели значение гласных, так называемые тюрками „орфографические буквы“ حروف املا (их всего 4), но все же они не удовлетворяют потребностям тюркского языка. Они имеют разнообразные назначения, выступают в различных ролях, почему получается большая путаница. Разобраться в каждом отдельном случае можно только по смыслу. Для большей ясности приведем несколько примеров: первая гласная буква „алиф“—ا пишется то без знака „хамзы“, как, например, „Акпер“—اکبر, Ахмед—احمد,—выражая звук „а“, то совсем опускается, место ее заменяет только названный знак „хамза“, как, например: „каиль“—قائل, „саиль“—سائل выражая звук „и“. Или же он в первой форме произносится то как „фатха“, выражая опять звук „а“, то как „касра“ в словах „Исрафил“—اسرافیل „Инсан“—انسان, выражая звук „и“, а другой раз как „дамма“— в словах „удаба“—اربا, „усара“—اسرا.

Звук „а“ передается несколькими изображениями:

а) “алиф“ со знаками „медд“, как, например, „агач“ آغاج, „алма“—آلما;

б) буквой „яй“ как, например: „муса“موسی, „иса“—عسی;

в) в соединении с буквой „вав“-„Хаджа“, خواجه, „Хаиш“خواهش;

г) буквой „е“h“, как например: „торба“ توربه, „балта“ بالته, „башка“ باشقه;

Следующая гласная буква „вав“ передает звуки „о“ в словах „долма“ دولما, „доушаб“ دوشاب;

Звук „о“	в словах	„ольмек“	اولمك,	„больмек“	بولمك,
„ „у“	„	„кулаг“	قولاق,	„кузу“	قوزو,
„ „е“	„	„гез“	گوز,	„сез“	سوز,
„ „ю“	„	„дюги“	دوگی,	„сюри“	سوری,
„ „в“	„	„вар“	وار,	„вер“	ویر,

Третья гласная буква „яй“ тоже исполняет три роли: „ы“, „и“, „й“ в словах „кыш“ قیش, „дил“ دیل, „чай“ چای.

Кроме того, в начале эта буква пишется в комбинации с „алифом“, как, например: „ит“ ایت, „ип“ ایپ.

Четвертая и последняя гласная буква „е“ (h) то произносится как „фатха“ в словах: „меша“ میشه, „тяла“ تله, то произносится как „дамма“ или „касра“, как, например: „чюнкю“ چونکه „дедики“ دیدیکه, то произносится как „а“ в словах: „балта“ بالته, „бафта“ بافته, и, наконец, произносится как согласная буква в словах „шах“ شاه, „падишах“ پادشاه.

Итак, из вышеприведенных примеров ясно видно, что 4 гласные буквы, так называемые „орфографические буквы“ حروف املا, не смогут полностью удовлетворить тюркский язык, имеющий 10 гласных зву-

Международный фонетический алфавит	y	u
Якутская латиница	y	u
Ряд проектов, выработанных в разных тюр. респ. СССР	y	u

В итоге, с точки зрения современных европейских (и русских) представлений о латинском алфавите, как таковом, за буквой u, естественно, могло быть закреплено только последнее звуковое значение (—русского „у“, казакского ۇ в قۇل ۇر), но никак не гласный нем. ü (казакск. ۉ, в ۉش, „3“). А этим определяется и выбор значения для буквы у.

Итак, в данном пункте, несмотря на весь авторитет азербайджанского алфавита, выступить с изменением его, безусловно, имело смысл. И немалая заслуга азербайджанцев в том, что они согласились на введение у себя этой перестановки звуковых значений букв u и y.

На этом я заканчиваю обзор гласных букв, так как три дополнительных общих вопроса я намерен осветить в отдельной статье —именно: 1) об изображении долгих гласных (в тех языках, где они имеются) и казакских и узбекских дифтонгов ۇۋ ىي. 2) о специфических гласных татарского и башкирского языков, 3) об упрощенном сингармонистическом способе обозначения гласных в некоторых языках (как-то киргизском, казакском).

Согласные символы.

В азерб. алфавите.	В унифицированном проекте.	В азерб. алфавите.	В унифицированном проекте.
p	p	n	n
ƅ	ƅ	r	r
f	f	l	l
v	v	j	j
m	m	q	k
t	t	ꝗ	g
d	d	k	q
s	s	g	ꝗ
z	z	x	x
з	ş	ꞑ	ꞑ
ƶ	ƶ	h	h
ç	c	’	’
c	ç		

Из них не вызывают сомнений: p ƅ f v m t d s z n r l h.

Основные же расхождения с азерб. алфавитом состоят в след.:

1) ç — c
c — ç
2) q — k
k — q
3) ɋ — g
g — ɋ

И, наконец, отличия в форме отдельных символов:

1) з — ş
ŋ — ŋ

Азербайджанское значение буквы c, — ج (дж),—было продиктовано, можно думать, просто тем обстоятельством, что место буквы c в латинском алфавите приблизительно совпадает с местом буквы ج в арабском: a b c и т. д.

ا ب ت ث ج и т. д.

Между тем это значение решительно противоречит всем традиционным европейским представлениям о латинском алфавите и латинскому письму, как таковому, [где буква c ассоциировалась с представлением глухого согласного (именно К), но никак не звонкого (и ни в одной из современных письменностей с звонкого согласного не обозначает). Поэтому отказаться от c — ج имелись все основания, как и для употребления буквы ç для соответствующего глухого звука — چ. Правда, с точки зрения европейской транскрипционной традиции (и Международного Фонетического Алфавита) для چ нужно было бы взять сложный знак — č, ибо простое c предназначается обычно для звука Ц (ср. современное чтение латыни: Cicero— Цицеро, Caesar—Цесар, Цезар). Но в виду отсутствия в громадном большинстве тюр. языков звука *Ц* мы с полным правом могли бы взять c для Ч (چ) [рассматривая, если угодно, это c как сокращение č]. Так поступила уже, между прочим, и якутская латиница.

Менее тверд выбор, сделанный Комиссией для ج: этому звуку был уделен оставшийся без употребления символ ç. Правда этот знак тоже (как и c) с представлением звонкости ни у кого не ассоциируется (во французском ç—рус. *с*, а в МФА—звук в роде „мягкого“ *хъ*). Но диакритический значек (внизу под фигурой c) предполагает уже ту или другую условность звукового значения и с этой точки зрения с выбором ç—ج можно, пожалуй, и примириться.

Примечание. Возможно было бы защищать (вместо ç) начертание з [как в якутской латинице). А освобождающееся при этом выборе (з—ج) начертание ç допустимо было бы взять для ش (вм. замысловатой и совершенно новой фигуры ş и з в азербайджанском алфавите).

Обмен значениями у букв k—q и параллельно с этим g—ɋ является опять таки (как и обмен u—y, и c вм. ç для چ) вполне

обоснованной реформой—в виду необходимости считаться с господствующими в Европе ассоциациями лат. букв и с самим латинским письмом в частности.

Буква q употреблялась в лат. письменности именно для „заднего" (глубокого) k, соответствующего ق (кафу) тюркских языков. Для „переднего" же (не-глубокого) k служила буква c, но в редких случаях и k. А главное,—то звукопредставление, которое связывается у всех народов Европы с буквой k отнюдь не предполагает „заднего" (глубокого) звука, отличающегося этим от другого—„переднего" k. Фактически звукопредставлению ق в европ. языках не соответствует ничего, а европейское k, в большинстве случаев, близко к ك (азербайджанское произношение ق и ك нельзя считать типичным для тюркских языков). Единственным поводом к сделанному в аз-ом алфавите выбору (k—ق, q—ك) является то обстоятельсто, что французское название буквы q звучит как kü (если пользоваться немецким алфавитом), т.-е. вроде كو. Но из этого буквально ничего не вытекает (ибо во французском не 2, но одна фонема k, и слог kü может быть с одинаковым успехом написан и в виде cu и в виде qu).

Равным образом и g следовало принять за символ گ (не غ), ибо звукопредставлению غ в европейских языках (по крайней мере в большинстве европейских языков) ничего не соответствует, а европейский звук *Г* (напр. в англ. — g, gu, французск. — g, gu) нормально находит параллель в тюр. گ [азербайджанское „ультра-переднее" произношение گ, опять-таки, не в счет, ибо его типичным для тюр. языков считать никак нельзя]. Потому естественно, взяв для گ букву g, для غ создать новую букву. Выбор фигуры ɋ, конечно, произволен и возражением против него может быть то, что этот знак отсутствует в современных типографиях — кроме тех, которым уже пришлось иметь дело с азерб-им алфавитом. Но есть и плюсы: графический параллелизм между q (ق) и ɋ (غ). Во всяком случае этот знак более приемлем, чем предлагавшееся некоторыми русское г (для غ): оно неудобно потому, что в печатной форме будет неизбежно смешиваться с r (ر).

Остается вопрос о начертаниях ş ц (а также ƶ [для ژ ж], которое, как в азерб. алфавите, так и в новом проекте вызывает возражения в виду опасности смешения с z — ز).

Наиболее подвержено критике начертание ş. Конечно, для данного значения (— ش ш) оно лучше, чем аз-ое з, которое ни у кого не склонно вызывать представление глухого спиранта—ш.

Но зато с точки зрения полиграфической и графической традиции это ş—буквально „черт знает что, а не буква". И надо тратиться на ее отливку.

Однако, поскольку речь идет только о самом начертании заново создаваемого знака, это уже не есть строго принципиальный вопрос. Потому и с этим „черт знает что“ тоже можно помириться.

Напомню только о вышеуказывавшемся другом решении вопроса: ج — з, а ش — ç. И будет жалко, если это последнее решение будет принято через несколько лет (как реформа нынешнего унификационного проекта), а не сразу же (т.-е. уже на состоявшемся Пленуме).

Мотив, выставлявшийся против z (— ژ), мною уже указан, но в виду относительной редкости звука ж в тюр. языках он теряет свою остроту.

В итоге, несомненными плюсами работы Комиссии являются: 1) избежание диграмм (вроде sh и т. п.), 2) избежание точек и т. п. значков с отрывом от строки, 3) сознательное следование аз-ому алфавиту (переставшему уже быть проектом) во всех пунктах, где этому не мешают принципиальные соображения.

На этом я пока останавливаюсь. Ряду отдельных привходящих вопросов (выше уже отмеченных) посвящаются другие мои статьи.

Проф. Л. ЖИРКОВ

ВОПРОС О ЛАТИНСКОМ АЛФАВИТЕ ДЛЯ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА.

Успехи движения за введение латинского алфавита в замену арабского—очевидны. Внутри нашего Союза движение это пустило прочные корни и имеет в прошлом уже такие достижения, как многолетнее существование бакинской газеты Jeni Jol и массу изданной на латинском шрифте литературы. Позиция, занятая латинским шрифтом в Азербайджане, нам кажется уже укрепленной окончательно. По крайней мере, мы не видим никаких об'ективных данных, какие позволили бы предположить в будущем крах того культурного движения, которому и мы посильно помогали. Наоборот, мы видим, что позиции нашего дела постепенно и неуклонно укрепляются и вне Азербайджана, в других турецких автономиях и республиках нашего Союза.

Пока мы имеем дело только с проектами латинизации алфавита, находящимися в стадиях опыта и первичного использования, было бы неразумно задаваться мечтами о расширении нашей работы вширь. Надо было сосредоточиться целиком на углублении работы в том пункте, который в силу наличия компактных масс промышленного пролетариата оказался наиболее восприимчивым к идее замены трудного и сложного алфавита простым и легким для изучения; мы разумеем—Баку. И только теперь, после работ пленума Комитета Нового Тюркского алфавита, который состоялся в Баку весной прошлого 1927 года, после того как на пленуме было достигнуто согласие по вопросу о той форме, которую должен иметь об'единенный (унифицированный) алфавит для тюркских языков, употребляющихся на всем пространстве нашего Союза, — только после этого мы в праве признать, что приближается момент, когда придется подумать и о том, как двинуть нашу идею алфавитной реформы в более обширные географически области.

Лично мы настолько ценим достигнутую к нашим дням огромную степень интернациональности латинского алфавита, что не удивились бы, если бы в Японии и вообще на Дальнем Востоке, использующем об'единенно китайскую иероглифическую письменность, вновь воскресло и оживилось уже давно занесенное туда движение за замену китайских иероглифов латинским алфавитом. Для нас несомненно, что неудача, постигшая эту идею в Японии,

отнюдь не есть доказательство „окончательной невозможности“ применять латинский алфавит в соответствующей, конечно, разработке к письму на языках Дальнего Востока, широко использующих музыкальную интонацию для различения основных значений слов, как мы это видим и в языках японском и китайском. Но вопрос о переходе движения за латинизацию алфавита за пределы нашего Союза в направлении Дальнего Востока—есть вопрос не актуальный в данный момент, далекий от нашей специальности, и не о нем мы собираемся здесь говорить.

Иначе обстоит дело, если мы взглянем в направлении Ближнего Востока. Здесь многие признаки говорят за то, что идеи, пустившие корни и давшие плоды в нашем Союзе, проникают и за его рубежи, встречая там сочувственное отношение. Причины такого положения вещей легко понять. В пределах нашего Союза имеются турецкие национальности — родные братья в расовом и языковом отношении тех турок, которые в Малой Азии образовали устойчивое и крепкое государственное образование. Наш автономный Таджикистан соприкасается с границами иранского мира, пользуется в качестве единственного литературнаго языка персидским наречием. Тяга народных масс к просвещению, властная и в Турции, и в Персии, ведет к тому, что в обоих странах создается почва, благоприятная для выдвижения проектов алфавита, имеющих упростить дело начального народного образования. И в той, и в другой стране таких проектов было уже не мало, и в другом месте — не здесь — могла бы уже быть написана история движения за латинский алфавит на Ближнем Востоке. В этой статье мы ставим себе более узкую цель, а именно — взглянуть на современное положение данного вопроса в Персии и иранском мире. Лишь попутно, в целях сравнения, мы должны будем сказать несколько слов и о других странах Ближнего Востока.

Одна из культурных сфер, входящих в состав Ближнего Востока, не подает никаких надежд в смысле возможности введения алфавита на латинской основе. Мы говорим об Арабистане, т.-е. о цепи стран с основным арабским населением, тянущихся от Месопотамии до Марокко. Все эти страны, одноплеменные по населению и об‘единенные общим литературным языком, не представляют собою единого целого в государственном смысле. Народные арабские говоры во всех этих странах различные, при чем еще очень слабы до сих пор попытки использовать эти народные говоры в литературных целях, поднять их на степень литературных языков. Об‘единяющий фактор в виде обще-литературного арабского языка (на котором народ нигде не говорит) чрезвычайно дорог именно высшим, грамотным и интеллигентным слоям населения. Вместе с языком, как это всегда бывает, окружен особым почтением и тот алфавит, который для письма на этом языке применяется — арабский алфавит. Арабский алфавит имеет и другие мотивы, делающие его прямо „священным“.

Он связан с религией, об'единяющей все страны Ближнего Востока, он „освящен“ тем, что на нем написан Коран. Добавьте к сказанному также то, что все страны Арабистана находятся в той или иной зависимости от европейских держав, и что как протест против этого положения в них возникает и развивается в совершенно исключительной степени арабский национализм. Этот национализм, стремясь во всех пунктах что-либо противопоставить культуре Европы, в сильной мере использует в своих целях обособленность языка и письма. Было бы удивительно, если бы он этого не сделал.

Неоспоримо, однако, что вытеснить арабский алфавит из письменного употребления для арабского языка было бы делом исключительной трудности и по чисто об'ективным основаниям, заложенным в самой связи этого алфавита с этим языком. Арабский алфавит именно для этого языка и был изобретен. Главный недостаток этого алфавита, в применении к языкам турецким или индо-европейским — невыражение гласных — является достоинством (вследствие большей стенографичности письма без гласных) с точки зрения языка арабского, знающего одни только согласные корневые элементы слов. Таким образом, будет вполне правильно беспристрастно признать, что для арабского языка арабский алфавит специально приспособлен и удовлетворяет своему назначению.

Письменность на тюркских языках, в том числе и на языке Ангоры и Константинополя, более всего испытывает неудобств от применения неподходящего к строю языка арабского алфавита. Народы турецкого племени, живущие внутри нашего Союза, представляют в культурном отношении (особенно теперь, после революции) настолько большой удельный вес, что идейное влияние, идущее из союзных центров за рубеж, является весьма заметным. Представители ученых Турции принимали участие в Тюркологическом с'езде в Баку в 1926 г., на котором алфавитный вопрос для внутри-союзных тюркских языков был принципиально решен в пользу латинизации. Как потом сообщалось в нашей литературе, вопрос о латинском алфавите стал довольно деятельно обсуждаться в турецкой прессе, и, может быть, недалек тот момент, когда и правительство Турции должно будет определить свое отношение к этому вопросу.

Если мы теперь сравним с только-что очерченными условиями, существующими в Арабистане и Турции, то положение, какое существует в Персии, мы увидим, что оно совершенно иное. В отличие от Арабистана Персия есть единое государственное образование, с определившимися уже, повидимому, тенденциями укрепления центральной власти. В отличие от Турции Персия в значительно-меньшей степени подвержена культурным влияниям, идущим из нашего Союза. В то время, как тюркское племя имеет у нас культурно-мощных представителей (в особенности Баку и Казань должны при

этом приниматься в расчет), — удельный вес нашей единственной иранской автономии, Таджикистана, является в зарубежном Иране не особенно крупной величиной. Зависит это от того, конечно, что Таджикистан, имеющий территорию в трудно-доступной горной области, является автономным образованием, только начинающим строить свою национальную культуру. Население его говорит различными иранскими говорами, но для культурной работы использует наречие, близкое к персидскому литературному языку. Иными словами, мы видим здесь картину, аналогичную положению в Афганистане, где при афганском языке большинства населения, официальным и литературным языком является исключительно персидский. Рядом с такой культурной „молодостью" Таджикистана мы имеем старую культурную традицию Персии с ее многовековой литературной историей. Были эпохи, когда литература Персии подчинила своему влиянию соседей на Западе и Востоке — Турцию и Индию. При неоспоримо высоком формальном совершенстве и идейном богатстве персидской литературы, ее влияние на всем Ближнем Востоке дожило до наших дней. Внутри собственно-Персии старые поэты и до сих пор являются главной литературной пищей широких слоев населения. Своим величием и совершенством эти старые образцы как бы подавляют ростки новой литературы, и персидские литературные новаторы отстают от турецких. Вопрос об алфавите в Таджикистане, в силу общности языка его с персидским, несомненно должен решаться с учетом того культурного движения, которое зарождается в Персии. Вот почему мы думаем, что та информация о современном положении вопроса в Персии, которую мы здесь дадим, будет вполне своевременна для деятелей алфавитной реформы в Таджикистане. Принципиально вопрос о латинизации там предрешен; за проведение реформы высказался уже с'езд учителей Таджикистана, состоявшийся еще в 1924 г. По намеченному тогда еще плану, с 1928—29 г. в начальных школах должно будет начаться постепенное введение знакомства с грамотой и на латинской основе. Обзор зарубежного положения вопроса о латинизации представляет в такой момент особенный интерес.

Если хотите, можно сказать, что вопрос об алфавитной реформе на иранской почве имеет уже длинную историю. Во время тюркологического с'езда в Баку в 1926 г. была устроена ретроспективная выставка когда-либо и кем-либо выдвинутых проектов алфавитной реформы и замены неудобного арабского алфавита чем-нибудь более удобным. Среди этих проектов были и проекты, выдвинутые иранскими деятелями. Часть проектов была радикальна в том смысле, что, отказавшись целиком от арабской графики, переходила прямо к приспособлению латинского алфавита. Другая часть — не решалась рвать так решительно с исторической традицией и сводила свою задачу к „реформе" арабского алфавита в виде тех или других изменений внешнего вида букв. Как всегда

бывает, эта робкая половинчатость производила самое неприятное впечатление, и все половинчатые проекты (ни пава, ни ворона) приходилось невольно признать наименее удавшимися. Если бы мы подходили к этим проектам как историки, мы могли бы заняться их описанием, но с точки зрения современного момента и актуальных задач наших дней они, все вместе взятые, заслуживают едва самого краткого суммарного упоминания. Все эти попытки в основе индивидуальны, ни одна из них не соприкасалась с каким бы то ни было подобием общественного движения, не имела социальной базы и не искала даже таковой. Все предлагавшиеся реформы носили мечтательный характер: „хорошо, дескать, было бы, если бы люди писали вот так, а не по старому!“ Пути к проведению в жизнь этих мечтаний оставались в полной мере неясны; в этом смысле все проекты были утопичны.

Если кому-либо из лиц, выдвигавших в Персии идею алфавитной реформы, надо уделить несколько больше внимания, то это — Мальком-Хану, оказавшему все же известное влияние на строй идей и симпатий персов ныне уже отходящего поколения. Его перу принадлежит, между прочим, статья под заглавием Məƅdə‘-i tarakkь (Предпосылка прогресса), в которой он разбирает вопрос о причинах упадка и застоя образованности в мусульманском мире, сменивших собою расцвет наук в первые века ислама. Он приходит к заключению, что одним из факторов, влиявших отрицательно в культурном смысле, можно считать несовершенство алфавита. Эти несовершенства и дефекты арабского письма подробно автором разбираются, но мы здесь на них останавливаться не будем, т. к. большинство приводимых им доводов в наши дни хорошо знакомы всякому человеку, хоть отчасти соприкасавшемуся с вопросом алфавитной реформы. Значение указываемой статьи Мальком-Хана не в этих аргументах, а в том, что вывод, к которому он приходит, — совет заменить в практическом письме арабский алфавит латинским,— оказал некоторое, пусть слабое, влияние на читателей, к которым он обращался. До сих пор о взглядах Мальком-Хана по этому предмету помнят те персы, которые вообще могут говорить на тему о смене алфавита. Мальком-Хан своим авторитетом как бы взял этот вопрос под свою защиту. Без этого многие собеседники—персы признали бы весь вопрос просто чепухой, о которой не стоит говорить; вспоминая же указанную статью Мальком-Хана, они чаще всего уже не спорят против принципиальной возможности и принципиального смысла реформы, а ограничивают свои возражения указаниями на трудность и несвоевременность поднятия алфавитного вопроса.

Надо признать, что Мальком-Хан сослужил службу делу пропаганды за введение латинского алфавита в персидском языке. В Персии сильны — сильнее чем в Турции — идеи религиозной обособленности и оторванности от европейского культурного мира.

Шиитский фанатизм не допускает европейца - немусульманина на территорию мечетей. На ряду с местами культа признается священной и неподлежащей прикосновению немусульманских рук и та система письма, которой написаны все документы религиозного учения. Выдвигать идею, что алфавит подлежит усовершенствованию, если он не отвечает изменившимся условиям производства книг (в данном случае — при переходе от рукописной книги к книге, печатаемой с набора), — можно в персидском обществе, как мы убедились во время недавней нашей поездки в Персию, только с особой осторожностью. Вашим персидским собеседникам по этой теме трудно внушить доверие к тому, что, говоря об алфавите, вы не ведете подкопа под еще более глубокие устои религии и национальной обособленности. Таким образом, по нашему мнению, в условиях современной персидской общественности не найдется никакого места сколько-нибудь широкой агитации за переход к новому, более удобному письму. Агитатору за это дело будет не на кого опереться; не сложились еще те социальные слои и группы, которые поддержали бы и повели борьбу за „легкую школу".

Между тем вопрос о применимости и применении латинского алфавита к персидскому языку имеет важность с двух сторон. Во-первых — это важно для Персии; во-вторых — это важно, так сказать, как отзвук для наших внутри-союзных национальностей, переходящих от арабской азбуки к латинской. Важно показать, что такой язык, как персидский, с многовековым литературным прошлым, ничуть не исказится и вполне может быть удовлетворен хорошо приспособленным к его особенностям алфавитом на латинской основе. Мы не имеем в виду сказать, что какая-либо из внутри-союзных организаций может и должна взяться, в виде отвлеченного теоретического опыта, за создание персидской графики на латинской основе. Мы имеем в виду другое: важно, чтобы, в процессе культурного обмена Персии с Россией и Европой, к персам проникало бы возможно больше документов, использующих латинский алфавит для записи персидской речи. Пусть это будут научные работы, использующие латинскую транскрипцию в целях большей точности; пусть это будут тексты параллельные, латино-арабские по графике; — все равно, они будут приучать к мысли о пригодности латинского алфавита. Например, печатается, предположим, персидский словарь или издается персидская грамматика, или даже хрестоматия, — во всех этих случаях полезно было бы отказаться от применения знаков „огласовки", и везде, где она нужна, заменять ее транскрипцией. Набор этих знаков „огласовки" стоит безумно дорого, применение транскрипции диктуется, следовательно, прямо экономической причиной. Таким образом, персы на практике могли бы осознать известные удобства нашей алфавитной системы, которых их азбука лишена, а это ознакомление на практике есть лучший путь агитации. Латинский алфавит не надо навязывать, но

ПРОФ. Е. ПОЛИВАНОВ

К ВОПРОСУ О ЗАГЛАВНЫХ БУКВАХ.

Одним из наиболее спорных вопросов в работе I Пленума ВЦК НТА оказался вопрос об уничтожении заглавных (больших) букв [А, В, С и т. д.]. В постановлении, вынесенном Пленумом, решено сохранить заглавные буквы; тем не менее значительное число делегатов (в частности от Средне-Азиатских Республик) настойчиво выдвигало обратное предложение—о полном устранении заглавных букв из унифицируемых турецких письменностей.

Вопрос этот не так прост, как кажется с первого взгляда, ибо здесь теоретические рассуждения диаметрально расходятся с доводами, выдвигаемыми практикой.

Именно с теоретической точки зрения нельзя не согласиться с тем, что заглавные буквы совершенно бесполезны и затрудняют дело начального обучения, и потому в такой письменности, которая создавалась бы «вне времени и пространства» — вне зависимости от каких-либо традиций, можно было бы не задумываться и ограничиться единой формой каждой буквы (обоснования этого положения я привожу ниже).

Но с другой стороны, мы наталкиваемся на следующий факт: якутская латиница, крайне радикальная по существу, с самого начала (т.-е. с конца 1917 г.) стала обходиться без заглавных букв (напр. saqa вм. Saqa—в начале фразы и т. д.). В результате же, после ряда дискуссий, одерживают верх сторонники заглавных букв и в последней стадии реформы якутской латиницы заглавные буквы уже существуют (Saqa и т. д.). Очевидно, существуют известные об‘ективные, ощутимые на практике неудобства, с которыми и столкнулась якутская графика (в своей первоначальной форме—без заглавных букв), и эти неудобства заставляют, в конце концов, отказываться от первоначального радикализма (т.-е. вводить заглавные буквы—уже путем частичной реформы письма).

А так как, несомненно, желательно избежать подобных перерешений впоследствии (через несколько лет), то нужно быть очень осторожным, решаясь на ту или другую меру в данном вопросе.

Вот почему надо тщательно взвесить предложение среднеазиатских делегатов, прежде чем решиться на него.

Рассмотрим сначала те доводы, которые выставлялись или которые могут быть выставлены в пользу отмены заглавных букв.

1. В письме, строимом исключительно на основании фонетического принципа, заглавные буквы, разумеется, не найдут себе места (ср. отсутствие заглавных букв во всех универсальных фонетических транскрипциях—МФА, РЛА и т. д.).

Действительно, в звуковом отношении нет никакой разницы между звуком „м" в слове Москва, которое пишется с большой буквы, и словом москит, где тот же звук изображается малой (строчной) буквой. Точно так-же нельзя говорить об особых принципиальных отличиях звуков, стоящих в начале фразы, для которых во всех европейских письменностях употребляются заглавные буквы (напр. „Скажи мне, ветка Палестины...")

Но, ведь, никому и в голову не придет утверждать, что заглавные буквы употребляются с фонетическим значением.

2. Те категории слов, которые принято писать (в европейских письменностях) с большой буквы,—именно 1) так называемые собственные слова, 2) имена предметов и понятий, пользующихся высшей степенью уважения в данном социальном быту, не имеют никаких формально-грамматических признаков, а, следовательно, не могут быть распознаваемы языковым мышлением, как таковым. Можно утверждать, напр., что категория одушевленных имен (напр. муж—вин. падеж мужа, коня—конь, кот—кота) — есть языковое (морфологическое) представление, ибо оно имеет внешние (языковые) отличительные признаки: вин. пад. (ед. числ. м. рода) сходен в ней с родительным [т.-е. оканчивается на гласный звук—а] в отличие от категории неодушевленных имен (стол—вин. пад.-стол), но подобных внешних (языковых) признаков у категории собственных имен (Иван, Мария, Ипполитов, Степанович, Москва, Грузия, Днепр, Монблан, Пиринеи, Марс) не имеется, а, следовательно, чтобы решить, нужно ли данное слово писать с большой буквы [т.-е. принадлежит ли оно к именам собственным], пишущему надо проделать известную умственную работу, не имеющую ничего общего с языковым мышлением, как таковым: нужно проанализировать то внеязыковое представление, которое является значением данного слова. И, разумеется, если мы даже будем иметь в виду, что в большинстве случаев ответ на данный вопрос (является-ли данное слово именем собственным) не составляет особых затруднений—здесь все-таки кроется известная лишняя обуза для начального обучения.

3. Иногда же решение данного вопроса (писать-ли слово с большой буквы) может быть не только затруднительным, но и спорным. Мы знаем, напр., что прилагательные вроде: французский, ташкентский, римский должны (в отличие от Франция, Ташкент, Рим) писаться с маленькой буквы. А как быть в таком случае как Аппенинский хребет или Неаполитанский залив? Ведь Аппенинский и Неаполитанский — это

тоже прилагательные, а между тем они вполне относятся к понятию собственных имен.

Точно также нужны особые орфографические сведения, чтобы писать: француз, ташкентец и т. д. с маленькой буквы. А вот и, действительно, спорный случай: в лингвистической литературе названия единичных говоров играют роль именно собственных имен (т. к. обозначают именно индивидуальные представления) и с этой точки зрения я лично, например, позволяю себе писать: Иканский говор (но узбекский язык), Тосаский говор (но японский язык) и т. д. С точки же зрения общего орфографического правила здесь нужна маленькая буква.

Итак, нельзя отрицать, что усвоение правил о прописных буквах не вполне легкая вещь с точки зрения школьной практики.

4. Если ставить проектируемую письменность вне времени и пространства, т.-е. допускать, что изучающий ее не должен будет знать ни одного другого алфавита (напр., русского или западноевропейского), то можно сделать вывод, что усвоение учащимся второй формы букв (т.-е. прописных букв, напр., A, B—сверх известных уже a, b) будет просто излишней тратой труда и времени, от которой мы можем сразу избавиться, выкинув из употребления прописные буквы.

5. Наконец, противники больших букв могут сослаться на пример мусульманской графики, где прописные буквы отсутствуют: при устранении их и в турецкой латинице, облегчится, следовательно, процесс переобучения с мусульманского алфавита на латинский. А в качестве аналогии им можно сослаться и на ряд других письменностей, не знающих двойной формы букв: начиная с древнейшей латинской и греческой (где первоначальной формой служили именно прописные буквы; из них лишь впоследствии выработались строчные или малые буквы) и кончая санскритской, тибетской, монгольской, манчжурской, корейской, японской, китайской, бирманской и т. д.

Вот, в сущности, и все, по-моему мнению, доводы, которые можно было-бы высказать в пользу изгнания прописных букв.

Каково же их значение в данных конкретных условиях для латинского письма турецких народностей Союза ССР.

Прежде всего мы можем определенно сказать, что осложнением дела будет—в данных конкретных условиях—не включение больших букв в общий унифицированный НТА, а наоборот устранение их из него, и вот почему:

1. Устранение больших букв явится уже переделкой того НТА, который до сих пор существовал—в виде единственного, получившего доныне практическое распространение письма—азербайджанского; следовательно, соглашаясь с «устранителями» прописных букв, мы идем уже на реформу алфавита; а всякая лишняя реформа есть, разумеется, известное зло, и решиться на реформу нужно лишь тогда, когда это—„зло необходимое“.

2. В современных условиях мы не можем представить себе такой линии турецкого национального просвещения, которая исключала бы знакомство с каким-либо другим алфавитом помимо турецкой латиницы; фактически приходится предполагать, что учащиеся наших турецких Республик будут знакомы и с русским языком (и письмом), и с западно-европейскими графиками (в тех или иных размерах).

А если так, то знание прописных букв и их функций для них уже неизбежно.

И, следовательно, все те теоретические соображения о трудности усвоения правил употребления больших букв, которые могут быть высказаны a priori, здесь просто-на-просто отпадают. Знание того, в каких случаях надо употреблять большие буквы, будет обусловлено изучением русской письменности (а также изучением европейских языков, поскольку оно будет иметь место).

А знание самих начертаний прописных букв (напр., B, C, F, L, N...) будет обусловлено необходимостью элементарного знакомства с западно-европейским латинским шрифтом.

Итак, оказывается, что лишних трудностей прописные буквы НТА-та для современного учащегося (необходимо связанного и с изучением русского языка, и с знанием западно-европейского латинского шрифта) уже не создадут. И даже наоборот, необходимость помнить, что в НТА нужно писать a n n a (не Anna!) вместо русск. А н н а, l e n i n (не L e n i n!) вм. русск. Л е н и н и т. д. (т.-е. необходимость менять большую букву на маленькую в тех самых собственных именах, которые в русском письме требуют большой буквы),- это и будет подлинным затруднением для большинства пользующихся НТА-том. Такую же приблизительно трудность создала бы и необходимость помнить о различных написаниях начала фразы: напр. в русском в начале фразы:—Б а з а р н ы й д е н ь..., в НТА—bazar (не Bazar!) k y n i [resp. g y n i, resp. k y n y].

Это-то и составило бы основное практическое неудобство в случае ратификации „письма без больших букв". И заранее можно предсказать, что поскольку такое постановление будет принято, фактическая практика индивидуальных написаний будет бесчисленное число раз отступать от него, т.-е. употреблять прописные буквы—по русскому образцу.

На это явление, очевидно, и наткнулись якутские деятели просвещения, оказавшиеся вынужденными, в конце концов, после долгих сравнительно лет, произвести реформу и об'явить «приятие прописных букв».

Этот опыт необходимо учитывать и ВЦК НТА, об'единяющему письменности всех (или почти всех) остальных турок—кроме якутов и народностей, пользующихся русским шрифтом. И поскольку латин-

господствующее положение на Дальнем Востоке и будет отложена в сторону, как музейная редкость, как воспоминания былых столетий. Может быть: ибо велика разрушительная мощь тех сил, которые в современном Китае требуют изменений, уравнения с народами Запада, требуют простых и практических методов, даже в мире книг требуют демократизации — великой панацеи нашего времени».

Так начинает Карлгрен эту главу. Эти слова уже характеризуют отношения автора к затронутой им проблеме — Карлгрен бесконечно далек от пренебрежительной или высокомерной оценки туземных попыток реформировать свое письмо, с какой к ним иногда подходили ученые специалисты.

Но аргументация Карлгрена любопытна и с другой стороны — любопытна потому, что попытка реформы Дальне-Восточной письменности, очевидно, в более острой форме ставит те же проблемы, затрагивает те же больные вопросы, что и латинизация арабского письма у тюркских народов. Поэтому не лишены значения те ответы, которые находит на них этот «беспристрастный свидетель со стороны», бесстрастный лингвист — ученый.

Это прежде всего проблема сохранения старой культурной традиции. Карлгрен отнюдь не закрывает глаз на значение разрыва со старой письменностью:

«Если для Японии рациональная реформа письма означает насильственный разрыв с традицией, то для Китая она равнозначуща радикальной революции, ибо для Китая необходимы две реформы, независимые друг от друга, хотя и логически друг с другом связанные. Первая: отказ от древнего искусственного литературного языка, от средневековой латыни Китая; замена его письменностью, основанной непосредственно на разговорном языке. Вторая: отказ от старой идеографии, замена ее фонетическим письмом... Если китайцы хотят освободиться от идеографии и пользоваться латинскими буквами, они должны порвать с классическим литературным стилем. Но отказ от литературного языка сам по себе не препятствует сохранению старой китайской письменности, поскольку всякую фразу разговорного языка, разумеется, можно написать соответствующими китайскими знаками.

Первая реформа — замена искусственного литературного языка новым, основанным на современной разговорной форме китайского языка— начата уже много лет тому назад. Уже много лет выступают в защиту ее смелые и полные энтузиазма борцы. Им приходится преодолевать мощное сопротивление, и победа не может им даться легко и быстро. Защитники старины выдвигают тяжкие аргументы, указывая на огромные потери, сопряженные с подобной реформой.

Прежде всего, реформа означает отрыв Китая от национальной культуры, разрыв с прошлым. Молодое поколение, воспитанное на новом литературном языке, утратит способность читать на старом; для него станут книгой за семью печатями все сокровища той тысячелетней литературы,

в которой воплотилась душа Китая, вся полнота китайской культуры от ее зачатков до высшего расцвета. Взамен ее оно получит популяризацию западно-европейских литератур и западно-европейской культуры, не имея возможности действительно усвоить их, поскольку социальные условия в Китае совершенно отличны от социальных условий на Западе.

Аргумент—сильный, но не решающий. Правда, здесь на лицо, с одной стороны, обширный подбор эмоциональных ценностей, любовь к традициям, национальная гордость, с другой — ряд практических трудностей, которые необходимо преодолеть. Но при достаточном энтузиазме и упорстве реформаторов трудности эти преодолеть *возможно.* Ведь и итальянцы не могли вечно пользоваться латынью, как письменным языком — народная речь с неотразимой силой ворвалась в литературу: то же и здесь. Изучение китайской древности не должно прекратиться, но оно должно принять другие формы. Китайские ученые станут работать над изучением своего древнего языка, как над особой отраслью науки, — подобно тому, как итальянские ученые работают над изучением латинского, а норвежцы — древне-исландского языка. Для неученого, для читателя из широких масс придется перевести на разговорный язык важнейшие памятники, которые содержат квинт-эссенцию китайского духа. Все это пред'являет огромные требования к ученым Китая, — но к подобным требованиям надо быть на-готове».

Второй не менее существенной проблемой, связанной с отказом от традиционного письма, является проблема унификации разрозненных диалектов и языков, различия которых выступают отчетливее при фонетическом письме.

«Другое не менее важное возражение состоит в том, что разрыв с классической древностью Китая означает также разрыв связи между различными частями Китая, ибо искусственный литературный язык образует мощную спайку между различными диалектами Китая, не только культурную, благодаря общности изучаемой древней литературы, но и чисто практическую. Литературный язык стал подлинным эсперанто Китая. Как бы различно ни говорили представители различных местностей, как бы ни расходились их диалекты по произношению, по словарю, по грамматическому аппарату, как только они прибегнут к письму, различия исчезают: произношение становится безразличным, так как знаки доступны непосредственно глазу, словарь становится единым для всего Китая, правда, ограниченным известным выбором слов, резко отличающихся от вульгарных местных слов; а грамматика — это грамматика древне-китайского языка.

Реформаторы, отказавшись от этого полезного орудия, сразу порвут тесную живую связь между различными частями страны; литература, основанная на базе известного живого диалекта, не сможет пользоваться авторитетом древнего языка; и неизбежным результатом реформы окажется то, что каждый диалект, каков бы он ни был по распространению и значению, создаст собственный литературный язык.

Почему же реформаторы восстают против сохранения этого писанного эсперанто, простого, практического, повсеместно понятного? Прежде всего потому, что они хотят писать так, как они говорят. Далее потому, что они хотят, чтобы написанное слово было доступно чтению и пониманию, а не было только литературой для глаза. И наконец, опыт показал, что традиционный литературный язык предоставляет пишущему слишком большой запас фраз и выражений, которые легко делают стиль понятным только для ученого. До тех пор, пока сохранится искусственный язык, литература никогда не станет истинно народной, никогда не станет достоянием масс, говорят реформаторы. С этими доводами нельзя не согласиться. Требуя для литературы современности современного языка, реформаторы следуют здоровому в своей основе принципу».

Выступая в защиту реформы литературного языка, Карлгрен высказывается далее по вопросу о попытках сохранить для этого нового языка старую форму письма, о так называемом «белом языке» (бай-хуа) современного Китая.

«Можно подумать, говорит он, что отказ от искусственного литературного языка при сохранении старого письма является той золотой серединой, которую достигли реформаторы. Но более радикальные сторонники реформы возражают против подобных полумер. Если литературный язык основан на современном разговорном языке, то он, также как и разговорный язык, воспринимается слухом, а следовательно он может быть передан фонетическим, легко читаемым, письмом. А следовательно совершенно *излишне* принуждать миллионы китайских школьников, отнюдь не собирающихся стать учеными филологами, засорять свою память тысячами странных знаков, которые легко могло бы заменить несколько десятков фонетических символов—букв. Это бесспорно — веский аргумент. Другой, менее очевидный, но не менее веский заключается в следующем: до тех пор, пока китайский писатель пользуется старым письмом, для него всегда есть искушение впасть в старую искусственную фразеологию, даже если он намеревался писать на чисто разговорном языке. Другими словами: до полного разрыва со старым искусственным языком, полного отказа от китайского письма и перехода к фонетическому письму, не будет возможным, несмотря на лучшие намерения, освободиться от его старых недостатков, от темных и застывших выражений».

Опыт подтверждает эти опасения. И таким образом реформа китайского письма в том виде, как она представлена «белым» языком, является по мнению Карлгрена «хромой полумерой».

«Единственной гарантией для литературного языка, подлинно живого и органически связанного с разговорной речью, явится чисто фонетическое письмо» [1]).

---

[1]) Мы оставим в стороне ряд других аргументов, выдвигаемых Карлгреном в пользу фонетического письма, в частности вопрос о заимствованных словах и именах собственных.

Значительно может быть сужено и унифицирующее значение старой письменности. Ибо, как справедливо указывает Карлгрен, «система фонетических соответствий между отдельными китайскими диалектами мандаринского района может быть изучена в несколько часов, тогда как на изучение китайских иероглифов понадобилось бы несколько лет».

К тому же, «создание нейтрального письменного языка, лишенного ярко выраженных диалектизмов, одна из важнейших задач культурной нации. Этот язык должен быть достаточно тесно связан с живой разговорной речью, чтобы быть подлинно органическим живым языком; но вместе с тем он должен об'единять родственные диалекты умелыми принципами орфографии и отбором слов, достаточно распространенных и не узко провинциальных».

Наконец, любопытны и некоторые замечания Карлгрена по поводу латинизации китайского фонетического письма. Указывая на недостаточность латинского алфавита для транскрипции китайского языка и подчеркивая необходимость твердого фонетического значения для каждой избранной буквы, Карлгрен предостерегает против чрезмерного увлечения диакритическими знаками и сложными обозначениями. «Не следует быть *слишком* ученым: это создало бы слишком большие трудности, в частности в области печатного дела». И он выдвигает лозунг: «Надо писать по-китайски с передачей всех особенностей и музыкальных ударений этого языка, но букв должно быть не больше, чем на обыкновенной американской пишущей машинке».

Таково мнение одного из крупнейших западно-европейских ученых по вопросу о реформе одной из важнейших мировых систем письма. Трудно не согласиться с этим мнением. И трудно не согласиться с теми словами, в которых он формулирует разрешение проблемы унификации фонетического китайского письма: «Литературный язык — это величайшее художественное создание культурной нации: но его творят не филологи за рабочим столом, а гиганты мысли, которым есть что сказать своим современникам...».

П. ТЕДЕЕВ

НОВЫЙ АЛФАВИТ В ОСЕТИИ.

До XIX столетия у осетин не было никакой письменности. Не могло быть, понятное дело, и алфавита. Лишь в XIX столетии, когда Осетия основательно и прочно стала в орбите всяческих влияний российской государственности, начинаются попытки к созданию осетинской письменности и, следовательно, к выработке специальной осетинской графики.

Первыми пионерами в этом деле, как свидетельствуют о том исторические данные, были моздокский епископ из грузинских архимандритов некто Гайоз и выходец из Осетии, получивший многостороннее образование при дворе грузинских царей, Иоанн Ягнузидзе, впоследствии возведенный в дворянское достоинство.

Надо думать, что помыслы как епископа Гайоза, русского церковного чиновника, так и Иоанна Ягнузидзе, щедро осыпанного царскими милостями при грузинском дворе, не должны были быть вполне бескорыстными. Повидимому, и тот, и другой в основу своей работы по созданию письменности и алфавита для осетинского народа клали ассимиляторские тенденции. По тем временам было совершенно естественно и в порядке вещей, чтобы епископ Гайоз, как русский церковный чиновник, при помощи которых русское правительство обыкновенно осуществляло свою обрусительную политику, желая выслужиться перед своими господами, энергично проводил именно русские тенденции, а Ягнузидзе в угоду своим „царственным покровителям“ осуществлял тайные вожделения грузинских ассимиляторов. На самом деле так и было: епископ Гайоз делал попытки к созданию осетинского алфавита на основе церковно-славянской графики и в 1798 году даже напечатал на составленном им на указанной выше основе алфавите осетинскую азбуку и сокращенный катехизис на осетинском языке.

Ягнузидзе, напротив, старался выработать осетинский алфавит на основе грузинского письма и при переводах своих церковной грузинской литературы на осетинский язык применял буквы церковно-грузинского письма.

Таким образом, некоторое время шла скрытая борьба влияний, борьба между руссификаторами во главе с епископом Гайозом и грузинификаторами, представителем которых являлся Ягнузидзе.

Однако, ни попыткам епископа Гайоза, ни стараниям новоиспеченного дворянина Янгузидзе не суждено было утвердиться в осетинской действительности. Как алфавит епископа Гайоза, составленный на основе церковно-славянской письменности, так и грузинифицированный алфавит Янгузидзе без всякого труда были вытеснены алфавитом академика Шегрена, составленным им в первой половине XIX столетия на основе нового русского гражданского письма.

Руссифицированный алфавит Шегрена, впоследствии переработанный епископом Иосифом Владикавказским и упрощенный проф. В. Ф. Миллером, надолго утвердился в осетинском письме. Им пользовались все писавшие по осетински вплоть до 1922 года.

Конечно, за время применения в осетинском письме шегреневского алфавита не могли не обнаружиться его недостатки. С самого же начала видно было, что всех фонетических особенностей осетинского языка нельзя покрыть буквами русского алфавита, ибо последних значительно меньше, чем звуков в осетинской фонетике. Для восполнения недостатка в буквенных знаках приходилось прибегать к помощи большого количества надстрочных и подстрочных знаков, а также помощи двойных начертаний. Все писавшие на осетинском языке с первых же дней введения руссифицированного алфавита испытывали его неудобства, замечали его внешнюю неуклюжесть и говорили об его замене более подходящим. Однако, в те времена об отказе от руссифицированной графики и замене ее другой нерусской нечего было и думать. Выше было сказано, что местное чиновничество царского правительства для проведения в жизнь своих ассимиляторских и руссификаторских тенденций пользовалось даже таким, с первого взгляда, безобидным оружием, как алфавит. Поэтому была полная уверенность в том, что первый, кто заговорил-бы открыто о недостатках тогдашней осетинской графики и замене ее более совершенной не-русской, тот, без обиняков, был-бы тотчас об'явлен государственным преступником и очутился бы „в местах не столь близких“.

Здесь уместно будет отметить, что параллельно с российскими руссификаторами и грузинские шовинисты также старались навязать свой, кстати сказать, более совершенный и более подходящий к особенностям осетинской фонетики, алфавит. Имея в своих руках все технические возможности в масштабе Закавказья, они всеми способами старались противодействовать как утверждению руссифицированного алфавита, так и его замене другим не-грузинским. Таким образом, здесь шла борьба между русскими и грузинскими ассимиляторами за утверждение своего влияния в Осетии путем оказания воздействия на ее письменность.

С водворением на Кавказе советской власти все подобные тенденции отошли в область преданий и осетинское передовое общество получило широкую возможность свободно обсудить давно назревший вопрос о замене своего неудобного алфавита более совершенным, в

большей степени удовлетворяющим потребностям его языка. Инициативу разработки этого вопроса, как и следовало ожидать, взяли на себя в Северной Осетии—Северо-Осетинское историко-филологическое об-во, позднее преобразованное в „Северо-осетинский исследовательский институт краеведения", и в Юго-Осетии—„Юго-Осетинское научно-литературное об-во", впоследствии также пребразованное в „Юго-Осетинский институт краеведения". В делах этих научных учреждений имеются документы, указывающие на то, что вопрос о новой осетинской графике возник тотчас-же по водворении совласти в Осетии и дебатировался горячо и очень много раз. Естественно, в обеих частях Осетии прежде всего был поставлен вопрос об основе для новой графики. Преобладающая часть работников сразу-же стала твердо на сторону применения латинской основы. Были и сторонники создания особой, ни с каким алфавитом не сходной, самостоятельной осетинской графики. Они представили даже проекты выработанных ими график на рассмотрение обществ. Были и такие, которые оставались верными старой руссифицированной графике и горячо отстаивали необходимость ее сохранения. Последние повторяли старые доводы академика Шегрена, который вначале, при применении русской основы для осетинского алфавита, эти доводы и выставлял. Шегрен и сторонники его основы утверждали, что 1) в будущем судьба Осетии теснейшим образом связана с судьбами России, 2) те осетины, которые грамотны по-русски и по-грузински, предпочтение отдают русской грамоте, 3) вся существующая на осетинском языке литература отпечатана алфавитом на русской основе, 4) руссифицированная графика уже пустила корни в осетинской действительности и народная масса грамотна на указанной графике.

Авторы специальной осетинской, отсталой от всех существующих график, необходимость принятия их проектов мотивировали тем весьма важным и основательным соображением, что ни у одного из существующих алфавитов не имеется такого количества буквенных знаков, чтобы полностью покрыть все потребности осетинской фонетики. Приходится прибегать к помощи некрасивых, неудобных, неуклюжих надстрочных и подстрочных знаков и т. д.

Как ни основательны были доводы и руссифицированного алфавита, и аргументация авторов оригинальных, своеобразных осетинских график, все-же ни тем, ни другим не удалось поколебать твердой решимости подавляющего большинства участников этой работы и вопрос был решен в пользу латинизированной основы. Преимущества этой основы, по мнению ее сторонников, заключались в том, что латинский алфавит богаче буквенными начертаниями, что латинский алфавит имеет распространение почти на всем земном шаре, что на этой основе пишут и читают 9/10 всего грамотного человечества и потому при изучении новых иностранных языков значительно облегчается усвоение грамоты и, наконец, в типографском отношении представляет определенные удобства, т. к. в любой европейской и не-

европейской типографии можно отпечатать книгу на графике с латинской основой и в любой словолитне можно отлить такой шрифт. Нельзя упускать из вида и внешних преимуществ латинского алфавита по сравнению с другими.

Таким образом, оба научных учреждения Осетии вместе со своей передовой интеллигенцией, группировавшейся вокруг этих учреждений, твердо решили положить в основание новой осетинской графики латинский алфавит. В дальнейшем дело сводилось к деталям, к разрешению и преодолению тех затруднений, которые были связаны с невозможностью покрыть все звуки осетинского языка буквами латинского алфавита. В этом отношении между частями Осетии вначале существовало некоторое расхождение. Как видно из материалов, помещенных в „Известиях Осетинского исследовательского института краеведения“ за 1925 год (выпуск I, стр. 419, Доклад Тибилова о графике), тогда еще „Осетинское историко-филологическое об-во“ „после долгих прений и обсуждений“ приняло следующий проект осетинской графики на латинской основе:

старая руссифиц.		новая латиниз.	старая руссифиц.		новая латиниз.
1. а	—	a;	20. у	—	u;
2. б	—	в;	21. в	—	v;
3. ц	—	c;	22. з	—	z;
4. д	—	d;	23. œ	—	œ;
5. е	—	e;	24. v	—	y;
6. ф	—	f;	25. у	—	u;
7. i	—	i;	26. q	—	q;
8. г	—	g;	27. х	—	x;
9. h	—	h;	28. ш	—	ś;
10. j	—	j;	29. ж	—	ż;
11. к	—	к;	30. тц	—	t’;
12. л	—	l;	31. ҧ	—	p’;
13. м	—	m;	32. ķ	—	k’;
14. н	—	n;	33. ц̄	—	c’;
15. о	—	o;	34. r	—	ç;
16. п	—	p;	35. r̄	—	ç’;
17. р	—	r;	36. дз	—	dz;
18. с	—	s;	37. дж	—	dž;
19. т	—	t;	38. ı̧	—	ı̧;

В Юго-Осетии была принята несколько иная графика. Звуки с крепким произношением и обозначенные Северо-Осетинским историко-филологическим обществом знаком „’“ Юго-Осетинское научно-литературное общество изображает двойным начертанием, при чем для обозначения твердого отреза берет „h“ и получилось, напр., вместо „k’“ (северо осет.) („ҕ“ грузинское)—„kh“ (юго-осетинское), вместо „t’“ (северо осетинское) и т. д.

Графика, принятая „Осетинским историко-филологическим обществом", „подверглась изменениям", при чем были внесены те изменения, которые предлагались Юго-Осетинским научно-литературным обществом, т.-е. приняты:

вместо й — w
„ k' — kh
„ t' — th
„ p' — ph
„ c' — ch
„ ç — č
„ ç' — čh и т. д.

Графика в таком виде, за исключением „дубльве" (w), выброшенной впоследствии, была принята высшими областными органами Северной и Южной Осетии и окончательно утвердилась в осетинском письме. Этой графикой повсеместно в Осетии пользуются до настоящего времени. [1])

По вопросу о времени и способе введения печатания на новой графике в самом начале получился некоторый разнобой, впрочем довольно быстро ликвидированный при самом своем возникновении. Дело в том, что среди работников Осетии, в особенности на севере, были такие, которые полагали, что резкий переход на новую графику создаст сумятицу в народных массах, т. к. овладеть сразу новым алфавитом будет несколько затруднительно. Поэтому они предлагали постепенный и медленный переход на новую графику, чтобы этот переход совершился безболезненно и незаметно для масс. В полном соответствии с таким положением они и свою официальную газету „Ræstdzinad" („Справедливость") печатали на 3/4 на старой руссифицированной графике и лишь приблизительно на 1/4 на новой латинизированной. Наоборот, в Юго-Осетии сразу-же перешли на новую графику и на новой графике печатали все решительно, в том числе и официальный орган—„Хурзарин" („Xurzarin"). В интересах достижения единообразия письма и печати по всей Осетии всем организациям юго-осетинской области пришлось обратиться к организациям Северной Осетии с призывом перейти полностью на новую графику. Ответом на этот призыв был перевод печатания всех изданий на севере Осетии, в том числе и газеты „Справедливость", на новую графику.

Таким образом, новая латинизированная графика входит безраздельно в обиход осетинской письменности. В настоящее время на этой графике печатается решительно все, что издается в обеих частях Осетии, в том числе официальные органы „Ræstdzinad" Северной Осетии и „Xurzarin" в Юго-Осетии; здесь-же выходит ежемесячный литературно-художественный и научно-политический большой журнал „Fidiuag" (Фидиуаг, вестник); издано на новой графике на севере и на юге: 3 разных букваря, природоведение ч. I, 3 книги для чтения после азбуки разных авторов, учебник арифметики, об'емистая книга

[1]) См. в конце этой статьи таблицу осетинского алфавита.

в 200 с лишним страниц Плиева: „Учебник политграмоты“. Издан сборник стихотворений народного поэта Коста Хетагурова „Jron fandyr“ („Ирон фандыр“—осетинская лира), поэма Кубалова „Afxardty Xasana“ („Афхарты Хасана“), рассказы Коцоева „Kazuudta“, два литературных сборника под наванием „Ziu“ („Зиу“), до 30 названий разных брошюр политического содержания и столько-же популярно-научного для крестьянского чтения. На новой графике печатаются также все распоряжения, постановления и декреты правительств обоих частей Осетии. Новая графика в настоящее время прочно привилась в Осетии, при чем следует отметить, что при ее введении не было никаких эксцессов, протестов и проч.

Iron nog damhætæ

Zærond	Nog		Zærond	Nog	
А а	A a	*A a*	С с	S s	*S s*
Б б	B b	*B b*	Т т	T t	*T t*
Ц ц	C c	*C c*	Ў ў У у	U u	*U u*
Д д	D d	*D d*			
Е е	E e	*E e*	В в	V v	*V v*
Ф ф	F f	*F f*	Х х	X x	*X x*
Г г	G g	*G g*	Ѵ ѵ	Y y	*Y y*
Ҕ ҕ	H h	*H h*	З з	Z z	*Z z*
I i	I i	*I i*	Æ æ	Æ æ	*æ æ*
J j	J j	*J j*	Ч ч	Č č	*Č č*
К к	K k	*K k*	Ц́ ц́	Ch	*Ch ch*
Л л	L l	*L l*	Дз дз	Dz	*Dz dz*
М м	M m	*M m*	ДЖ	Dž	*Dž dž*
Н н	N n	*N n*	Ҕ ҕ	Kh	*Kh kh*
О о	O o	*O o*	Ԥ ԥ	Ph	*Ph ph*
П п	P p	*P p*	Ꚋ ꚋ	Th	*Th th*
Q q	Q q	*Q q*	Ч́ ч́	Čh	*Čh čh*
Р р	R r	*R r*	Ђ ь	Ђ ь	*Ђ ь*

Г. БАИМБЕТОВ

НОВЫЙ АЛФАВИТ СРЕДИ НАЦМЕНЬШИНСТВ РСФСР

Период горячей полемики между арабистами и латинистами в 1925/26 г. г. прошел мимо нацменской периодической печати. По какой-то иронии судьбы нацменская печать с самого начала полемики приняла нейтральную позу, отгородив себя китайской стеной от злободневных вопросов, затронутых в этой полемике. В лучшем случае вопрос о новом алфавите оставался привиллегией кучки сторонников арабистов и на обсуждение широких слоев трудящихся не переносился.

Таким образом, и до Всесоюзного Тюркологического С'езда (Март 1926 г., Баку), положившего конец дискуссии, и непосредственно после него вопросы проведения латинизации среди нацменьшинств Р.С.Ф.С.Р. не получили должного освещения и организационной проработки. Не были намечены также основные вехи агитации и пропаганды идеи латинизации в нацменских массах.

В результате, например, среди трехмиллионного татаро-башкирского нацменского населения движение за новый алфавит начало складываться позднее, чем в самой Татарии и Башкирии. Вопросы о работе среди нацменьшинств Р.С.Ф.С.Р. у нас впервые ставятся после Первого Пленума ВЦК НТА (состоявшегося 3—6 Июня 1927 г. в гор. Баку). На заседании Президиума ВЦК НТА (10—11 августа 1927 г.—Москва) обсуждался доклад о работе в районах нацменьшинств Р.С.Ф.С.Р. и был утвержден соответствующий план работы.

Однако, в дальнейшем, обследование некоторых пунктов Поволжья и Урала показало, что, несмотря на безмолвие нацменской печати и организаций нацмена, идея латинизации проникла и в широкие слои нацменьшинств. Проводниками идеи латинизации были там отдельные учителя и учащиеся, которые вели пропаганду. Летом текущего года в Нижнем-Новогороде, по окончании курсов по переподготовке учителей, были организованы курсы „Яналиф", где ликвидировали свою неграмотность 50 человек. Были неоднократные попытки организовать ячейки на разных курсах и техникумах городов Поволжья и Урала, но организация их или не разрешалась администрацией, как „излишняя затея", или же не получала дальнейшего развития из-за отсутствия связи и руководства извне. Приблизительно такое же явление наблюдалось и в других местах. Местами движение тормозилось отдельными ответственными работниками и организациями нацмена,

которые, сами не будучи убежденными сторонниками латинистов или арабистов, к вопросу латинизации относились безразлично и на запросы отдельных низовых работников и мест о желании организовать ячейки „Яналиф“ отвечали отрицательно, ссылаясь на отсутствие директивы „свыше“.

Отделы Народного Образования в своих сметах на 1927/28 учебный год не предусмотрели расходов на популяризацию идеи латинизации в массах, организацию ликпунктов и ликвидацию неграмотности учителей и т. д., Совет Нацмена НКПроса Р.С.Ф.С.Р. сделал весьма мало в этом отношении.

Но невзирая на наличие таких неблагоприятных условий и атмосферу недоверия новому начинанию, созданную происками арабистов, за последнее время движение за новый алфавит начинает складываться и в районах нацменьшинств Р.С.Ф.С.Р. На собраниях, устраиваемых в защиту нового алфавита, масса поддерживает новое дело и сознательно голосует за проведение латинизации.

Латинизация повсюду, как в нацреспубликах, так и в районах нацменьшинств, победит, как культурный фактор, означающий стремление широких слоев трудящихся к новой социалистической технике и культуре. Движение это будет развиваться как часть культурной революции. Татаро-Башкирские рабочие и работницы заводов Урала (Карабаш, Кыштым и т. д.) массами вступили в ячейки „Яналиф“ и начали уже ликвидировать свою неграмотность. Культотделы рудкомов (в Карабаше и др.) отпускают на это дело средства Ликбеза. Этому же примеру вскоре последуют татаро-башкирские рабочие и работницы и других заводов Урала.

В тех пунктах районов нацменьшинств, где большинство населения составляет крестьянство, также наблюдается громадная тяга к переходу на новый алфавит. Районные и волостные конференции просвещенцев обсуждают вопросы латинизации и решительно, на деле, переходят на сторону проведения нового алфавита в жизнь (Яланский район Челябинск. окр. и Янаульский район бывш. Сарапульского окр. Уральской области).

В настоящее время нашей первоочередной задачей среди нацменьшинств Р. С. Ф. С. Р. является создание губернских, областных, и краевых центров „Яналиф“, обеспечение их литературой, кадрами работников в пределах возможности; направление туда финансовой помощи и координирование всей нашей деятельности с соответствующими учреждениями и организациями как на местах, так и в центре.

С. АВЗЯНОВ

ПИСЬМО С УРАЛА

(О работе среди татарских и башкирских рабочих Карабашских медных рудников).

Дело «Яналиф» [1] для нас еще новое, им начали заниматься у нас только в последнее время, с начала октября 1927 года. Сразу развернуть эту работу не могли, так как все имеющиеся силы были сосредоточены на вопросах подготовки к Октябрьским торжествам.

Поскольку вопрос был для нас совершенно новым, среди нас не было ни одного грамотного актива по новому алфавиту и понимающего, что такое новый алфавит, и могущего ответить на такие вопросы, как-то: чем вызвана реформа и почему приемлем латинский алфавит, а не какой-нибудь другой и т. п.

С проведением Октябрьских торжеств мы приступили к работе по реализации нового алфавита, произвели раз'яснительную работу путем собеседований, громких читок из брошюр по «Яналифу» в казармах и красных уголках. Помимо этого, проведен ряд собраний и совещаний рабочих и актива в Карабаше. Словом, было создано общественное мнение, в первую очередь среди имеющегося актива и через него в широких массах рабочих. Несмотря на краткость времени, отсутствие руководства со стороны вышестоящих организаций и подготовленного актива, все имеющиеся препятствия к работе по «Яналифу» коллективными усилиями большей части тат.-баш. актива и поддержкой местных партийных и профессиональных организаций были до некоторой степени преодолены и сейчас мы имеем кое-какие достижения, а именно, в настоящее время насчитываем вполне жизненных 5 ячеек «Яналифа» с количеством членов 168 человек (из них рабочих—115, учащихся и проч. 53 чел.; мужчин—146, женщин 22); есть еще шестая ячейка, но она не оформлена и себя не показала на работе.

Без разрешения Свердловского Окр. ОНО (запрос послан, но ответа еще не получили) на двух рудниках — Рыковском и Сталинском, по желанию самих слушателей, открыты школы ликвидации неграмотности на новом тюркском алфавите. Охвачено этими школами всего 76 человек. В трех рудниках: Первомайском, Рыковском и Кузнечихин. Геолог.

[1]) „Яналиф"—„Новый алфавит".

развед. с 18 ноября с. г. работали 3 курса «Яналиф» с охватом 57 человек. На курсах обучаются преимущественно товарищи, более или менее грамотные по-русски или по старому, арабскому алфавиту.

Если не считать имеющиеся тормозы в работе, которые вызываются благодаря сменных работ на производстве, то посещаемость курсов и школ ликвидации безграмотности колеблется от 50 до 70%. Основными тормозами в работе являются: отсутствие пособий по чтению и письму для самих слушателей и литературы (исключая журналы) для закрепления имеющихся или получаемых знаний. Помимо курсов и школ л/б имеются члены «Яналиф» при Кыштымской школе ФЗУ в числе 18 человек, обучающихся по новому алфавиту в порядке учебного плана, где для татарского языка еженедельно дается по 5 часов, которые целиком и используются для «Яналифа». К 25-му ноября насчитываем всего 42 человека, ликвидировавших неграмотность по новому тюркскому алфавиту, которые свободно читают не только напечатанное, но и написанное. Затем мы задумались над вопросом о введении «Яналиф» в старшие группы тат.-башк. школ 1 ступени, которых у нас в Карабаше имеется две; ребята желают, наш учительский состав более или менее подготовлен; этот вопрос тормозится, вернее задерживается в виду отсутствия разрешения со стороны органов Народного Образования, учебных пособий и методических указаний.

Членами наших ячеек выписывается журнал «Яналиф», всего 72 экземпляра. Если считать на 168 человек, то приходится почти 1 экз. на 2 человека. Подписку на журнал будем всячески увеличивать; было бы очень хорошо для распространения, если бы журнал выходил два раза в месяц, ибо масса желает получать журнал почаще. Стенных газет на новом алфавите мы пока еще не издаем. К Октябрьским торжествам на новом алфавите в некоторых рудниках (Сталинский) писали Октябрьские лозунги.

Уголки «Яналиф» организованы только при 2-х ячейках на Рыковском и Первомайском рудниках.

В общем ячейки как бы не развертывали работу, но они еще нуждаются в повседневном руководстве и идейной поддержке (исключая материальной стороны). Но организаций, которые бы могли обеспечить все это как на местах, так и в районах и округах — нет.

В скором времени созываем совещание представителей всех пяти ячеек, где на ряду с обсуждением очередных задач, как произв. план на зиму по «Яналифу», ставим вопрос об организации Райбюро ячеек «Яналиф» при коллективе ВКП(б) или Рудкоме Союза Горняков.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ПО УНИФИКАЦИИ АЛФАВИТА ПЛЕНУМА ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПО ПРОВЕДЕНИЮ НОВОГО ТЮРКСКОГО АЛФАВИТА

(вечернее)

5 июня 1927 года.

Председательствует—тов. СЕЙФИ.

Председатель.—Заседание комиссии об'являю открытым. Порядок заседания следующий: сперва будем принимать каждую букву в отдельности, а потом перейдем к спорным моментам. Возражения нет? За основу примем алфавит Научного совета.

Манатов.—Я предлагаю принять за основу азербайджанский алфавит, а не проект Научного совета.

Тыныстанов.—Я думаю, что при унификации мы должны этот вопрос обсудить отдельно, кроме того мы должны обсудить, какие принципы мы кладем в основу построения нашего алфавита.

Чобан-Заде.—Имеются две системы: фонетический и смешанный принцип. Представитель каждой системы, участвуя в прениях, тем самым будет исходить из принципов своей системы. Если же опять начнем с дискуссии о принципах, то это затянет решение вопроса.

Тыныстанов.—Так, я думаю, мы не придем к соглашению. Когда азербайджанцы выдвигают четыре формы начертания, мы не можем с ними согласиться. Поэтому эти принципы надо уточнить и сказать, какой принцип все таки будет положен в основу нашего алфавита, а потом уже отдельно говорить о самих начертаниях.

Омар Алиев.—Мы сейчас ставим вопрос не о четырех формах; в порядке дня комиссии этот вопрос стоит особо. Мы можем сейчас рассмотреть алфавиты и после этого поставить вопрос: сколько должно быть форм. Независимо от этого мы должны рассмотреть каждую букву в отдельности.

Председатель.—Тогда примем такой порядок. Первым вопросом обсудим начертания алфавита, вторым—вопрос о заглавных буквах и третьим—порядок самого алфавита.

Тыныстанов.—Не имея представления о перспективах, обсуждать эти вопросы, я думаю, нельзя.

Чобан-Заде.—Я считаю, что порядок, который сейчас предложил тов. председатель, нужно принять.

Омар Алиев.—Первый вопрос об алфавите, второй о заглавных буквах и третий—о порядке самого алфавита.

Тыныстанов. — Это нас не удовлетворяет. В основу построения тюрко-татарского алфавита положены следующие принципы:

1) выделить в одну группу общие для всех тюрко - татарских языков фонемы и для них принять единые начертания, обязательные для всех тюрко - татар;

2) выделить особо в отдельную группу такие звуки, которые имеются не во всех наречиях - и для них принять соответствующие начертания;

3) принимая во внимание, что почти во всех тюрко - татарских языках существует закон сингармонизма, признать принцип сингармонического письма;

4) принимая во внимание, что главным недостатком арабского алфавита являются всякого рода диакритические знаки, избежать всего этого и принять одну форму начертания в письме и в печати без всяких отдельных форм для заглавных букв.

Если мы эти моменты установим и определим, то второстепенный вопрос об отдельных буквах будет легко разрешим.

Председатель.—Мы предлагаем тот же порядок. Ведь у нас третий вопрос—это группировка букв. Значит порядок дня принимается.

Есть предложение—для обсуждения алфавита гласные буквы выделить в одну группу, а согласные в другую.

Хашимов.—Вы говорите, что мы, во - первых, будем говорить о начертаниях, потом о заглавных буквах, а потом о порядке алфавита. Я считаю, что самым основным вопросом является вопрос о сингармонизме. Давайте, резюмируем те предложения, которые были сделаны на Пленуме. У нас есть разногласия, но они не слиты в одно предложение, хотя и зафиксированы. Я думаю, что раньше, чем приступать к разбору отдельных групп, нам нужно выяснить, можем ли мы притти к соглашению по этому вопросу или нет. Как же я могу голосовать или не голосовать против сохранения отдельных букв, когда основной спор у нас идет о сингармонизме, а затем о том, какой принцип должен быть положен в основу унификации — фонетический или этимологический. Возникает, наконец, особый вопрос о сокращении количества графем путем принятия сингармоническго письма. Поэтому я говорю, что, не решив эти основные вопросы, мы не можем подходить к отдельным буквам.

Чобан - Заде.- Мы не заставляем вас голосовать за наши принципы потому, что в противном случае унификации у нас не будет. Если вы не признаете наши четыре формы, то мы должны найти хотя бы две буквы, в которых мы сходимся. Значит, унификация будет в отношении двух букв. Почему же вы стараетесь навязать свой прин цип нам?

Яковлев, проф.—Это недоразумение. Когда мы будем просматривать отдельные буквы, то принцип сингармонизма обнаружит ненужность некоторых букв для вас. Эти лишние буквы вы и отвергнете для своих диалектов. Проводить же принцип сингармонизма для всех языков невозможно.

Хашимов.—Тогда не будет унификации.

Яковлев, проф.—Абсолютной унификации быть не может.

Председатель.—Давайте окончательно условимся относительно принятия сингармонизма: что такое сингармонизм? Это значит — все слово в целом состоит из ряда мягких гласных и согласных или же все слово в целом заключает в себе ряд лишь твердых гласных и согласных. Если мы примем принцип сингармонизма, у нас остается право использовать эти буквы на основе фонетического письма.

Хашимов.—Да.

Председатель.—Так в чем же дело? Вы не можете утверждать с самаго начала, что примете только мягкие или только твердые гласные. Например, у татар приняты только твердые гласные. Мы этого не принимаем и говорим: все гласные должны быть обозначены, но вы вольны при сконструировании вашего алфавита принять или не принять мягкие или твердые. Вы, вероятно, не представляете себе начало сингармонизма.

Омар Алиев.—Наше сегодняшнее заседание даст результат только лишь в том случае, если отдельные делегации не будут устраивать обструкции и не будут во что бы то ни стало настаивать на своих принципах. Какой- нибудь определенный порядок и система должны быть. В случае несогласия по отдельным вопросам, вносите особое мнение.

Председатель.—Приступаем к рассмотрению, в первую очередь бесспорных согласных букв. Научный совет рекомендует принять следующие согласные:

1) в - ب، 2) p - پ، 3) t - ت، 4) d - د، 5) r - ر، 6) z - ز، 7) s - س،
8) l - ل، 9) m - م، 10) n - ن، 11) ŋ - ڭ، 12) x - خ، 13) f - ف، 14) h - ه.

Голосую: принимается—единогласно. Теперь переходим к гласным.

Буква „a“—принимается единогласно. Буква “ə„ .(فتحه)

Тыныстанов.—Это общий звук для всех. Звук у нас есть, но у нас не то начертание.

Председатель.—Эта буква принимается для звука ä فتحه Каждый имеет право использовать данную букву для данного звука „j“ У нас начертание другое, но мы принимаем тоже. Дальше идет буква „i“.

Тыныстанов.—У нас буквы „и“ нет. Звук „j“ существует, но начертание другое.

Председатель.—Мы это принимаем условно, вы можете принимать и не принимать. Эта буква и этот звук есть у всех и у азербайджанцев. И так буква „и“ принимается.

Теперь буква „О“. Принимается.

Переходим к спорным буквам. Начинаем со спорных согласных, Научный совет для «چ» рекомендует „с.“

Ага-Заде.—В Азербайджане принято первое(„с“)как«ج», а второе („ç“)как«چ». Вы знаете, что у нас грамота подвинулась вперед. У нас 150 тысяч грамотных и издано 1½ мил. разных книг. В этом году печатаются учебники и книги для 3-ей группы, а в прошлом году печатались только для 2-ой. Какая же разница между этими двумя изображениями? Разница только в одном маленьком хвостике. Наконец, эти звуки сами по себе родственны, так что те республики, которые еще не перешли к практическому проведению в жизнь нового алфавита, вполне могут принять азербайджанский способ решния вопроса. Если бы между этими двумя изображениями была большая разница, тогда иное дело, тем более, что в казанском и в других проектах это уже принято.

Жирков.—Точно таким же аргументами я буду защищать совершенно обратное. Тов. Ага-Заде говорит, что хвостик у одной буквы или у другой - это пустяк. Однако, все-таки логичнее: с - چ, ç ج потому что в производстве звука „ч“ и „дж“ есть разница только в одной работе, в работе одного голосового органа.

Следовательно, простой знак надо брать для более простого звука, а более сложный знак для более сложного звука. Кроме того, это совпадает с международной научной транскрипцией для всех почти языков. А что она не особенно обеспокоит азербайджанцев, за это ручается то, что разница ничтожна и грамотное население свободно усвоит изменение.

Чобан-Заде, проф.—Как представитель Научного совета при Комитете, я должен отстаивать свой знак, который поддерживает большинство наших товарищей. Я вспоминаю, чем мы руководствовались, когда вносили изменения. Первое соображение то, что сказал проф. Жирков. Второе—это сходство проектов. Тогда товарищи не возражали против этого.

Яковлев.—Вопрос о том, какому звуку придать более сложную или простую форму, должен решаться на основании того, какой звук чаще или реже встречается. Для более редкого звука надо брать сложную букву. Но мне хочется указать, что соображения Азербайджана также имеют основание. Издана большая литература. Может быть, придется принять во внимание это обстоятельство, хотя бы в том смысле, чтобы Азербайджан проводил эту реформу не сейчас, а когда найдет это более удобным.

Голоса с мест.—Против этого не возражаем.

Ага-Заде.—Тогда будет не унификация, а что-то другое.

Председатель. — На тысячу букв „ج“ повторялось 7 раз, а „چ“ — 23 раза. Тогда мы пришли к заключению знак с хвостиком принять за „ج“, а без хвостика за „چ“.

Жирков. — Разрешите дать справку. Звук „چ“ в турецком языке чаще, чем „ج“. Но в азербайджанском языке установилось старое правописание, где вместо 3 точек (چ), выписывается одна (ج) и поэтому в азербайджанском письме чаще встречается „ج“, чем „چ“. Это искажение фактического положения вещей.

Председатель. — Голосую. Кто за предложение Научного совета „c“=„چ“, прошу поднять руку? (7). Кто за проект Азербайджана, прошу поднять руку? (4). Кто воздержался? (2). Принимается предложение Научного совета. Переходим к обсуждению „ç“ = „ج“.

Тыныстанов. — Знак Научного совета „ç“ не подходит потому, что имеет сходство с буквой „c“. Когда раньше преподавали арабский алфавит, арабские буквы, разница между которыми незначительна, то от этого очень страдало дело и в педагогическом смысле, и в типографском.

Тюрякулов. — Кроме этого предложения, других не поступило. Я хотел бы выдвинуть новое предложение, на котором все могли бы согласиться. Речь идет о „j“.

С точки зрения использования закона фонетических соответствий, о котором я докладывал на Пленуме, необходимо остановиться на j = ج, ибо начальный йот соответствует казак-киргизскому ж-дж.

Председатель. — Голосую. Кто за предложение Научного совета, прошу поднять руку? (8). Кто за предложение делегатов Средней Азии? (3). Кто за предложение Тюрякулова? (1). Кто за предложение азербайджанцев? (1). Принимается ç = ج. Переходим к ƣ (غ).

Тюрякулов. — Необходимо сохранить за данным знаком „g“ его международное значение (этот принцип вы не можете отвергать). С этой точки зрения узбеки, киргизы и казаки поступили правильно и совершенно правильно поступают и карачайцы. Большинство остановилось на том, что бы за „g“ сохранить его международное значение گ.

Председатель. — В ново-татарском алфавите на основании закона сингармонизма мы установили g = غ, گ и k = ق, ك. В сочетании с твердыми гласными g будет читаться, как غ, а в соединении с мягким гласными, как گ.

Габитов. — Предложение тов. Сейфи, которое в одном знаке дает две фонемы, практически неосуществимо. Случаи нарушения закона сингармонизма в татарском языке (например, в словах قەردەش, غەرب, شەرق и т. д.) являются тем препятствием, о которое

споткнется система тов. Сейфи. Поэтому я высказываюсь за то, чтобы каждый звук غ, گ, ق, ك изображать отдельно.

Яковлев. — Позвольте сказать несколько относительно того, нужны ли для Азербайджана две буквы. По моим наблюдениям для Азербайджана непременно нужны две разные буквы غ گ.

Омар Алиев. — Проект тов. Сейфи, повидимому, отпадает. Я предлагаю голосовать проект Научного совета, затем проект Азербайджана, после этого проект тов. Сейфи и на этом закончить обсуждение данного вопроса.

Агамалы-Оглы. — Товарищи, я не имел возможности и даже не считал необходимым подходить к вопросу так, как здесь подошли многие товарищи. Выдвигаются различные принципы с большими научными названиями. По моему мнению, самым существенным, я сказал бы единственно важным, принципом для практических строителей нашей жизни является легчайшее проведение в жизнь нового алфавита, т.-е. легкая его усвояемость и затем способность данного алфавита выражать требуемые фонемы данного языка.

Возьмем пример русского алфавита. Известно, что русский алфавит не отвечает некоторым потребностям русского языка. Этот алфавит существует 200 лет и построен на том же принципе, на котором построен и азербайджанский. Наша задача заключается в том, чтобы обслужить широкие массы в их стремлении к культуре и знанию. Я признаю, чтоб принцип сингармонизма очень важное явление. Однако, я не согласен с тем, что развитие жизни можно удержать в рамках отдельных правил и систем. Вы хотите положить в основу какой-то этнографический признак. Нельзя идеализировать все народное, а надо народное поднимать. Затем другое.

Я, например, лично нисколько не согласен с проектом Научного совета. Он подлежит переработке. Здесь нужно установить принцип, сближающий расхождения различных систем.

Председатель. — Мы эти системы уже приняли. Вас не было. Мы уже пришли к соглашению. Голосую...

Ага-Заде. — Меня интересует вопрос, будут ли здесь обсуждаться проекты, представляемые отдельными лицами, или только проекты, представляемые республиками.

Председатель. — Комиссия создана для того, чтобы согласовать все проекты, которые представлены в Научный совет. Я голосую проект Научного совета.

Чобан-Заде. — Когда мы принимали букву g со значением ɤ (غ), нам было известно, что в международной транскрипции этот знак не употребляется с таким значением. Но мы руководствовались тем, что должен быть какой-нибудь стержень. Мы ориентировались на азербайджанский проект и на проект, предложенный проф. Поливановым и рядом других товарищей. Здесь же, если вы измените эту букву, вы тем самым вызовете необходимость изменения ряда других букв. У нас есть четыре буквы k, q, g, æ, связанные

друг с другом. Проект Научного совета имеет свой смысл постольку, поскольку он сближает с проектом Азербайджана. Мы должны учитывать опыт Азербайджана.

Голос с места. — Я не мыслю унификации без тех или других изменений в азербайджанском алфавите.

Председатель. — Голосую предложение: g = غ. Кто поддерживает это предложение, прошу поднять руку? (4 голоса—за, 9—против, при одном воздержавшемся). Теперь следующее предложение: g = گ. Это совпадает с проектом Северного Кавказа, Средней Азии и Башкирии. Кто поддерживает это предложение? (9 за, 4—против).

Омар Алиев. — Я предлагаю дать право решающего голоса присутствующим здесь членам Комитета. Мы так же будем участвовать в голосовании.

Председатель. — Комиссию выделил Пленум. Перерешать этот вопрос невозможно.

Агамалы-Оглы. — Я лично не понимаю, почему одно изображение должно быть заменено другим.

Председатель. — Мы здесь унифицируем, а результаты работы комиссии доложим Пленуму. Следующее предложение Научного совета g = غ. Кто поддерживает это предложение, прошу поднять руку? (2). Кто против? (11). Отпадает.

Тюрякулов. — Следующее предложение дает такое начертание ƣ = غ.

Председатель. — Кто за такое предложение, прошу поднять руку? (7). Кто против? (6). Кто воздержался? (1).

Тюрякулов. — Предложение тов. Сейфи следующее: g = { گ / غ

Это целая „алгебра“.

Яковлев, проф. — Я не возражаю, но только при том условии, что это изображение не для всех языков, а для тех, которые сингармоничны в полной мере.

Тюрякулов. — Я считаю, что необходимо голосовать против этой „алгебры“. Принимая для غ и گ два различных знака, мы облегчаем преподавание в школах, ликвидацию неграмотности и упрощаем практику письма. Что касается предложения тов. Сейфи, то оно в свое время было сделано тов. Мурзиным, но казаки его отклонили, так как оно, без всякого к тому основания, ломает ту традицию, которая установилась еще при арабской письменности. Поэтому я предлагаю отклонить предложение тов. Сейфи и голосовать за наш принцип: для каждого звука особый знак.

Председатель. — Я предлагаю допустить эту систему для татарского алфавита.

Габитов. — Такая формулировка совершенно неправильна. У нас в Уфе было совещание учителей, которое высказалось за обозначение четырех звуков четырьмя буквами.

Тюрякулов. — Я считаю, что если товарищ Сейфи не изменит формулировку своего предложения, то многие, вероятно, совершенно откажутся от участия в голосовании. Речь идет об унификации, а мы отклоняемся в сторону; речь идет об одной системе для всех тюрко-татарских народов.

Гильдиев. — Товарищи казанцы защищают свое предложение „k“ {ق ك и „g“ {غ گ, стремясь быть последовательными до конца. Они здесь проводят ту линию, которую применили по отношению ко всем остальным согласным.

Председатель. — Ставлю на голосование принципиальное предложение: допустить для всех языков گ и غ обозначить одним знаком. Кто за?—(6). Кто против?—(9). Предложение казанцев отклоняется.

Тыныстанов. — Мы предлагаем для звука غ принять русское „г“. Это весьма удобная и „экономная“ буква.

Агамалы-Оглы. — Разрешите сказать несколько слов относительно экономии. Некоторая кажущаяся экономия в своем развитии превращается в обратное явление; экономию надо подчинить абсолютно другой экономии—легкости усвоения и распространения. Эта экономия нам и нужна, а всякое философствование и выгадывание на отдельных буквах надо отбросить. С этого и следует начать. Наш принцип: легкая усвояемость, легкое распространение и легкое выражение всего необходимого. Вот как нужно смотреть на это дело.

Председатель. — Итак принимается ꝗ = غ и g = گ. Теперь перейдем к букве „к“.

Поливанов, проф. — Дело в том, что выбор такого произношения (к — ق) осуществлен потому, что латинисты Азербайджана не были латинистами в первом смысле этого слова. Если бы они исходили из латинского языка, то они пришли бы к обратному выбору, именно, к выбору латинской буквы „к“ для переднего звука „s“ и к выбору „q“ для заднего „ق“. Поскольку мы берем за основу латинский шрифт, надо взять именно латинское обозначение. Поэтому, если допустим пересмотр азербайджанского проекта, то я советовал бы взять „к“ со значением ك и „q“ в качестве „ق“.

Ага-Заде. — Чем руководствовались азербайджанцы в то время, я не помню, потому что это было пять лет тому назад. Но, конечно, основания были. Азербайджанский проект к = ق и q = ك совпадает с проектом сирийских черкесов. Кроме того, азербайджанский проект поддерживается и Омаром Тахсином, из чего я заключаю, что по всей вероятности и зарубежный Восток в будущем примет наше решение. Вносить же еще новые изменения в азербайджанский алфавит, который за пять лет достаточно вкоренился в практику Азербайджана, я считаю нецелесообразным.

Тюрякулов.—Я считаю, что единственный, довод, с которым нужно считаться—это довод тов. Ага-Заде о пятилетней „земской“ давности азербайджанского алфавита. Что касается дамасских черкесов, это, конечно, не довод, потому что мы на Пленуме установили —и как будто бы против этого никто не возражал,—что в отношении не тюркских языков мы ограничиваемся пожеланием о необходимости максимального единства шрифтов (но не букв!) и только. Поэтому я считаю, что единственный научный довод, который выдерживает критику, это довод научно-исторической преемственности того или иного начертания. Во всех научных изданиях всего мира „ك“ изображается посредством „к“. Поэтому, во-первых, постольку, поскольку имеется такая мировая традиция, во вторых, постольку, поскольку пример Азербайджана не имеет под собой научной почвы—нам следует остановиться на ك = к.

Агамалы-Оглы.—„Земская давность“ играет роль; это показывает выдержанность на практике. Тот довод, что сейчас это фактически проведено—весьма важный довод. Но все-таки во имя унификации я высказываюсь за предложение большинства { ك = k, ق = q } (аплодисменты).

Председатель.—У меня есть старое предложение:—ق ك = k. Теперь голосую. Кто за предложение Научного совета? Кто против? (10). Кто воздержался? (1). Кто за об'единенное предложение к—ك; q = ق? (10).

Сейфи.—Через год-два мы придем к казанскому проекту.

Проф. Поливанов.—Для известных языков.

Председатель.—Голосую предложение казанцев к { ق ك }. (4 за, против—11). Принимается: q со значением ق, k со значением ك: Переходим к ŋ = ڭ. Принимается единогласно. Теперь переходим к вопросу о букве для ش.

Гашимов.—Мы предлагаем принять азербайджанское (ʒ).

Председатель.—Татары предлагают „ш“, а башкиры—š.

Ага-Заде.—Против „ш“ мы возражаем, потому что в этом начертании три палочки и когда мы сочетаем букву „ш“ с другой буквой, напр. с „m“ (в особенности, в глаголах, имеющих форму давно прошедшего времени, „мишмиш“ miшmiш), то письмо обращается в ряд палочек, которые трудно разобрать, в особенности детям. Поэтому мы решительно возражаем против предложения казанцев. Педагоги знают, как это трудно.

Против „š“, принятого Научным советом, мы возражаем потому, что этот маленький значек отрывается от буквы и, кроме того, принимая его, мы создаем ряд надстрочных знаков, которых, вообще, стремимся избежать. Затем этот знак по забывчивости может быть

пропущен и буква может обратиться в звук „s“. Получится искажение слова. Что касается „з“, то это изображение подкупает нас своей простотой. Во-первых, большая и малая буква могут писаться единообразно, отличаясь только величиной, кроме того эта буква проста для выполнения, особенно в письме. Если все-таки вы считаете необходимым изменить форму этой буквы, то я предложил бы начертание „ş“, которое удовлетворит всех.

Председатель. — Кто защищает башкирский проект „š“

Габитов. — Мы исходили из международного значения буквы „š“ и принципа сохранения латинской основы нашего нового алфавита. Все другие предложения — и „з“ и „ш“ — отклоняют нас от этого пути. Мы поддерживаем наше предложение — š = ش

Тюрякулов. — Мы должны, в конце концов, остановиться на одном принципе — возьмите за основу или международную транскрипцию или азербайджанский алфавит, или же, наконец, русский алфавит. Без этого спор затянется. Подход Научного совета, представитель которого здесь снимает свое предложение в пользу только что изобретенного тов. Ага-Заде знака „ş“, считаю несолидным. Научный совет, который в течение ряда месяцев должен был проработать все эти вопросы, обязан вносить лишь твердые и обоснованные предложения.

Хашимов. — Мы отвергаем всякие диакритические знаки. Опыт Азербайджана подтверждает правильность решения средне-азиатской конференции, на которой узбеки, киргизы и даже казаки остановились на букве „з“ для звука «ش»

Председатель — Казанцы также отвергают систему диакритических знаков, которые в таком изобилии употреблялись в арабском алфавите. С этой точки зрения наш знак „ш“, который к тому же сохраняет основную структуру латинских букв, вполне рационален.

Омар Алиев. — Я поддерживаю карачаевское „š“, которое имеет за собой определенное международное значение и практику, Этого нельзя сказать ни по отношению к „з“, ни по отношению к „ш“. Кроме того, укажу еще на то обстоятельство, что у нас на Северном Кавказе ингуши, черкесы, чеченцы, адыгейцы, кабардинцы, осетины и карачаевцы приняли для — „ش“ букву „š“ и всю свою издательскую и школьную работу провели и проводят именно по этой системе.

Агамалы-Оглы. — Я хочу пробрать товарища „с птичками“. Нужно строго придерживаться правила всячески избегать надстрочных и подстрочных знаков. Второе правило: надо держаться принципа различимости. Ведь часто даже русскую рукопись трудно прочитать, поэтому приходится печатать ее на машинке. А потом, почему ничего нельзя позаимствовать из других алфавитов? Это ерунда. То, что данная буква принята у таких то народов — довод не сильный. Мы создаем алфавит для определенной практической жизни, а не ради возобновления схоластики. Если вы возьмете английскую орфографию, то убедитесь, что она сильно расходится с произношением.

По моему, это доказывает их отсталость, несмотря на то, что английские пушки бьют на сто верст. Буквы „з“ нечего бояться, пусть она похожа на тройку. Буква „з“ легко различима и не имеет никаких подстрочных или надстрочных знаков.

Гельдиев.—Товарищ Хашимов говорит, что „птичка“ трудно выписывается. В письменности каждого народа есть те или иные отступления от идеала. Только что мы приняли букву “ç“, где тоже есть подстрочный знак. Я защищаю проект Туркменистана „š“.

Проф. Яковлев.—Товарищи, у нас все шло благополучно, пока мы не дошли до буквы „ш“. Трудность решения этой задачи заключается во множестве представленных проектов. Мне думается, для того, чтобы подойти к решению этого вопроса, нам необходимо считаться с тем изображением, которое уже принято, потому что весь алфавит сам по себе имеет некоторый стиль и, исходя из этого стиля, приходится выбирать дополнительные знаки. Если бы мы имели для „c“ такой стиль, когда сверху стоит птичка „č“, то это обязало бы нас принять „š“. Но дело в том, что для „c“ мы имеем „ç“.

С этой точки зрения, изменив несколько эту форму, целесообразнее принять „ş“. Так что я рекомендую на „з“ не останавливаться. Я поддерживаю предложение тов. Ага-Заде.

Тюрякулов.—Мы вынуждены принять за основу или „š“, или же „ŝ„, или же, как предлагает тов. Ага-Заде, „ş“ на том основании, что это согласуется с законом фонетических соответствий в тюрко-татарских языках. Общетюркское «ش» в казакском и ногайском диалектах переходит в «س» :باش = باس (голова). Отсюда становится вполне понятным мое предложение остановиться на „š“, „ŝ“ или „ş“. Это одно решение. Другое решение, которое связано с тем же фонетическим законом, может дать букву „c“ с каким либо изменением. Я лично высказываюсь за „š“.

Жирков.—Я поддерживаю мотивировку проф. Яковлева, добавлю к ней лишь несколько слов. Я эту форму представляю в печатном виде как „ş“, это реформа незначительная и для Азербайджана выполнимая.

Проф. Чобан-Заде.—Мы часто вспоминаем международную транскрипцию или алфавиты европейских языков. А среди европейцев есть народы, которые по структуре своих языков гораздо нам ближе, чем французы, англичане и немцы; это, напр., финно-угрские народы, финны и мадьяры. У мадьяр в научной транскрипции „š“ принято для «ش». Что касается моей позиции, я, ведь, не сказал, что весь Совет согласен с этим. Я определяю лишь свою позицию. Почему я поддерживаю форму, предложенную тов. Ага-Заде? Это сейчас выяснили проф. Поливанов и Яковлев. Общее мнение складывается в пользу „ş“, который все-таки весьма близок к международной транскрипции «ش».

Председатель. — Ставлю на голосование предложение Научного совета (š = ش), поддержанное представителем Северного Кавказа. Кто поддерживает это предложение, прошу поднять руку (4 за, против — 11). Отклоняется. Голосую башкирское предложение š = ش. Кто за? (4). Мало. Кто за об'единенное предложение т. т. Ага-Заде и Жиркова? (9 за, против — 4). Принимается ş = ش. Переходим к букве для ژ (ж).

Тюрякулов. — Если признать это изображение обязательным для всех, то возникает другой вопрос: в какой мере мы должны использовать тот закон соответствия, о котором я говорил сегодня? Напр., киргизы слово „нет“ говорят через «ج» (جوق), то же самое слово казаки произносят через «ژ» (ژوق), в то время как звук „ж“ в тюркских словах встречается чрезвычайно редко. Этот вопрос о „ж“ надо разрешить в связи с изображением, которое мы примем для звука «ج»

Проф. Поливанов. — Тов. Тюрякулов прав, когда он ссылается на пример казакских и киргизских языков. Даже из небольшой казакской диалектологии можно привести много примеров, которые подтвердят необходимость того, чтобы унификация была у вас в действительной мере, чтобы звуки, которые являются звуком типа „ж“, изображались так, как изображается в другим языках «ج», ибо как раз речь идет не о редких случаях, а о частом казакском явлении. И вот в виду этого необходимо было бы принять этимологический принцип, т.-е. рассмотреть этот казакский случай не как случай звука „ж“, а какой случай «ج». Так что, как говорил тов. Тюрякулов, вопрос этот нужно решить в связи с буквуй «ج», т.-е., иначе говоря, взять здесь для казакского „ж“ ту букву, которая всюду взята будет для «ج».

Тюрякулов. — Это необходимо оговорить.

Проф. Жирков. — Я хотел бы предложить изменение графической формы этого знака. Если для некоторых знаков вы приняли седиль (как, напр. для звука „с“), то хорошо было бы для „ж“ принять „z“ с седилем. („ẓ“).

Председатель. — Я голосую предложение Научного совета. Кто за то, чтобы принять предложение Научного совета (z), тех прошу поднять руки (11). Кто за ту форму, которую предлагает проф. Жирков? (ẓ) (2).

Манатов. — Башкиры в отношении букв «ژ» и «ج» находятся в одинаковом положении с казаками.

Председатель. — Согласных больше нет. Остаются полугласные. Начинаем с „j“. Есть предложение Научного совета принять, так как в латинском алфавите j = ى.

Тюрякулов. — Это предложение не выдерживает никакой критики, я буду голосовать за другое, именно y = ي. Я считаю, что

необходимо голосовать за второе, потому что вначале мы условились придерживаться принципа международности. Поэтому я считаю необходимым отвергнуть „j“ и принять „y“ (игрек).

Председатель. — Кто поддерживает предложение Научного совета? (11). Кто против? (4). Кто за предложение тов. Тюрякулова y = ي? (4 — за, против — 11). Принимается j = ي Переходим к букве для звука ä (فتحه).

Тюрякулов. — В тюркских языках — у татар, башкир, азербайджанцев, узбеков и туркмен принят звук „ä“ в форме „ə“. Если вы возьмете такое слово, как „школа“, которое фигурирует почти во всех тюркских языках, в различных произношениях, то оно будет писаться по различному: одни будут писать „məktəв“, а другие — mekteв.

Я считаю, что будет неправильно, если мы механически подойдем к вопросу об унификации и скажем, что звук „ä“ должен обозначаться вне всякой связи с этимологией тюркских языков. Получается не унификация, а разрыв в письменности тюркских народов. Поэтому я предлагаю в азербайджанском, татарском, узбекском, башкирском и туркменском алфавитах для звука ä (فتحه) принять „e“, а для звука, изображаемого обычно латинским „e“, принять „é“ или „è“ или же „ę“. Другое решение будет ошибочным.

~~Ага-Заде.~~ — Тов. Тюрякулов предлагал придерживаться латинского алфавита и сам же нарушает свой принцип. У нас имеются два резко различающихся звука „ä“ (فتحه) и „e“. Предложение тов. Тюрякулова осложняет решение вопроса. Что касается фонетического видоизменения слова, в том или другом диалекте, то оно не меняет положение вещей. Надо писать так, как говорится. Может быть, в конце концов, один из этих звуков умрет, а другой останется, как это произошло со многими другими фонемами. Когда же это произойдет — мы не знаем, и во всяком случае не можем итти против жизненных интересов.

Председатель. — Ставлю на голосование предложение Научного совета — „ä“ (فتحه) = ə. Кто за?.. (9 — за, против — 1). Других предложений по этому вопросу не имеется? Принимается предложение Научного совета. Переходим к ى (ы).

Проф. Поливанов. — У меня есть одно возражение против азербайджанского „ɩ̡“. Я сейчас в Азербайджане на вывесках смешиваю его с буквой „ı“. Думаю, что и другие также смешивают. Я предлагаю что-либо другое.

Тюрякулов. — В этом вопросе есть один момент, над которым необходимо подумать, а именно звук „ى“ (ы) принадлежит к той категории частых звуков, которые иногда в одном слове повторяются три — четыре раза. Поэтому не следует для такого часто встречающегося звука принимать громоздкое и сложное начертание. Научный совет поступил в данном случае правильно, рекомендуя „ь“. Если

пройдет еще более простое изображение, то я не буду защищать нашего „ь“.

Председатель.—К сведению тов. Тюрякулова: из 1.000 букв «ى» встречается 24 раза, т.-е. 1,8%.

Проф. Жирков. — Во-первых, начертание „у“ нам может понадобиться для других букв. Я считаю, что этот знак в большинстве тюркских языков очень часто встречается и для него требуется более простое начертание. В современном азербайджанским алфавите «ى» изображается таким значком „ɩ“. Если мы примем русский мягкий знак, то изменения будут очень ничтожны. Между тем возражения против этого в том смысле, что именно есть сходство с латинским ь = ب. Это возражение отпадет, если прописное „Ь“ (ب) реконструируем по типу заглавной В. Соответственно этому, мы можем принять „Ьь“—печатное, а в письме „*Ьь*“.

Габитов. — Я поддерживаю предложение Научного совета.

Омар Алиев. — Когда мы решали этот вопрос, то одно время у нас была тенденция в пользу русского „ы“. Но затем в интересах упрощения начертания мы остановились на „ь“. Это мнение областей Сев. Кавказа. В частности Академия Наук придерживается той же точки зрения. Насколько мне помнится, международная фонетическая транскрипция придерживается того же. Я бы считал необходимым взять это упрощенное „ь“.

Председатель. — Голосую предложение Научного совета. Кто его поддерживает? (7). Голосую предложение тов. Манатова принять „у“ (за—2). Предложение казанских татар (за—1).

Хашимов.— От имени Киргизстана и Узбекстана делаю заявление. Поскольку не решен вопрос о начертании заглавных письменных букв, написанных от руки и печатных, мы воздерживаемся от голосования. Если мы принимаем, что будет принято изображение курсивное, то будет одна форма и мягкий знак, поэтому пока не будет решен этот вопрос, мы от голосования отказываемся.

Тюрякулов. — Вношу предложение: независимо от решения вопроса о заглавных и строчных, сейчас решить, что В ь реконструируются, а именно строчная „в“ по типу заглавной „В“. В такой формулировке прошу ставить на голосование.

Агамалы-Оглы. — Я возражаю тов. Хашимову. По моему приехать сюда для такой работы и отказываться голосовать, пока не будет принято то или иное положение — неправильно. Поставим на голосование. Ведь оно может и не пройти. Мы пришли сюда искать общие пути, а не настаивать на своих.

Хашимов. — Разрешите дать справку. Как раз перед вашим приходом говорили, что прежде, чем приступить к разбору букв, нужно наметить те принципы, на которых мы сходимся, а они начали с решения буквенных изображений, не предрешая принципов. Поэтому мы и не хотим голосовать.

Председатель. — Предложение тов. Тюрякулова переносится на конец заседания. Приступаем к разбору буквы звука «ۊ». Научный совет предлагает «ۊ», азербайджанцы — „ɵ“, а карачайцы — „æ“.

Проф. Жирков. — Наиболее удачной буквой считаю азербайджанскую „ɵ“.

Омар Алиев. — Все-таки нужно быть последовательным в своих принципах. Если мы не хотим пользоваться русскими буквами, то тем более нельзя принять те буквы, от которых сами русские отказались. Это точка зрения ряда областей Сев. Кавказа, мы предлагаем принять карачаевский проект.

Проф. Поливанов. — Это лишняя трата энергии. Ясно, что при азербайджанском проекте достигается гораздо большая экономия энергии пишущего, кроме того я не понимаю, что это за принцип — отказываться от русских букв. Ведь русские отказались от буквы „фита“ совсем из-за других соображений, и я считаю возможным включить букву „фита“ в наш принцип.

Тыныстанов. — В интересах экономии в алфавите и печатном деле, мы считаем более рациональным применение одного смягчающего знака [перед всем словом. В данном частном случае вопрос о мягком „ö“ решается посредством особого перед ним знака.

Тюрякулов. — Я высказываюсь против предложения проф. Поливанова за карачаевский и киргизский способы решения. Я считаю, что в данном случаи „фиту“ принимать нет никакого основания, потому что она весьма неудобна при скорописи. Это одно соображение. Что касается карачаевского знака „œ“, то этот знак считаю более рациональным, хотя мы сами его не принимаем. Тот принцип, который мы вначале приняли (во-первых, наибольшая простота изображения, во-вторых, чтобы рука не отрывалась и, в-третьих, чтобы этот знак имел известное международное значение), указывает на приемлемость карачаевского предложения. Что касается казакского и киргизского языков, мы там будем применять наш знак смягчения потому, что Пленум согласился с моими доводами о допустимости параллельного существования обеих систем письменности: азербайджанской, чисто-фонетической и казак-киргизской, смешанной системы.

Председатель. — Голосую три предложения. Первое предложение Научного совета. Кто поддерживает предложение Научного совета — „о“ — с 2 точками, — тех прошу поднять руку (4). Теперь проект азербайджанской республики — „фита“ — кто за этот проект? (11). Кто поддерживает проект карачаевцев? (2).

Переходим к последней букве „й“. Есть возражения против предложения Научного совета?

Манатов. — Я предлагаю принять „игрек“.

Председатель. — Кто поддерживает предложение Научного совета? (6). Кто против? (19). Кто принимает „игрек“, тех прошу поднять руку (9). Кто против? (4).

Есть предложение заседание перенести на завтра утром. Нам осталось разобрать специфические звуки, заглавные буквы и порядок алфавита.

Заседание об‘являю закрытым.

Заседание закрывается в 11 часов 15 мин. вечера.

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ПО УНИФИКАЦИИ АЛФАВИТА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ.

6 июня 1927 года.

Председательствует тов. Сейфи.

Председатель. — Мы вчера закончили рассмотрение гласных и согласных и всех тех букв, которые могут быть об'единены и унифицированы. Теперь нам предстоит рассмотреть вопрос о специфических фонемах, свойственных отдельным диалектам. Принципиально, с самого начала мы приняли, что наша комиссия выносит по этому вопросу лишь свои пожелания и что окончательно решают этот вопрос — соответствующие национальные комитеты и общества.

В порядке рассмотрения вопроса о специфических фонемах; я предлагаю установить для татарского языка, что اۋ = o; ۋ = ө; او = u; و = y (oc = лети; өc = три; ul = он; yl = умри.)

Омар Алиев. — Я думаю, мы должны это принять без споров.

Чобан-Заде. — Мне кажется, что незначительные тонкости и детали каждого диалекта не следует отражать в алфавите.

Председатель. — Будем ли мы сегодня обсуждать вопросы языка? Если не будем, то необходимо остановиться на наших предложениях.

Проф. Поливанов. — В данном случае тут не может быть никакого вопроса о том, что для этих звуков нужны особые знаки. Конечно, татарам нужно дать эти знаки потому, что их алфавит будет негодным алфавитом, если у них не будет особых знаков, если будет один знак для двух совершенно различных звуков.

Проф. Яковлев.—Тут возник такой вопрос: какие звуки надо обозначать и какие не надо? Решающий момент следующий: обозначать особыми знаками надо те звуки, которые связаны со значением слова. Те звуки, которые не характеризуют слово, обозначать особыми знаками не следует. Это основной принцип.

Хашимов.— При создании практического алфавита, по моему, нет надобности отражать детали.

Председатель.—Считаю нерациональным отклоняться в сторону морфологических изысканий. Предлагаю ограничиться принятием нашего предложения. (Предложение татарской делегации принимается к сведению).

Гельдиев. — Товарищи, вчера мы приняли здесь 9 гласных букв, которых совершенно недостаточно для отображения всех фонем туркменского языка. В виду наличия долгих гласных (al = возьми; a:l = красный), мы считаем необходимым для туркменского и киргизского алфавитов установить систему дублирования (aa, oo, ee...).

Проф. Поливанов. — Дело в том, что вопрос о долгих гласных возникает по поводу нескольких языков. Есть такие языки, в которых, как у туркменов, есть все долгие гласные. В таком положении будут языки киргизский и тюркский. Но разница в том, что у тюрков больше слов, различающихся долготой, а в киргизском меньше, потому что там это явление новое. Долгие гласные есть и у азербайджанцев, но значительно реже, чем у вас и, главным образом, в заимствованных словах. Во всяком случае, число слов с долгими гласными в Азербайджане несоизмеримо с числом таких же слов и в языке туркменов. Так что, если для Азербайджана можно допустить необозначение, то для туркменов в этом есть серьезная опасность. Это во-первых.

Во-вторых, есть языки, в которых нет такого принципа деления всех гласных на короткие и долгие, но где есть мнимые долгие узкие гласные. К таким языкам принадлежат узбекский и казакский. Там есть мнимые долгие, состоящие собственно из узких „и“ или „ы“. Казаки могут решить этот вопрос путем сочетания: ыу, ув (uv, ьv), но для киргизов и для туркменов этот прием не годится. Для таких языков, как туркменский, киргизский, якутский — необходимо одно решение, а для языков казакского и узбекского могут быть двоякие решения.

Председатель.—Я предлагаю принять к сведению и согласиться с предложением тов. Гельдиева.

Гельдиев. — Писать для долготы букву два раза—дело орфографии, а не алфавита.

Проф. Яковлев.—Если такие случаи редки, когда налицо два слога, то тогда можно их отбросить и писать два „а“ для долготы. Если долготы редки, то не будет путаницы, если писать два „а“, два „о“...

Председатель.—Предложение тов. Гельдиева—допускать для долгих звуков систему удвоения—принимается.

Омар Алиев.—Я против этого и считаю принятие такого предложения ошибкой.

Председатель. — Принимается к сведению. Слово имеет тов. Омар Алиев.

Омар Алиев.—В карачаевском языке есть звук „х“, соответствующий немецкому ch в слове mich. В карачаевском языке этот звук встречается, например, в слове хойнух = фартук. Мы для этого звука установили такое начертание: x̡.

Председатель.—Принимается к сведению.

Габитов.—В башкирском языке имеются такие фонемы, как ث ذ, для которых мы установили: ذ = đ, ث = ŧ.

Проф. Яковлев.—Почему у буквы: đ не сделать вместо черточки такой же загиб ɖ.

Габитов. — Мы считались с массовыми требованиями и этого избегали.

Голоса с мест.—Мы это поддерживаем.

Председатель.—Принимается к сведению.

Тюрякулов. — Я предлагаю разрешить этот вопрос иначе. Я внес в свое время по этому вопросу предложение в Научный совет, который почему-то не реагировал на него. Этот вопрос надо решить так же, как решили туркмены. Однако в башкирском языке в отличие от туркменского имеются и „ ذ “, и „ ز “, и „ ث “, и „ س “. Звук „ ز “ в башкирском языке встречается лишь в 6—7 словах; поэтому рационально будет установить: ذ = z и ز = Ż. Что касается вопроса о „ ث “ и „ س “, то, принимая во внимание отсутствие в башкирском языке звука „ ج “ и применяя закон соответствий, мы вполне свободно можем принять: c س = и s = ث. Так и только так может быть решен этот вопрос для башкирского алфавита.

Проф. Яковлев.—Я присоединяюсь к мнению тов. Тюрякулова.

Габитов. — Башкирский комитет работает с 1924 г. Факт тот, что у нас такой звук есть и во всяком случае встречается больше чем в 6 словах. Я настаиваю на проекте башкирского комитета.

Голоса с мест.—Мы лишь рекомендуем.

Председатель.—Есть предложение принять к сведению проект башкирского комитета, но рекомендовать способ тов. Тюрякулова. Принимается (единогласно за исключением тов. Габитова).

Больше заявлений от делегатов о специфических звуках и обозначениях нет? Теперь перейдем к заглавным буквам.

Чобан-Заде. — Научный совет высказывается за сохранение заглавных букв без изменений Этот вопрос у нас обсуждался. Проф. Мелик-Асланов делал несколько раз подробные доклады на частном совещании и на заседании Научного совета. Мы решили, что правильнее будет принять обще-европейскую систему. Принятие системы Мелик-Асланова, которая сводится к тому, чтобы все заглавные создать по типу и структуре строчных, создаст массу технических неудобств в издательском деле. Это решение совпадает с мнением мест за исключением киргиз, которые у себя ввели курсивный шрифт.

Тыныстанов.—Я думаю, что сохранение заглавных букв есть ненужное сохранение одной из традиций Европы. Нашей целью является упрощение алфавита и в типографском деле, и в смысле обучения грамоте. Если мы избегаем арабского шрифта, то это не потому, что он арабский, а потому, что он неудобен. Если для каждой буквы сохраним 4 формы (Аа *Аа*), то у нас будет не тридцать букв, а больше ста. Число гнезд в кассе тоже увеличится. Это удо-

рожает издания. Принцип этих четырех форм создает большие затруднения при обучении. Напр., в русских школах преподаватель говорит, что имена собственные нужно писать с заглавной буквы. Он диктует слово „собака“, ребята пишут его с заглавной буквы „С“. Он говорит, что это не собственное имя, это надо писать через маленькое „с“, наказывает учеников и т. д. Затем он диктует слово „Самсон“. Ребята пишут с маленькой буквы. От традиции заглавных букв надо отказаться. Мы рекомендуем вместо четырех форм сохранить одну, при начертании имен собственных и в начале предложения начинать писать не с заглавной, а с более крупной, отличающейся своей величиной буквы. На Среднеазиатском совещании мы этот вопрос обсудили и приняли эту систему.

Тюрякулов.—Товарищи, того, что неизбежно, избежать невозможно. Вопрос о заглавных буквах более сложен, чем его представляют. Он связан с целым рядом научных дисциплин (медицина, химия, математика и т. д.) с языком научных формул. Этот момент нельзя упускать из виду.

Во-вторых: говорят, что в смысле преподавания в школе это представляет некоторые затруднения. Внешне кажется, что это очень трудно, на самом же деле, если бы товарищи изучали педагогическую литературу немцев, то могли бы убедиться, что в немецкой школе в первый год сразу не начинают с преподавания заглавных и строчных. Существует определенный последовательный порядок введения и обучения этой системе письма. Так, что в смысле преподавания, с точки зрения педагогической, введение системы заглавных является затруднением только кажущимся. В погоне за кажущейся экономией нельзя создавать в технике печатного дела безконечную массу затруднений.

Хашимов.—Конечно, тов. Чобан-Заде в защиту этих заглавий ничего не приводил Тов. Тюрякулов хотел привести, но неудачно. Если спросить у преподавателей—что удобнее преподавать, четыре формы заглавных или же одну форму, они скажут, что удобнее одна форма. В Узбекистане мы провели две конференции, на которых обсуждался этот вопрос и решили в пользу одной формы. Если мы переходим на латинский алфавит, то наша основная задача упростить преподавание, дать возможность крестьянам обучаться легче. Говорят, что это—традиция. Но не всякая традиция хороша. Если у европейцев существуют такие традиции, то мы говорим, что некоторые традиции очень хороши, но некоторые для нас неприемлемы.

Я считаю, что аргумент, приведенный тов. Тюрякуловым, не выдерживает критики. На основании данных науки, я предлагаю и отстаиваю решение Средне-Азиатского совещания. Хотя это маленький клочек мира, но за ним должны итти все.

Гельдиев.—Я хочу сказать несколько слов в защиту своего предложения тов. Тюрякулову. Профессора и ученые не могут доказать нам, что с педагогической точки зрения четыре начертания

лучше одного. Это лишние разговоры. Тем более, что писать заглавные и с технической стороны, и с физиологической гораздо труднее. Ссылаться на формулы не следует, ибо всякий, кто изучает алгебру и химию заглавные буквы изучит в пару минут.

Проф. Жирков.—Товарищи, весь вопрос надо ставить совершенно иначе. Предложение тт. из Ср.-Азии не понято здесь. Они говорят только о первой ступени обучения. Они говорят, что нужно иметь буквы в такой же форме, как они пишутся от руки, и в печати. На это есть простой ответ: издайте ваши книги для первой ступени курсивным шрифтом. У нас будет обширная словолитня, где будет очень много курсивных шрифтов. Это дело их местного Наркомпроса. Но отделяться от всей Европы только из-за экономии, это не оправдание. Тем более, что имеется большой опыт Азербайджана и других стран, который нужно учесть. Относительно алгебры. Конечно, известная доля натяжки в аргументации тов. Тюрякулова была, но тем не менее нельзя представлять себе, что киргизам не нужна будет ни алгебра, ни химия. Для начальной стадии усвоения печатайте шрифт, какой хотите и применяйте шрифт курсивный.

Проф. Поливанов.—Я думаю, что, применяя после арабского шрифта—латинский, нам вовсе не нужно перенимать его со всеми его недостатками. Мы производили реформу для того, чтобы взять лучший алфавит. Я склоняюсь к тому мнению, что всякий революционный шаг нужно поддерживать. Этот шаг обеспечивает приближение демократии к письменной культуре. Мне кажется, что здесь не будет угрожающего разрыва с теми графиками, которые сохранили их. Здесь вопрос вовсе не в расхождении. Здесь я допускаю полную реформу и поэтому приветствую тех, кто будет в этой реформе итти вперед, кто будет более революционен, кто уничтожит совершенно лишние заглавные буквы. Я считаю, что тут не создается никакого педагогического вреда. Из-за этих букв создается совершенно лишняя в грамматике глава—учение о категориях, не существующих в языке. Почему слово „арабский“ надо писать с маленькой буквы, а „Аравия“ с большой? Получается путаница. В древне-латинском алфавите, как и в древне-греческом, тоже не было заглавных букв.

Габитов.—Мы созвали совещание учителей, на котором была вынесена единогласная резолюция о том, что заглавные буквы совершенно не нужны. Хотя заглавные буквы употребляются в алгебре, но это совершенно ничего не значит. Массы требуют уничтожения заглавных букв. С требованием масс мы должны считаться.

Проф. Яковлев.—На пленуме я высказал свою точку зрения, что уничтожение особых форм заглавных букв есть наиболее идеальное решение и с технической, и со всякой другой стороны. Теперь в виду некоторых возражений, я хочу дать маленькую мотивировку этой мысли. Во-первых, говорят об алгебре и химии, о нотации. Нужно принять во внимание следующее: для кого нужна у нас нотация алгебры и химии? У нас в большинстве будет масса, которой

никакая химия и алгебра не нужны, которую нужно обучить грамоте, и лишь незначительное меньшинство у таких отсталых народов, как киргизы, будет обучаться алгебре. Кому придется изучать заглавные буквы—большинству или меньшинству? Из-за единиц, которым нужно обучаться алгебре и химии, нельзя заставить весь народ проходить заглавные буквы. Нарушится ли этим принцип унификации? По моему, он не нарушится.

Отпадает также соображение, что порвется связь с Западом, если вместо четырех форм будет одна. Мое предложение такое: предоставить наиболее молодым народам, которые не связаны никакими традициями, где молодежь идет дальше и делает лучше, чем старики,—предоставить им возможность разработать эту реформу, как они хотят.

Нужно предоставить право этим народам подготовить соответствующую реформу шрифта с тем, чтобы потом представить ее на рассмотрение в Центральный научный совет. Вреда не будет, если отдельным народам будет предоставлено право разработать этот алфавит без особой формы заглавных букв.

Чобан-Заде.—Здесь имеются два основных довода. Педагогическая точка зрения, точка зрения школьника, педагога, школы первой ступени и точка зрения культурника, который берет совокупность всех наших культурных потребностей. У нас было принято постановление придерживаться при принятии латинского алфавита общепринятых принципов этого алфавита. Одним из принципов латинского алфавита являются заглавные буквы, которые играют большую роль и в английском, и в немецком, и в венгерском алфавитах. С другой стороны, большой педагогической выгоды от одной формы быть не может.

Я заканчиваю следующим предложением: предоставить киргизам, узбекам, туркменам и башкирам возможность произвести этот опыт и решить вопрос уже на основании результатов практики.

Председатель.—Я хотел передать то, что мне сказали в Казани. Во-первых, европейцы не отстают из-за заглавных...

Голоса с мест.—Отстают.

Председатель.—Это слишком смело говорить, что отстают; во-вторых: мы выяснили, что для обучения всему алфавиту со всеми заглавными потребуется не больше 20 часов. Не имея практики, не проверяя, не следует говорить так смело. А говорить, что мы слепо идем за европейцами, это, извините, просто местное чванство. Я предложил бы оставить вопрос до следующего Пленума, тем же народностям, представители которых приехали сюда с такими императивными мандатами, от которых ничего не зависит, мы оставляем право инициативы. Это единственное решение компромиссного характера. Параллельно будем обсуждать вопрос в Научном совете, в журналах и газетах.

Тыныстанов.—На основании постановления Ср.-Аз. совещания мы просим разрешить этот вопрос сейчас. Второе: прошу тех товарищей, которые выступали против реформы, ответить, что является их главной основой? Как это так может быть, что одни ушли вперед, другие отстали, одни медики, математики и т. д., а другие неграмотны.

Задаю вопрос Чобан-Заде, как представителю Научного Совета. Спрашиваю тов. Тюрякулова: от имени Казакстана говорит он или лично от себя?

Чобан-Заде.—Вопросы алфавита нужно решить, имея в виду не настоящее, а перспективы будущего.

Тыныстанов.—Для кого создана письменность, для широких масс или для медиков?

Тюрякулов.—Тов. Тыныстанов спрашивает меня, от имени какой организации я здесь выступаю. Я отвечаю ему, что выступаю здесь от имени Союза Медикосантруда (смех).

Тыныстанов.—Поскольку мы участвовали на Средне-Азиатской конференции, мы можем говорить от имени этой конференции.

Агамалы-Оглы.—У нас в Азербайджане тоже есть это течение, представлены даже проекты. Мы их пока держим в шкафу по тактическим и иным соображениям. Мое личное мнение таково: я стою за сохранение заглавных букв. Но, повидимому, меня заставят сделать уступку, если я не сумею идеологически победить своих противников. Этот вопрос у нас стоит на очереди, и если даже здесь будет принято решение об отмене заглавных букв, то мы, конечно, подождем с проведением в жизнь вашего решения, как и со всеми другими вопросами. Мы только тогда осуществим унификацию в Азербайджане, когда латинизация пройдет повсеместно.

Голоса с мест.—Правильно!

Председатель.—Я спрашиваю средне-азиатцев: является ли для них обязательным постановление Пленума по этому вопросу?

Тыныстанов.—Вчера большинством голосов вы принудили нас принять те или иные формы, которые мы не хотели принимать. Если те вопросы ставились в такой плоскости, то я прошу разрешить и этот вопрос тоже большинством голосов.

Проф. Яковлев.—Проголосуйте и мое предложение: о передаче Научному совету этого вопроса на проработку.

Хашимов.—Я согласен с предложением тов. Агамалы-Оглы: принципиально принять одно обозначение, но проведение в жизнь этого постановления представить каждой республике.

Тыныстанов.—Я присоединяюсь.

Хашимов.—Например, Азербайджан, как указал тов. Агамалы-Оглы, не может производить сейчас большой ломки. Таким образом наши предложения принципиально совпадают.

Председатель.—Я поддерживаю предложение тов. Хашимова. Я голосую предложение Научного совета за сохранение заглавных букв.

Тюрякулов.—Я хочу формулировать предложение Научного совета: сохранить систему заглавных и строчных с тем, однако, чтобы систему заглавных букв не вводить с начальных школ, а вводить в средних и высших учебных заведениях.

Чобан-Заде.—До слов „с тем, однако“ мы согласны.

Председатель.—Есть формулировка Научного совета: сохранить в латинском алфавите заглавные буквы. Кто поддерживает предложение Научного совета, прошу поднять руку? (6). Кто против? (8). Теперь предложение тов. Хашимова: за основу принять одну форму, но осуществление предоставить каждой республике.

Проф. Яковлев.—А проработку предложить Научному совету.

Голоса с мест.—Нет, нет.

Председатель.—Значит: „принять за основу одну форму, а осуществление предоставить каждой республике“. Кто поддерживает это предложение, прошу поднять руку (8—за, против—6).

Теперь о порядке латинского алфавита. Есть предложение принять старый порядок латинского алфавита.

Проф. Жирков.—Я предлагаю сохранить общепринятый порядок латинского алфавита; буквы видоизмененные из латинских знаков поместить после тех, из которых они видоизменены.

Тюрякулов. — Общепринятый порядок латинского алфавита не удовлетворяет наши языки. Мне кажется, что мы поступим разумнее, если передадим этот вопрос на разработку Научному совету.

Хашимов.—Я предлагаю за основу принять порядок латинского алфавита, но те буквы, которые встречаются редко, поместить в конце.

Председатель.—Голосую нашу формулировку с добавлением тов. Хашимова. Кто поддерживает это предложение, прошу поднять руку (11). Кто против? (1). Кто за предложение тов. Тюрякулова о передаче этого вопроса на разработку Научного совета, прошу поднять руку (3). Отпадает.

Тюрякулов.—Вчера мы приняли для „Ы“ начертание русского мягкого знака. Это, в свою очередь, вызывает необходимость соответствующей реконструкции строчной „в“ (в) по типу заглавной.

Хашимов.— Мы присоединяемся к предложению тов. Тюрякулова.

Председатель.—Нет возражений против этого предложения? Нет, принимается единогласно.

Ага-Заде.—Надо произвести еще другие изменения. Когда мы пишем рядом „i“ и „l“, то получается путаница; напр., в слове „il“ (ايل) выписываются две палочки. Дети путаются. Надо это изменить.

Проф. Яковлев.—Я предлагаю все эти детали передать на разработку Научного совета.

Председатель.—Кто поддерживает предложение о том, чтобы детали передать на разработку Научного совета, прошу поднять руку. Принимается. Слово для заявления имеет тов. Бориев.

Бориев.—Т. т. Тыныстанов и Хашимов заявляли тут от имени Ср.-Аз. совещания, от имени всей Ср. Азии. Туркмены на этом совещании не участвовали и полномочий никому не давали. Следовательно, решения Средне-Азиатской конференции нас, туркмен, не касаются.

Председатель.—Принимается к сведению. В виду того, что мы вчера принимали массу решений, которые совершенно ломают существующий алфавит Азербайджанской и других республик, здесь внесено предложение следующего характера:

1. Принятый в комиссии унифицированный алфавит является обязательным для республик, которые еще не перешли к новому алфавиту.

Для республик же (как Азербайджан), проводящих новый тюркский алфавит уже в течение нескольких лет, немедленный переход к унифицированному алфавиту не обязателен, но является обязательным для проведения в порядке постепенности.

Нет возражений против этих двух предложений? Принимаются.

Агамалы-Оглы.—У меня есть заявление. В данном случае Азербайджан больше заинтересован, чем все другие республики, так как всю тяжесть работы приходится принимать именно Азербайджану. Я скажу вам о настроении азербайджанских товарищей и крестьянства в громадном большинстве. Когда мы вступали на путь латинизации, мы первым долгом решали один важный принципиальный вопрос: а что если другие тюркские народы и во всем исламе, и во всем мире не примут латинизированного алфавита? Мы решили, что если даже никто не примет, то мы, раз вступив на этот прогрессивный, по нашему мнению, путь, пойдем и впредь по нему. Таким образом, мы шли на риск, решив итти совершенно отдельно.

Надо принять за основу азербайджанский алфавит, так как для перемены алфавита не представлено достаточных мотивов, ни практических, ни научных. Но ради унификации, ради доведения дела до конца мы можем согласиться на все принятые здесь в комиссии изменения, но осуществление и проведение их в жизнь должно быть постепенным. Вопрос об унификации мы ставим так: когда все республики хоть на половину войдут в воду, тогда мы вместе определим—как плыть дальше. Конечно, главнейших условий унификации Азербайджан не избежит. Я присоединяюсь к предложению тов. Сейфи принять унифицированный на этом совещании алфавит и считать его обязательным для проведения в первую голову у народов, не перешедших еще на новый алфавит, у которых этот вопрос

еще не декретирован. Я могу указать массу арабских ученых, которые об этом говорят уже сто лет, но это не значит, что они приняли новый алфавит.

Тюрякулов.—Разрешите сделать заявление от имени Казакской республики, представителем которой я являюсь. Во время Пленума тов. Агамалы-Оглы было формулировано отношение данного Пленума к работе об унификации. Оно выражалось в том, что Пленум допускает наличие двух систем, допускает целый ряд положений, которые дают возможность нам использовать существующие законы фонетических соответствий и сингармонизма при построении отдельных алфавитов.

Мы считаем, что в будущем в Казакской республике будет проводиться тот алфавит, который будет построен на системе сингармонизма и на законе соответствия. Я считаю, что те отдельные знаки, которые нами согласованы, являются той базой, которая дает возможность считать всю эту систему нового тюркского алфавита унифицированной.

Председатель.—Я предлагаю принять заявление тов. Тюрякулова к сведению. Принимается.

Габитов.—Я, товарищи, обращаю ваше внимание на необходимость срочной заготовки шрифтов нового алфавита. Это имеет большое значение для успеха латинизации и унификации.

Председатель.—Предложение тов. Габитова надо принять и передать организационной комиссии. (Принимается).

Ошаев.—Товарищи, у нас на данном Пленуме есть два представителя не тюркских народностей. Мы оба в данном случае являемся как бы гостями. Нам хотелось сделать следующее заявление. Помимо карачайцев, кабардинцев и балкаров, есть еще чеченцы, ингуши, черкесская народность, в состав которой входят кабардинцы и адыгейцы, а в Закавказье есть еще абхазцы. Затем в Дагестане есть еще ряд не тюркских народностей.

Опыт проведения латинского алфавита на Северном Кавказе был начат немного ранее, чем в Азербайджане. Первая начала это дело Осетия, затем присоединилась Ингушетия. Понятно, что при той спешке, которая была тогда, выработанный алфавит носит весьма несовершенный характер. После того, как в 1925 году все чеченские народности приняли этот алфавит, нам пришлось примкнуть, главным образом, к Ингушетии, чтобы не отходить далеко от них. Поэтому все недостатки выработанного ими алфавита отразились и в нашем алфавите. Вследствие этого, у нас, представителей не тюркских народностей, возникает мысль о созыве специального совещания по унификации письменности всех горских народностей не тюркского происхождения, с тем, чтобы использовать опыт данного Пленума и в качестве основы взять выработанный здесь алфавит. Это будет тем более удобно, что все данные народности (черкесы, адыгейцы и чеченцы) приняли новый алфавит недавно и большой литературы у нас

нет. Я полагал бы в постановлении комиссии признать необходимым рекомендовать этим народностям собрать совещание и, в частности, поручить это сделать Северо-Кавказскому комитету нового алфавита.

Агамалы-Оглы.—Здесь есть представители не тюркских народов, входящих в Комитет, как члены?

Омар Алиев.—Есть, они оба и я.

Агамалы-Оглы.—Я думаю, что предложение тов. Ошаева никто не будет оспаривать. Принимается.

Председатель.—Докладчиком на Пленуме о работе нашей комиссии будет тов. Омар Алиев.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цель издания сборника «Культура и письменность Востока»— об'единить все партийные, общественные, педагогические и научные силы тюркотатарских народов СССР вокруг идеи скорейшего и систематического проведения в жизнь нового алфавита.

Сборники будут состоять из 4-х главных отделов:

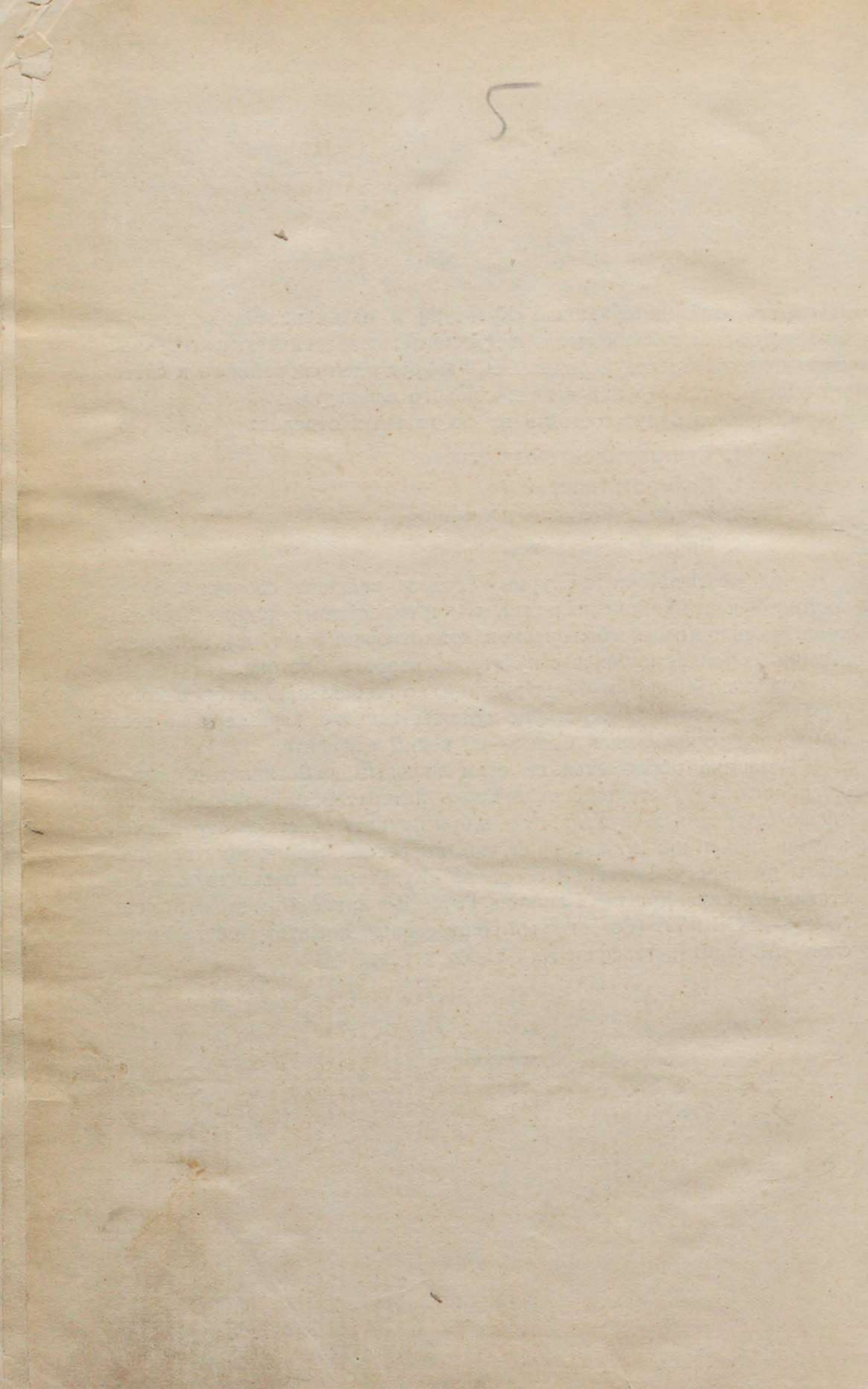
1. **Программно-методического,**
2. **Полит-агитационного,**
3. **Художественно-литературного,**
4. **Информационного.**

Художественно-литературный отдел каждого сборника будет состоять как из оригинальных, так и переводных художественных произведений (рассказов, очерков, стихотворений и т. д.), непосредственно соприкасающихся с культурой народов Востока.

Основным языком будет русский, но по желанию авторов могут допускаться статьи литературно-художественного характера на всех тюрко-татарских языках Союза—на новом алфавите.

Редакция обращается ко всем научным работникам Союза— тюркологам и востоковедам, а также литераторам и беллетристам тюрко-татарских республик, с просьбой принять участие, сотрудничая в сборниках и присылая свои статьи, корреспонденции, заметки, рассказы по адресу: Редакции сборника «Культура и письменность Востока»—Москва, Красная Площадь, ГУМ, III-я линия, III-й этаж, помещ. № 204,—ВЦК НТА (Всесоюзный Центральный Комитет Нового Тюркского Алфавита), телефон № 1-95-59.

143

5

2010516965